

Шерлок Холмс в России

Антология
русской
шерлокианы

Том 2

НОВАЯ ШЕРЛОКИАНА

Salamandra P.V.V.

ШЕРЛОК ХОЛМС В РОССИИ

Антология русской шерлокианы
первой половины XX века

Том 2

Составление, вступ. статья
и комментарии А. Шермана

Salamandra P.V.V.

Шерлок Холмс в России: Антология русской шерлокианы первой половины XX века. Том 2. Сост., вступ. статья и комм. А. Шермана. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 317 с., илл. — (Новая шерлокиана).

В антологии впервые собрана русская шерлокиана, опубликованная в период с начала XX в. и до Второй мировой войны. В это масштабное по полноте и широте охвата издание включены вольные продолжения и пастиши, пародии и юмористические рассказы, истории о приключениях Шерлока Холмса в городах и весях Российской империи и Советского Союза и статьи критиков и интерпретаторов. Многие произведения переиздаются впервые.

© Authors, estate, 2019

© A. Sherman, состав, предисловие, комментарии, 2019

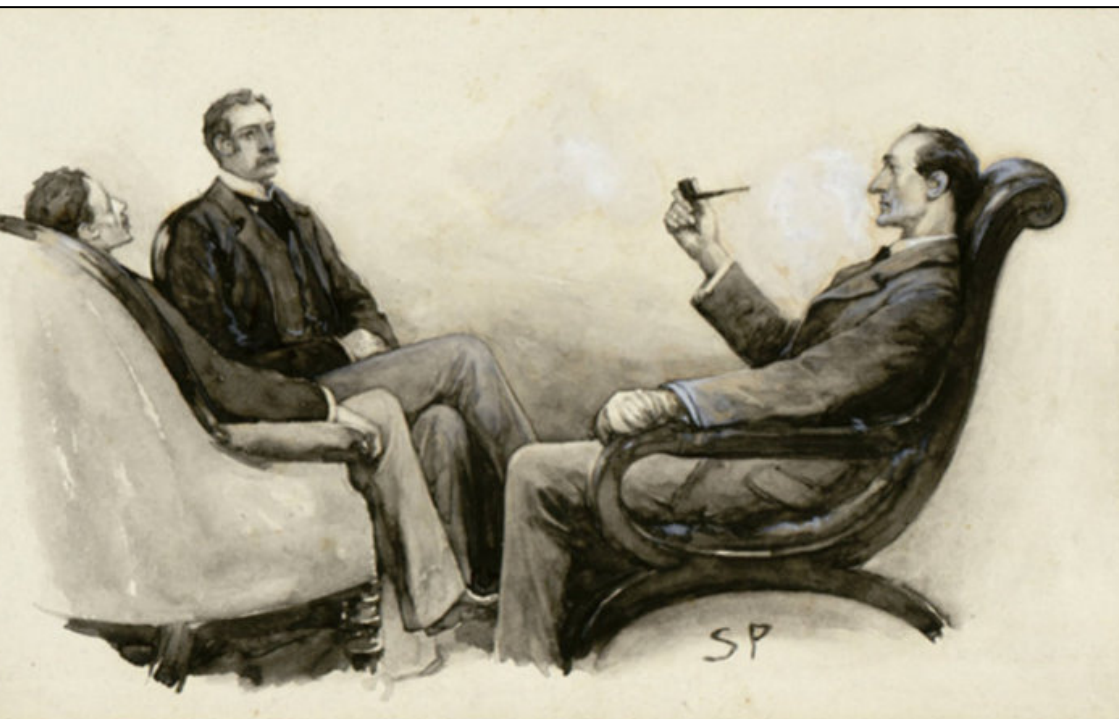
© Salamandra P.V.V., оформление, 2019

ШЕРЛОК ХОЛМС
В РОССИИ

Шерлок, придавший логике прелесть грезы, Шерлок,
составивший монографию о пепле всех видов сигар
и с этим пеплом, как с талисманом, пробирающийся
сквозь хрустальный лабиринт возможных дедукций
к единственному сияющему выводу...

В. Набоков, «Защита Лужина»

По городам и весям

Уроки географии Шерлока Холмса

Аноним

ШЕРЛОК ХОЛМС В СИМБИРСКЕ

Глава I

Был вечер...

Шерлок Холмс, мрачный и задумчивый, медленными большими шагами мерил свой кабинет. У него было одно из тех скверных настроений, которое являлось у него всегда следствием усталости от безделья. Его сильная кипучая натура просила деятельности...

Доктор Ватсон сидел на диване, методически посасывал мундштук своей сигары и наблюдал за Шерлоком.

— Вы читали, Ватсон?

— Что?..

Шерлок Холмс посмотрел на него холодными глазами и ничего не ответил...

Наконец Холмс заговорил:

— А я думал, — вы прочли. Дело интересное... Да, очень интересное и... загадочное, — добавил он, помолчав. — Видите ли, — начал он, — вот заметка в нынешнем номере «Таймса» — прочтите!.. Вырезка из «Русского слова».

Ватсон взял номер и прочел:

«Вся Москва взволнована страшным злодейским преступлением. На Садовой-Самотекской ул. в д. № 14552 в ночь на 15 июня вырезана целая семья мещанина Стукалкина, состоящая из 8 человек: мужа, жены, 2-х девушек, сестер Стукалкина, двоих детей и двух служанок. При следствии похищения не обнаружено. Деньги и процентные бумаги, хранившиеся в столе, перерыты и оставлены. Взлома не оказалось, квартира заперта изнутри. Все жертвы убиты каким-то странным трехгранным оружием, с поразительной ловкостью направленным прямо в сердце. Производится следствие... Виновные не обнаружены...»

— Как и всегда... — прибавил Холмс. — Эти форменные ничего не хотят соображать, или — прямо не могут.

Доктор Ватсон молчал и машинально рассматривал газету.

Было тихо...

— А вот тут что-то есть... — проговорил Холмс, подавая собеседнику со стола старый № «Таймса».

— Это, несомненно, имеет связь с этим преступлением. Это апрельский номер, и вот заметка о смерти нью-йоркского миллиардера Джемса Френсона, который завещал часть своего состояния, около 10 миллионов долларов, некоему Стукалкину, живущему в России...

Ватсон молчал...

Холмс по-прежнему ходил из угла в угол. Глаза его блестели теперь загадочным блеском, губы насмешливо улыбались.

— Который час?.. — спросил Шерлок Холмс, останавливаясь перед Ватсоном.

Тот вынул из кармана золотой хронометр и, взглянув на циферблат, ответил:

— 7 часов...

Шерлок промолчал и, усевшись в кресло, закурил сигару.

Было тихо. Струились синеватые кольца табачного дыма.

— Друг Ватсон, — начал Холмс, — что вы скажете мне, если я предложу вам прокатиться сейчас в Россию?..

— Сию минуту? — с удовольствием воскликнул Ватсон и глаза его расширились.

— Ну, если не хотитесию минуту,— то через полчаса, через час, черт возьми... Если, конечно, вы располагаете собой по-прежнему, — добавил он, с усмешкой взглянув на Ватсона. Доктор покраснел.

— Итак, решено: через полчаса мы выезжаем в Россию, но это будем мы знать одни. Для других мы едем в Америку. По дороге расскажу все, а сейчас... — он нажал пуговку звонка.

— Попросим мистрисс Вудлей, пусть она нам кое-что уложит.

Вошла мистрисс Вудлей, недурная собой вдовушка, лет 30-ти.

— Вы, может быть, мистер Холмс, хотите покушать, у меня есть чудный пудинг для вас... Отличный...

— Нет, дорогая мистрисс Вудлей, благодарю вас, хуже, — мы с другом моим мистером Ватсоном решили сейчас прокатиться на ту часть земного шара, где теперь утро. Мы едем в Америку. Может быть, вы нам поможете в этом, уложив мой чемодан?

— Мистер Холмс! — завопила она. — Сейчас и в Америку?.. Вы шутите?..

— Нисколько... Мы заедем к тебе, Ватсон, и возьмем твой чемодан.

Мистрисс Вудлей удалилась, а через полчаса Шерлок Холмс и доктор Ватсон садились в кэб у подъезда своей квартиры...

— На поезд, — в Ливерпуль!.. — крикнул Холмс человеку, сидящему на козлах, и кэб мягко покатился по мостовой Беккер-стрита. Был туман и электрические фонари казались светлыми чудовищными хлопьями ваты на темно-сером ковре лондонского тумана...

Глава II

Утром, 17-го июня, на Садовой Самоотекской, в Москве, суежилась громадная толпа народа и полиция.

В доме № 14552 дворником было замечено, что в квартире № 3 что-то неладно. В обыкновенное утреннее время никто из нее не вышел.

Прошло время обеда, пришел вечер. Газеты, брошенные в ящик, не были взяты, зеленщик не достучался и не позвонился, огня не было видно. Утром на следующий день дворник обратился с заявлением в участок. Явилась полиция, взломала дверь и ее глазам представилась ужасная картина. Около двери, где находилась кухня, в своей кровати лежала старушка-кухарка без признаков жизни. В следующей комнате, тоже на кровати, залитая кровью, лежала горничная, тоже мертвая. В спальне хозяев, на кроватях, точно таким же образом были найдены хозяин квартиры мещанин Стукалкин, мужчина лет тридцати, жена его, двад-

цатипятилетняя красавица, и два малолетних сына.

Полиция составила протокол.

Явился следователь, агент сыскной полиции и целая туча репортеров.

Всем ясно кинулось в глаза, что преступление было совершено удивительно хладнокровно, и странно, с непонятной целью: не было похищено не только много золотых и серебряных вещей, лежавших на столах и на камине, даже деньги и процентные бумаги не были взяты, хотя и тщательно перерыты в столике.

Убийство было совершено каким-то трехгранным острым орудием.

Полиция сбилась с ног, отыскивая хоть маленький след преступника, но бесполезно. Общество было сильно заинтересовано загадочной обстановкой преступления, и с нетерпением читало газеты, ожидая каких-либо новостей по этому делу.

Прошло два месяца. Однажды в серое осеннее утро в номерах на Тверской сидели два человека и пили кофе. В окна стучал дождь. Был вечер, настоящий русский ветер.

— Знаете, Ватсон, — сказал мужчина, закутавшийся в плед и сидевший у камина.

— Что я должен знать, Холмс? — ответил ему собеседник, шагавший с чашечкой кофе по комнате.

— Мне становится кое-что ясным во всем этом деле... Но, клянусь вам, дело это так сложно и запутано, что я прямо могу сказать: мы имеем дело не с простым убийцей, а лицом, сильно похожим на покойного профессора Мариани. Видите ли: семья убита, деньги получены кем-то по подложному паспорту на имя убитого Стуколкина, и не оставлено ни малейшего следа... Вот телеграмма из Нью-Йорка: «Деньги получены Стуколкиным. Дело чистое. Думаю, что убит не Стуколкин, а какое-то другое лицо. 40 миллионов пересланы в Берлин Стуколкину и его доверенному, г-ну фон Дидрихсу. Агент Лестрэд». Этот дурак, как и всегда, только тормозит дело, но я клянусь, от меня не укроется таинственная тень Стуколкина.

— Что вы уже знаете, Холмс, по этому делу, и что думаете предпринять?

— Вот, смотрите, — вырезка из «Русской земли»: «Бывший московский почтовый чиновник Грязев, получивший небольшое наследство от тетки, исчисленное в 17 тысяч, пожертвовал в пользу “Союза русского народа” 15 тысяч. Это единственный крупный факт из жизни последнего времени нашего несчастного отечества».

— Я ничего не понимаю... Что же из того?..

— А вот, смотрите еще газету «Казанский вечер». Там стоит: «Бывший почтовый чиновник Грязев, получивший небольшое наследство, пожертвовал в пользу ссыльных (политических) в Нарымский край 18 тысяч...» Что же это такое? а?

— Но я не вижу никакой связи преступления с жертвователем то на революционные, то на патриотические цели свои деньги.

— Я думаю, что этому человеку откуда-то с неба свалились громадные деньги, и он не знает, куда их девать. У него просят на основание гимназии в Вятке и он дает, что видно из хроники «Вятского края», и через неделю кидает такую же сумму на построение шантана в Симбирске.

— Это не меняет дела. Человек кидается в разные стороны, мечет деньгами и думает, что приносит пользу шантаном.

— Я узнал еще следующее: Грязев получал в почтамте 42 рубля в месяц, ему 27 лет, и накопить много денег он не мог, воровать ему было негде, так как почта — это единственное в России учреждение, где ведется самая строгая формальность относительно каждой трехкопеечной марки. Я узнал еще: тетки у него не было, родственник его, служащий музыкантом в Самаре, зарабатывает 80 руб. в месяц, и он тоже не мог дать Грязеву таких денег. Грязев был альфонсом у одной барыни, молодящейся старухи, но она жива, не особенно богата, довольно скупа и платила ему по мелочам. Я думаю: убийца семьи Стуколкиных — Грязев. Вот справка в почтамте: он уволился 10-го июня. Пропал из Москвы, выписавшись в Кишиневе 9-го. Теперь он на-

ходится где-то в среднем Поволжье: в Казани, Саратове. Самаре или Симбирске. Я это знаю потому, что на днях в Самаре был арестован полицией пьяный помещик Грязев, ударивший в ресторане кокотку и разбивший ей глаз. Назад тому неделю в Сенгилее с парохода снят фабрикант Грязев, буйствовавший и пристававший к одной почтенной даме, известной симбирской красавице N. V. Z., с предложениями, на которые...

— Это удивительно, Холмс. Мы в Москве только четыре дня, а вы уже знаете все... Это поразительно.

— Клянусь, я достану этого человека со дна моря. Пусть он едет, куда ему угодно. Россия хороша тем, что здесь преступник не может далеко убежать. Куда он денется без паспорта?...

— Да, — но к нам кто-то стучится... Войдите...

Вошел развязный детина, одетый по последней моде, с шикарным пробором на голове, с бездонным нахальством во взоре и тупостью в лице.

— Сотрудник «Вечернего луча», — отрекомендовался он.

— Это уличная газетка Москвы бундистского направления, — прошептал Холмс на ухо Ватсону. — Чем могу служить?..

— Я должен сделать вам интервью. Вы представитель «Анонимного Бельгийского Общества», пославшего вас в Симбирск хлопотать об открытии там трамвая? Дайте мне сведения о ходе ваших хлопот.

— Пожалуйста, — вежливо предложил сыщик кресло журналисту и сообщил ему все, что тот хотел знать.

— Хорошо, — ответил репортер. — У нас будет сенсационная заметка. Благодарю вас...

— Пожалуйста... пожалуйста, — распаркался Холмс. — Только, если вы будете так добры, поставьте в вашей заметке: что мы едем сегодня в Симбирск, инкогнито... Мы, именно, представители Анонимного Бельгийского Общества...

— К вашим услугам... До свиданья...

— До свиданья...

— Какой-то молодой человек вас спрашивает, — доложил лакей.

— Нас нет дома. Едем, Ватсон, в Симбирск... Представьте счет...

— Слушаю-с...

— Посмотрим маршрут: Москва, Рязань, Рузаевка, Инза, Симбирск. Отходит в 11 часов, приходит в 8 часов вечера в Симбирск.

— Едем... Чемоданы уложены. Сколько по счету?..

— 82 рублика-с 34 копейки-с... На чаек-с, если милость ваша будет, потому уход и прочее, тому подобное...

— 90 рублей. Извольте... Запишите, выезжаем в Симбирск.

— До свиданьица, вашисясь... Позвольте, я донесу. Па-ажалуйте.

Дожидался извозчик... Холмс и Ватсон сели и быстро помчались к Рязанскому вокзалу. Проехали Тверскую, промелькнули по Театральному проезду, по Мясницкой и остановились у вокзала.

Через полчаса поезд мчал их к Рязани...

Глава III

Сначала ехали мимо дач. Попадались удивительно красивые места и уютные дачки, но чем дальше уходил поезд от грязной Москвы, тем скучнее становилась дорога. Мелькали неприкрытые деревни, пьяные мужики, толстые неуклюжие бабы, краснощекие девки, во все горло «горланившие» песни... Пейзажи шли однообразные, скучные, утомительные, как и сами станции.

Только в Тамбовской губ. глаз немного отдыхал на красивых хохлушках, с песнями выходившими на станции... Парни были здоровы и рослы. И села как-то уютно смотрели из-за холмиков...

Потом началась Сура. На ее берегах много удивительно красивых мест. Есть и такие, от которых жаль оторваться, несмотря на осеннюю погоду.

Ватсон читал газету, купленную в Москве, а Холмс знакомился с пассажирами и уже завел разговор с какой-то дамой, ехавшей с своим мужем в Карсун... Дамочка ела все время конфеты и болтала без умолку.

— Вы тоже в Симбирск? — изумилась она, узнав от Шерлока Холмса, что он ей по пути до самого места.

— Скажите пожалуйста! Слышишь, бюрократ, — обратилась она к мужу, — господин тоже едет в Симбирск. Иди познакомься.

Муж вежливо пожал руку Холмсу и вновь заснул на своем месте.

— Да! Еду вот в Симбирск, — начал Холмс, — и совершенно не знаю, куда я еду.. Мне кажется, что я еду в какую-то Австралию, к дикарям...

— Помилуйте, — возмутилась собеседница. — У нас много интеллигенции, у нас очень много людей из общества...

— И если они все так же красивы и образованны, как вы... — заметил вскользь Холмс, — то я начинаю думать, что я еду в Париж...

Дамочка приняла комплимент, как и подобает, с должной скромностью, покраснела, потупилась, но взор ее ясно показал сыщику, что она далеко не прочь наставить мужу некоторое украшение на лоб.

— Матушка! — пророкотал ее благоверный. — Скоро Инза, так будь добра, не забудь купить мне зубровки. Опять ревматизм.

— Хорошо, хорошо, мой зубренок.. Не забуду... Ну, а вы что будете делать в Симбирске? — обратилась она к Шерлоку.

— Я еду по делам трамвая. Скучно разговаривать на такую тему. Расскажите мне чтонибудь про ваш Симбирск...

— Начинаю... Город на берегу Волги... Мимо река Свияга. Лучшая улица Большая. Самый лучший дом — Кадетский корпус и барона Штемпеля. У нас есть театр и там теперь драма. Летом шато-кабак Чурашевой во Владимирском саду. Гулянье на Венце. Есть у нас чудный Карамзинский сад и там памятник... Есть хороший магазин, — например, Пастуховский.

Одно слово «Пастуховский» как-то приподняло дамочку, глаза ее заблестели, засверкали, а муж ее сразу проснулся.

— Что, что, матушка? Что Пастуховский? Сколько?... — забормотал он во сне, очевидно, ненавидевший магазин Пастухова за то, что слишком часто навевывалась туда его легкомысленная половина.

— Ну-с, что у нас еще особо примечательного?... Кажется, больше ничего нет. Воздух у нас хороший, климат здоровый, волжский, часто весною, впрочем, заболевают то ревматизмом, то простудной ломотой и еще кое-какими болезнями...

— И что же, многие страдают этими болезнями? — спросил Шерлок Холмс.

— Да! прежде страдали очень многие...

— Т. е. кой прямое? А теперь?

— А теперь мы этих болезней не боимся...

— Как не боитесь? Ведь эти болезни, как например ревматизм, считаются почти неизлечимыми.

— Это было раньше, пока в Симбирск не приезжал Георгий Санфи́ров.

— Кто это Георгий Санфи́ров? — спросил Шерлок Холмс.

— А это известный изобретатель единственного в мире целебного средства «Радикал», незаменимого при лечении

ревматизма,

простудной ломоты, сыпи, чесотки, лишая, экземы, золотухи, застарелых кожных ран, геморроя, венозных (чирьев), поранений, порезов, ушибов, ожога, обваренья кипятком и потения ног.

— Да, да! Я о «Радикале» Георгия Санфи́рова слышал очень много лестного, — сказал доктор Ватсон. — Кстати, вот у меня московская газета, и в ней перепечатано из симбирской газеты «Народные вести» благодарственное письмо одного из больных, именно из № 92 «Народные вести».

— Станция Инза! — провозгласил кондуктор. — Пересадка на Симбирск!

Публика заметалась. Начали связывать чемоданы, баулы, дорожные пледы, корзинки.

— Ты, матушка, тут найми когонибудь из алгвазилов, а я прямо в буфет пройду, — решил супруг дамочки.

— Сейчас будет обед, Ватсон, — сказал Холмс, — помогая дамочке собрать ее шляпки, тряпки и проч.

Поезд встал. Публика повалила в вокзал. Дамочка визжала, кричала на носильщика и вносила сумбур в перетаскивание ее вещей.

А поезд уже шел на Симбирск. Пропала сзади Шарлава, промелькнули Чуфарово, Вешкайма, Майна... Проехали село Вырыпаевку, мост через Свягу и очутились на вокзале... Город сиял огнями... Началось движение на вокзале, крики, перебранка, лошадиный топот... Сыщик и доктор ехали сзади дамочки, пригласившей их к себе в гости...

— Хорошо, что эта барынька везет нас к себе, — шептал Холмс молчавшему доктору. — А то номера в провинциальном городишке, — это... Это, мистер Ватсон, место, где клопы — людоеды не хуже австралийских дикарей...

На Покровской улице они остановились, а через полчаса сидели за чаем в уютной гостиной дома помещика Ноздрева-Манилова.

Глава IV

Моросил мелкий осенний дождик. Все казалось серым: и дома, и сады, и весь город. Волга спряталась за сетью дождя и казалась страшно скучной.

Через деревья Владимирского сада неслась разухабистая мазурка военного оркестра. К кассе подходили одинокие обыватели и брали билеты. Не смотря на музыку и освещение — было скучно... Публики было много. Артисты шумно пили пиво на веранде ресторана, вспоминая каждый сборы в Варшаве, Харькове, Одессе, именно там, куда

ни разу не заносила их судьба или, вернее, антрепренерская рука.

Артистки уныло, с голодными глазами, бродили мимо скамеек, где уселась публика в ожидании спектакля, и предлагали свои услуги насчет «веселого времяпрепровождения». Кругом разносился аромат разврата, продажности, фальши и... голода... За шорохом шелковой юбки артистки и фальшивых камней в ее кольцах чудился голод. Искали новых острых ощущений и новых приключений купеческие сынки, несколько помещиков, учащая молодежь. По площадке «гулял» с артисткой-примадонной студент в николаевке. Было смешно смотреть на его деланную английскую походку, нарочито «подагричную» и развинченную, и на его рыжие волосы и усталое, поношенное веснушчатое лицо. Примадонна все свои нервы напрягала для того, чтобы заинтересовать «барина» и «подковать» его на ужин со всем, что полагается для ужина в отдельном кабинете.

В сад вошли еще два скучающих господина. Оба одеты были шикарно и, по всей видимости, тоже искали приключений. Один был высокого роста и немного сутул, другой был маленький, толстенький и неимоверно весел. Они сели на веранде за столик и спросили портвейну и завтрак.

Музыка играла какой-то оживленный вальс.

— Так вы говорите, господин Иванов, что всех знаете в Симбирске? А ну, скажите мне от нечего делать фамилии и имена всех сидящих здесь в саду... — предложил высокий.

— Давайте на пари. Если кого не назову, ставлю дюжину шампанского. В противном случае вы ставите. Идет?

— Идет. Я думаю, что вы проиграете пари.

— Увидим... Итак (толстенький начал тыкать пальцем в публику, хорошо освещенную электричеством, или показывать глазами.) Видите: студент с английской походкой — г-н Летнинский. Богат, глуп, развратен и пр. С ним наша примадонна Энская. С идиотом из банка Половинным — Марья Ивановна, с Кошкиным — Дуня Фаланина, вон там наша несравненная Ольга Ивановна, с ней Анютка, по прозванию «нищенка», с артистами пьет коньяк баронесса, сестра базарного цирюльника Грошева. Вот как у нас! И баронессы

есть. Рядом с ней акушерка Шаландова, зарабатывает массажем около 1000 рублей, с чего такая мятая и потрепанная. Массаж это так только, ширма. Вон там Маша черненькая с Грязевым...

— Как вы сказали? Грязевым?

— Да? А что?...

— Вы сказали, Грязев?...

— Да, я сказал Грязев. Но вы ошибаетесь. Вы не знакомы с этим сутенером Машки. А впрочем, виноват, это легко может быть.

Высокий собеседник говоруна не высказал своего волнения, но нельзя было не заметить, что он впился глазами в тщедушного неказистого юношу около толстой Машки. Говорун ужинал и болтал... А тот по-прежнему смотрел в лицо Грязева и старался прислушаться к тому, что он говорит.

— Вот, понимаете, типик-то, прямо русский, — болтал толстенький Иванов. — Получил наследство, и вместо того, чтобы держать его в банке, взял к себе... Наследство миллионное... Был раньше голяком, — ну и закутил. Париж, рулетка, кокотки, какая-то примадонна из Питера, жертвовал миллионы на постройку тюрьмы в Болгарии для заговорщиков, здесь много раздал и теперь босяк... У нас на Руси это не диковина, конечно, но ведь миллионы. Теперь, говорят, сутенером у Машки и мелкий воришка. Осталось у него всего-навсего рублей 100, и теперь он их доживает. Послезавтра будет голодать... У нас это не диковина.

— Грязев! Так это Грязев?.. Сто рублей осталось! Хорошо...

— А пари?.. Дальше... Сестры Катька и Танька... А этот господин... господин. Фу ты, Господи, что это такое?...

— Что, не знаете?.. ага?.. Не знаете?..

— Изящный костюм из Парижа, брильянты, манера, черные демонские глаза... Кто это?..

— Это, очевидно, какойнибудь коммивояжер от лондонской фирмы. Но я что-то помню это лицо... Ха! Я помню!.. Мистер Рафлс, — прошептал он...

Молодой человек быстро обернулся, встретился со взором сутулого человека, съежился и... быстро исчез в кустах...

Сутулый человек тут же попрощался с изумленным Ивановым и тоже побежал вслед за Рафльсом... Но последнего уже не было там, а в это самое время Грязев пошел к выходу. Сутулый человек растерялся и направился вслед за Грязевым. Преступник медленно, напевая под нос кек-уок, шел по Венцу, свернул на Стрелецкую, вышел на старый Венец и направился так же медленно к Шатальной улице. Сутулый человек издали зорко следил за ним и не отставал. Поравнялись с будкой... В этот момент откуда-то раздался негромкий свист и крик:

— Постромка!..

Моментально сутулый господин был окружен несколькими оборванцами, накинувшимися на него с разных сторон. Господин приемом джиу-чжу откинул троих под гору, но его схватили сзади дюжие руки и кто-то прошептал: «На прихват!»

Господину надавили пальцами на адамово яблоко в горле и быстро повалили на землю. Борьба продолжалась не более минуты. Место было уединенное и отдаленное — рассчитывать на чью бы то ни было помощь было нечего. Над ним наклонились черные глаза и красивое лицо...

— Шерлок Холмс, — прошептал Рафльс. — Вы в моих руках. Ха-ха! Знаменитый сыщик Шерлок Холмс едет в Симбирск ловить знаменитого Рафльса и болтает репортерам о своем торжественном въезде.. Ха-ха!.. Так что же... Мне не пришлось бороться... Сейчас мы вас бросим в Волгу и на просторе займемся делишками...

— Мариани!.. прошептал Шерлок Холмс. — Мариани-Рафльс... Да, дело приняло серьезный оборот.

— Шерлок Холмс. Вы сегодня уедете из Симбирска совсем, т. к. даете мне в этом честное слово...

Неимоверным усилием, с дьявольской силой, Шерлок отбросил от себя шайку и прыгнул в сторону.

— Я стреляю! — закричал он. — Ни с места!..

— Ха-ха-ха, — послышалось в ответ. — Стреляйте, — пальцем.

— Стрема!..

Шайка снова кинулась, на Холмса но его уже не было на этом месте. Стоял только забор, за которым был сад, а около скамейки лежал в луже крови профессор Мариани с раной на голове, причиненной каким-то странным оружием, вроде кистеня.

А Холмс в это время бежал по Шатальной улице, освещающая тротуар и тщетно ища следов исчезнувшего Грязева.

Городовой на углу Мартыновой и Ново-Казанской улиц сообщил ему, что тут прошел молодой человек в летнем пальто и спортивной куртке, направляясь к казармам. Холмс поблагодарил полицейского и помчался дальше...

«Мариани имеет отношение к Грязеву, — думал он на ходу, комбинируя предположения, сопоставляя факты, делая догадки. Но Мариани из моих рук не уйдет. Завтра я его схвачу, а пока надо кончить дело с Грязевым. Он живет в Кирпичных Сараях... Надо идти туда».

И Шерлок Холмс свернул с Шатальной на Мартыновую, прошел Лосевой, Буинской, Миллионной и очутился в грязных, отвратительных Сараях.

— Тетенька! Где тут «Кадетский корпус»? — обратился он к попавшейся женщине.

— А вот пройди эф тот забор-ти, да направо поверни, а тамотка увидишь...

Глава V

«Кадетский корпус» представлял из себя землянку, занимаемую босяками. Полиция не обращала внимания на корпус, т. к. знала, что босяки никакого вреда для города принести не могут, никому не мешают, а если и воруют, — то ни разу не пойманы, а хватать их по одному подозрению — не стоила овчинка выделки, тем более что для «галахов» тюрьма на зиму казалась благополучным завершением летнего и осеннего сезонов, когда они наслаждались чудным воздухом на пристанях, ели там ежедневно уху, играли в Колках в орлянку и «стреляли» у пассажиров пята-

ки. В сущности, это была удивительно мирная публика. Они никого не трогали, пьянствовали, играли в карты и «стреляли». Иногда помогали жителям Сараев носить воду, колоть дрова, мести дворы — и все это за самую мизерную плату.

Теперь они сидели в своей землянке на «юрцах»¹ и играли в «святцы»². Посреди стояла бутылка «гамуры»⁴, к которой они временами и прикладывались, закусывая огурцами. Меж ними были и «халамидники»⁴, и «домушники»⁵, и «ширмошники»⁶; в разных позах на «юрцах» по углам лежали «аферисты»⁷, «лощи»⁸, «гольцы»⁹, «марухи»¹⁰ в потрепанных костюмах и т.п. «шпана»¹¹.

В одном углу развалился Архипка «Орлянщик» и играл на саратовской гармонике сердцещипательную «романцу». Рядом с ним три марухи в свободных позах «щелкали» зерна и вели «колокольчик»¹².

В землянке было холодно. Марухи жались к печке, давно уже остывшей, гольцы и лощи согревали друг друга.

В это время в «Корпус» вошел высокий босяк с огромным синяком под глазом и быстро осмотрел помещение.

— «Стрема»¹³, — прошептал кто-то. — Новичок!

— «Шесть»¹⁴, — ответил из угла Архипка.

Вошедшему начался допрос одним из босяков.

— Ты чей, молодец?...

¹ Нарах (*Здесь и далее прим. авт.*).

² Карты.

⁴ Водки.

⁴ Воры на базаре

⁵ Воры по домам.

⁶ Жулики.

⁷ Более хитрые жулики.

⁸ Мальчики, служащие в целях педерастии.

⁹ То же.

¹⁰ Проститутки.

¹¹ Мелкота.

¹² Сплетни.

¹³ Берегись!

¹⁴ То же.

— Из Саратова купец, — ответил «новичок», делая странный жест рукой.

— Чем изволишь торговать?

— Да что про это толковать?... Поднесите «лампадочку»¹⁵ Христа ради.

— А по прозвищу как?.

— «Казак Хрялов»¹⁶, — отвечал бойко вошедший и уселся около игравших. Сапог на нем не было, на ногах болтались какие-то опорки, из под пиджака виднелось голое тело.

— А «балдоха»¹⁷ здесь без «ходулей»¹⁸. Больно балдоха.

— Иди сюда! — позвала одна маруха. — У печки-то «амбочка»¹⁹. У тебя что, «очки»-то²⁰ есть?..

— Разбил в пути. Ничего не вижу. К вашему шалашу...

Он улегся на юрцах и замолчал, очевидно, сильно усталый. Босышки не обратили на него внимания и начали вновь свою игру...

Через полчаса в землянку вошел Грязев.

Его приход остался совершенно незамеченным. Только заснувший «казак Хрялов» придвинулся незаметно к тому месту, где лег Грязев, и стал слушать, что говорит ему Архипка...

— Плохо? — вопрошал гармонист.

— Последние «рыжие бока»²¹ «замазал»²² — отвечал Грязев.

— А я седни «шипун»²³ у купца Толстопузова сперла, — объявила ни с того, ни с сего одна маруха. — Завтра «сары»²⁴ будут.

¹⁵ Рюмку.

¹⁶ Обычное название беглого арестанта.

¹⁷ Холодно.

¹⁸ Ноги.

¹⁹ Хорошо.

²⁰ Паспорт.

²¹ Золотые часы.

²² Заложил.

²³ Самовар.

²⁴ Деньги.

— Кто-то у «глаза» стоит... Шесть... — объявил один из играющих.

Архипка немедленно «ухрял»²⁵ с своего места и тщательно «затырил»²⁶ «сторгованных»²⁷ «голубей»²⁸ под юрцы.

— Сыщик, надо полагать... — проговорил кто-то...

— Стрема...

Но в землянку, шатаясь, вошел Рафльс-Мариани и лег в изнеможении на посланную на юрцах солому.

— «Скамейка»²⁹ стоит у трактира пустая. Сходи кто...

Немедленно вышли три человека и пропали на два часа. Лошадь, очевидно, была уведена, а может быть, и продана.

— Завтра «кусакать» нечего. «Схряну» к Юргенсу. Кто со мной? Работа будет... — предложил один босяк.

— Я «хряну», — согласился Грязев.

— И я, — встал с юрцев казак Хрялов.

— Надо «перо»³⁰ да «фомку»³¹ взять.

Вскоре все трое вышли на улицу и пропали во мгле продолжавшего сеять дождя.

Город начинал засыпать. Ночные караульщики давно уже вышли на отдых; прикорнув к воротам на скамеечке, они мирно храпели «во все носовые заворотки» и сильно интриговали своим храпом кутят, которые, задремав на полчаса, вдруг просыпались и, ничего не сообразив со сна, принимались лаять на воротные столбы. Городишко засыпал.

²⁵ Ушел.

²⁶ Спрятал.

²⁷ Украденных.

²⁸ Белье.

²⁹ Лошадь.

³⁰ Нож.

³¹ Лом.

Глава VI

— Васька, полезай! — предложил Грязев босяку.

Босяк, согнувшись, пролез в проломанное отверстие в подвал магазина и зашептал:

— Дай-ка сюда фонарь да фомку. А того пошли сюда на «постромку»...

Грязев подал требуемое и оглянулся на босяка...

Казак Хрялов исчез. Перед преступником стоял высокий сутулый господин, наведя дуло револьвера прямо ему в лоб.

— Молчи, Грязев... Если хоть слово, убью на месте...

Моментально господин заколотил отверстие, забив таким образом босяка в подвале, и предложил Грязеву идти за ним.

На углу Театральной и Александровской площади они остановились.

— Зайдем в этот дом, — предложил Грязеву спутник.

— Я крикну полицию, — нахально ответил Грязев. — По какому праву ты таскаешь, меня по городу и командуешь? Если хочешь, я сейчас крикну, а то вот...

В руках его блеснул кинжал...

Как дикая кошка, Грязев бросился на спутника, и через минуту, с опущенной обезоруженной рукой, был втолкнут в калитку двора и проведен в мрачный, одиноко стоящий флигель.

На дворе поднимался ветер. Дождь хлестал, как из ведра. Было темно и жутко.

— Итак, господин Грязев, вы в моих руках. Смотрите, я снимаю парик, бороду, усы, и перед вами стоит... Шерлок Холмс.

Грязев в ужасе задрожал и опустился на колени. У него отнялся дар слова.

— Расскажите мне, Грязев, подробности вашего преступления, — меня интересует это дело. Ну-с, я слушаю!.. Говорите, я слушаю.

— Значит, я иду на каторгу?... За что?.. — в безумном испуге проговорил Грязев... — Но я расскажу, я расскажу...

— Да, скорее к делу! Начинайте!

— Собственно, так началось. Прямо до смешного просто... Сiju раз я на почте, и вижу, бумага. Доверенный фирмы миллиардера Джемса Френсона уведомляет Стукалкина, что ему оставлено наследство в 9 миллионов. Я эту бумагу спрятал и поговорил с одним хорошим человеком. Он мне и порекомендовал: возьми, говорит, доверенность от Стукалкина и поезжай к этому Френсону. Ладно, сходил я на Хитровку, сделали мне там доверенность, — прямо не узнаешь, что подложная. Печати, подписи нотариусов, полиции, начальства. Еду в Берлин. Там с адвокатом поговорил... Ну, и пришло это наследство через «Лионский кредит»... Поехал я тогда в Париж, в Лондон, по России, — а, кстати, — в Лондоне какой то мерзавец меня и обтяпал. Оставил мне миллиона два, да я и с ними запутался. Кто ни попросит, даю тысячами. А теперь вот, — и я на кражу пошел. Часто думал я, — не послать ли Стукалкину так, немножко, да боялся, кабы дела не начал. Попадусь, мол, а так-то, может быть и не узнает он.

— Позвольте, что вы мне говорите? Вы шутите со мной?..

— Ей-Богу, нет!.. Прямо по совести... У меня не осталось ни копейки...

— Ну, а убийство Стукалкина?..

— Что?!. Убийство?!. Я никого не убивал. Мы хотели убить с одним босяком одного господина, который ограбил меня в Лондоне, — но вот я уже попался... А я никого не убивал.

— Тогда я ничего, буквально ничего не понимаю!.. Да вы знаете ли то, что семья Стукалкиных убита?.. Ведь она убита в тот самый день, как вы поехали в Берлин?

— Я ничего не знаю... Вот убей меня Бог на этом месте, — Грязев прямо посмотрел в глаза Холмсу, и заплакал... — Я ни причем в этой истории. Я ограбил их, но я их не убивал. Я и на каторгу пойду, но только я не убивал...

— Я ничего не понимаю!.. Ничего не понимаю... Но хорошо!.. Я разберу это дело. Будь тут замешан сам Сатана... Итак, — я буду действовать. Вы не пойдете на каторгу, если будете во всем повиноваться мне...

— Господи!.. Да я хоть сейчас... Мне теперь все равно...

— Ладно. Я начинаю... Делайте то, что я скажу. Чтобы с вами ни случилось, — не бойтесь, и главное, — ничему не удивляйтесь...

Глава VII

Стояла глухая полночь. За окном выл ветер, хлопал ставнями, выл в трубе и нагонял тоску. В одной из комнат одинокого флигеля шагал Шерлок Холмс... Это занятие, очевидно, скоро наскучило ему, — он присел к столу и стал рассматривать какие-то бумаги. Исполнив и эту работу, сыщик сладко зевнул, потянулся и лег на кушетку. Покрылся одеялом, спустил огонь в лампе, и скоро заснул. Комната была пуста. Только видно было стены, слабо озаренные тусклым светом лампы, и спящий человек с высунутой рукой, в которой блестело страшное дуло браунинга.

Шли томительные минуты. Шерлок Холмс мирно спал, а на него уже делалось покушение. Где-то скрипели мыши и грызли сухарь. При более чутком внимании можно было понять, что мышей тут не было и духу, а кто-то умело и осторожно пилил дверь. И в самом деле, в самом скором времени дверь была снята невидимой рукой, кто-то тенью подкрался к Шерлоку Холмсу и вынул из его руки револьвер. Усталый сыщик не двинулся. Кто-то поднял огонь... Комната озарилась светом, и в ней очутилось несколько здоровых парней в масках, с веревками и ножами. Около Холмса стоял красивый, злорадно хохотавший Мариани.

Холмс проснулся, и на лице его выразился ужас. Он высунул руку, но она была пуста... Неимоверно быстро он нажал пуговку звонка. Звонок не действовал. Он хотел крикнуть, — но ему накинули на рот какую-то тряпицу и сбросили с кушетки на пол.

Началось торжество победителей...

Мариани сел на стул, приказал посадить Холмса и поставил вокруг свою шайку.

— Как ваше самочувствие, мистер Холмс? — задал он вопрос... — Да, можете не отвечать, — я знаю, что оно не из приятных... Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!.. Но приступим к делу. К делу знаменитого сыщика, раскрывшего убийцу мещанина Стукалкина... А это интересное дело... Я вам расскажу его, мистер Холмс. Угодно?..

Шерлок кивнул головой...

— Итак. Кто же, по-вашему, убил Стукалкина?.. Грязев? Этот дурак, не сумевший даже украсть хорошенько... Убил его я... Вот уже который год я царю над Европой, а вы только хвалились, что схватите меня. И все таки Симбирск может гордиться тем, <что> в нем был убит Шерлок Холмс... Чтобы вы не беспокоились на том свете, я расскажу вам эту историю. Френсон умирает, оставляет Стукалкину, спасшему его жизнь в Сибири при переправе через Ирбит, наследство и посылает ему письмо о выезде. Я выезжаю в Москву, устранив совершенно с лица земли семью этого мещанина, и г-н Грязев встал на моей дороге... По глупости он получает только 10 миллионов, которые я у него взял. Но настоящая бумага на получение остальных имений, фабрик и земель Френсона у Грязева. И я у него украду ее... Там еще миллионов на двести будет денег, и вам не видать их, мистер Холмс... Да-с... Не видать.. Однако, скоро светает... Эй!.. Полейте ему на тряпку хлороформу, лейте больше.

Неимоверным усилием Холмс стряхнул с себя веревки, разорвал тряпку и нечаянно сбросил с себя парик и сломал наклеенный нос.

Пред пораженной шайкой стоял бледный, испуганный Грязев.

— Что это такое?.. Я опять попался впросак? — крикнул Мориани...

Оттолкнув дверь, она не пошевелилась, на нее наперли, — за ней послышался говор нескольких человек

Мариани кинулся к окнам. В темноте под каждым окном стояли фигуры городских с винтовками...

В это время одна картина на стене зашевелилась, повернулась, и из дыры высунулась хохотавшая физиономия Шерлока Холмса.

В обеих руках он держал по револьверу, и водил ими по комнате... Шайка в ужасе прижалась в угол. Мариани вышел на середину и начал переговоры...

Незаметно он поднимал свою руку и прицелился в Холмса.

В этот момент откуда-то со стороны раздался выстрел, и Мариани, выпустив револьвер, бессильно опустил руку.

— Ловко, в самую ладонь, — засмеялся Ватсон с другого угла, высунув лицо в такое же отверстие, как и Холмс.

— Эй!.. Войдите! И арестуйте этих молодчиков! — крикнул Холмс.

Немедленно вошла полиция и связала присутствующих.

Мариани шел мимо четверых городских по Лисиной улице и курил сигару. В Анненковском переулке он отбросил от себя стражу и бросился через дорогу в одну калитку. Около нее шла какая-то проститутка, весело напевавшая.

Калитка оказалась запертой и Мариани заметался по тротуару.

Она с необыкновенной силой схватила Мариани за руки и ввела его в часть. Под накинутым платком виднелась сияющая рожа Холмса.

— Сатана, — ужаснулся преступник. — Сатана!..

— Ха-ха-ха, — ответил ему Холмс.

Мариани немедленно был связан и оставлен при присмотром шести городских...

Грязев был отпущен на 4 стороны, и пошел куда-то в темную, дождливую ночь...

Город уже просыпался... На базар ехали вырыпаевские мужики, шли с молоком виновские бабы, пошли уже на работу чернорабочие...

На Вознесенье пробило 5 часов...

Григорий Озеров

ШЕРЛОК ХОЛЬМС В ТВЕРИ

Цѣна 5 коп.

Гр. Озеровъ.

Брызги пера.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ДЕШЕВАЯ ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА.

Сидя у себя в квартире на Беккер-стрит, великий сыщик рассказывал подробности только что раскрытого им сенсационного дела своему лучшему другу доктору Ватсону, когда ему подали телеграмму.

— Телеграмма из России? Это обещает много интересного, — сказал Шерлок Хольмс и, быстро прочитав содержание телеграммы, добавил:

— Ватсон, прикажите приготовить чемоданы — завтра утром мы уезжаем.

— Куда? — спросил ошеломленный Ватсон.

— В Россию, в Тверь...

* * *

Но каково же было содержание этой таинственной телеграммы, вызвавшей столь внезапный отъезд Шерлока Хольмса в Россию?

Да и, наконец, что же может быть серьезного в Твери? А ведь всем известно, что знаменитый сыщик, как Шерлок Хольмс, пустячными делами заниматься не станет.

Телеграмма, полученная Шерлоком, гласила:

Англия, Лондон.

Беккер-стрит. Мистеру Хольмсу.

Немедленно приезжайте в Россию, в Тверь. Громкое, сенсационное дело.

Гоголев I.

Через несколько дней Шерлок Хольмс был уже в Петербурге, откуда и послал Гоголеву ответную телеграмму:

Тверь.

Гоголеву I-му

Завтра в восемь утра приеду. Встречайте.

Шерлок Хольмс.

Ровно в восемь часов поезд, везший великого сыщика, подошел к Твери. На перроне Шерлока Хольмеа и доктора Ватсона встретил Иван Семенович Гоголев.

Войдя в зал первого класса и присев к столу, Гоголев начал излагать сущность дела, заставившего его прибегнуть к помощи великого сыщика.

— За последнее время, — рассказывал Гоголев, — враги мои (а у меня их очень много) ополчились на меня. Всеми способами они стараются подорвать мой престиж, уронить меня в глазах моих клиентов и сограждан.

Все это было бы ничего, и как-нибудь я справился бы с ними, но на днях я обнаружил пропажу моего доброго имени...

С целью найти похитителя и вернуть себе пропавшее доброе имя, я и решил вызвать вас, мистер Хольмс.

— Yes, — отвечал великий сыщик, — я сделаю все возможное.

* * *

Уже третьи сутки Шерлок Хольмс живет в Твери и разыскивает пропавшее доброе имя г. Гоголева. За это время великий сыщик несколько раз менял грим и под видом то купца, то чиновника, то мастерового посещал трактиры, портерные, чайные.

Везде прислушивался.

И вдруг он понял...

Вся картина этого дела стала для него ясна, и он телефонировал своему клиенту:

— Дело раскрыто. Сегодня уезжаю. Приезжайте к 9 часам на вокзал.

— Милостивый государь, — говорил Шерлок Хольмс сидящему перед ним Гоголеву, — в данном случае мне пришлось иметь дело не с кражей, а с симуляцией кражи, ибо у человека никак не может пропасть то, чего он никогда не имел...

* * *

— Это дело чрезвычайно просто, — говорил Хольмс своему другу, сидя в вагоне, — я даже удивляюсь, как эго я сразу не догадался.

Аналогичный этому случай был со мной в 1906 году, когда А. И. Гучков вызвал меня в Петербург для розысков пропавшего союза 17 октября. На самом же деле оказалось, что такого союза нет и никогда не было.

Вообще Россия удивительная страна, — все русские любят искать то, чего они никогда не только не теряли, но даже и не имели, и я нисколько не буду удивлен, если, приехав в Лондон, застану телеграмму с просьбой приехать в Россию и разыскать конституцию...

Аноним

ШЕРЛОК ХОЛМС В ПЕТЕРБУРГЕ

(Из записок всемирного полицейского
сыщика)

„ВСѢМЪ“

иллюстрированный
художественно — литературный
ЖУРНАЛЪ

выходить отъ одного до двухъ разъ
въ недѣлю

Подписка (на годъ) . . 3 р. — к.
цѣна: { на 1 мѣс. . . — р. 25 к.

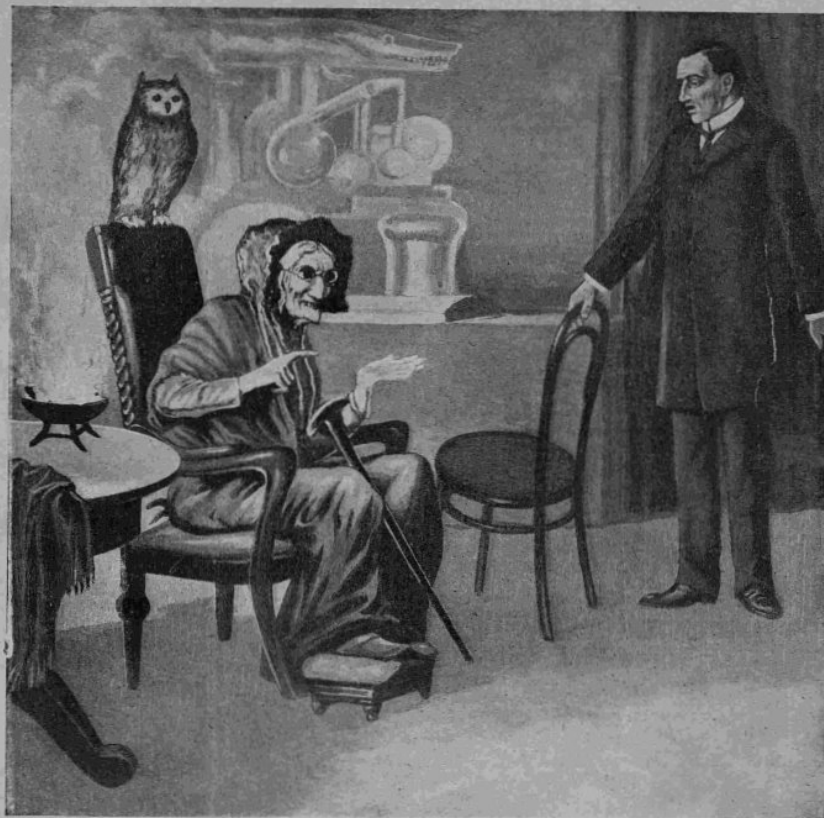
Подписной годъ съ ноября 1907 г.

Адресъ Редакции и Канторы:
СПБ. Адмиралтейскій нап., № 15.

№ 9. 29-го ноября 1907 г. № 9.

Шерлокъ Холмсъ въ Петербургѣ.

(Изъ записокъ всемірнаго полицейскаго сыщика).

Гадалка предложила Шерлоку Холмсу съѣсть.

Глава I

Исчезнувший принц

— Читали вы сегодняшние газеты, мистер Шерлок Холмс? — спросил Гарри Таксон, собираясь убрать и привести в порядок кабинет своего патрона.

— Да, Гарри, — ответил знаменитый сыщик, — в них нет ничего особенного. Ты можешь унести все газеты и журналы. В мире не происходит ничего достопримечательного.

— Да, у нас давно уже не было интересной работы, — добавил Гарри. — Можно подумать, что люди сделались лучшими. Какого вы мнения об этом, мистер Холмс?

— Нет, люди все те же, — возразил сыщик. — Сильные угнетают слабых, крупные пожирают мелких, словом, все идет по-прежнему, как во времена Каина и Авеля. Изменились только приемы. Прежде просто устраняли соперника, ставшего поперек дороги, стукнув его по голове дубиной. Теперь поступают несколько осмотрительнее... Кажется, звонит телефон?

Гарри поспешил в соседнюю комнату.

— Лорд Примроз спрашивает, когда он может поговорить с вами?

— Лорд Примроз, помощник статс-секретаря в министерстве иностранных дел? — переспросил сыщик, видимо заинтересовавшись. — Скажи ему, что я во всякое время готов к его услугам. Быть может, он хочет, чтобы я заехал к нему в министерство?

Гарри Таксон исчез в смежной комнате.

— Нет, — сказал он, возвратившись через несколько минут, — лорд предпочитает приехать сюда. Он желает, чтобы ваша беседа осталась в совершенной тайне. Через четверть часа он будет здесь...

Лорд Примроз, человек лет пятидесяти с лишним, имел аристократическую наружность; высокий, стройный, одетый с изысканной простотой, он олицетворял собою тип западноевропейского дипломата.

Сыщик пододвинул кресло знатному гостю и остановился перед ним в ожидании.

— Прошу вас присесть; наш разговор, быть может, несколько затянется. Во-первых, я должен вас предупредить: все, что я вам сообщу, должно быть сохранено в строжайшем секрете.

Шерлок Холмс безмолвно наклонил голову.

— Я знаю, — продолжал лорд, — что внушать вам это излишне, так как вы недаром пользуетесь неограниченным доверием некоторых моих товарищей по министерству, обращавшихся к вам за помощью в наиболее важных случаях.

— Говорите ли вы по-русски? — спросил лорд Примроз после нескольких минут раздумья.

— Совершенно свободно; меня выучили русские эмигранты, по поручениям которых мне неоднократно приходилось бывать в Москве и Петербурге.

— Тем лучше, — обрадовался лорд, — знание русского языка облегчит вам исполнение важной миссии, которую я хочу вам доверить. Итак, слушайте же. Вы знаете наши отношения к Индии. Вам известно, что мы должны во что бы то ни стало поддерживать дружественные отношения с индийскими владетельными раджами, — как с теми, которые подчинены нашему протекторату и сохранили лишь тень независимости, так и с теми князьями, которые еще обличены действительною властью. Поэтому английскому правительству выгодно, чтобы индийские принцы воспитывались в Англии, воспринимая британские нравы и обычаи и, таким образом, примирались с английским владычеством в Индии. Раджа Лагора прислал своих сыновей воспитываться в Лондоне, чтобы засвидетельствовать нам свою верность и преданность. Принц Шунги, весьма даровитый юноша, не только прошел очень успешно полный курс наук, но и настолько освоился с британским образом мышления, что мы согласились исполнить его желание и приняли его на службу в дипломатический корпус. Вы, вероятно, читали о нем в газетах?

— Да. Насколько мне известно, — ответил Шерлок Холмс, — его перевели из Парижа в Петербург в качестве атташе

английского посольства.

— Совершенно верно, — подтвердил лорд Примроз, — всего несколько дней тому назад он находился еще в Петербурге.

— Значит, его снова перевели в другое посольство?

— Нет, он исчез.

— Дело начинает приобретать интерес, — пробормотал Шерлок Холмс...

— Для нас, — перебил сыщика лорд Примроз, — оно не столь интересно, как прискорбно. Что ответим мы отцу принца Шунги, — если он спросит нас, куда мы дели его сына? Пока, однако, никто еще не знает об его таинственном исчезновении. Только русскому правительству сообщили мы конфиденциально о загадочном событии. Русские власти приняли меры к розыску пропавшего принца; но в деле имеются подробности еще более затруднительного и прискорбного свойства. Мы не могли посвятить в эти тайны иностранное правительство.

Шерлок Холмс насторожился. Он предчувствовал, что сейчас выяснится главная суть задачи.

— Вместе с индийским принцем, — продолжал лорд Примроз, — исчезли некоторые важные документы; если они попадут в ненадлежащие руки, могут произойти чрезвычайно опасные осложнения. Я не знаю, право, не будет ли с моей стороны нескромностью, если я сообщу вам содержание этих бумаг?

— Я полагаю, милорд, — возразил Шерлок Холмс, — что вы поступите основательно, если доверите мне все, что вам известно относительно этого обстоятельства. Если я буду знать, о чем говорится в пропавших документах, это даст мне путеводную нить для дальнейших изысканий и сообщений.

Лорд Примроз на мгновение задумался.

— Вы правы, — сказал он наконец, — мне кажется, что я могу принять на себя эту ответственность. Дело идет о чертежах английского флота, выражающих отношение силы судов к их артиллерии и вместимости; кроме того, пропали документы о наших тайных переговорах с одной вели-

кою державой. Эти документы столь важны, что могут вызвать объявление войны Англии третьей державой, если последняя ознакомится с ними.

Поэтому наш петербургский посол просит, чтобы мы прислали ему самого способного и достойного доверия сыщика; надо искать пропавшего принца Шунги независимо от действий петербургской сыскной полиции,

— Я тоже предпочитаю работать самостоятельно, — сказал Шерлок Холмс. — Иногда только мне помогает мой ученик, Гарри Таксон, которому я доверяю безусловно.

— Разве он может вам пригодиться в этом деле? — усомнился лорд Примроз.

— Это выяснится только в Петербурге. Во всяком случае, он мне не послужит помехой. Поэтому я хочу захватить его с собою.

— Говорит ли он по-русски?

— Так же хорошо, как я. Он сопровождал меня во время предыдущих поездок по России. Его покойная мать была дочерью русского эмигранта. Кроме того, он так сообразителен и находчив, что может оказать мне большое содействие при разных неожиданных осложнениях.

— Хорошо, — в таком случае берите с собой этого необыкновенного юношу.

— В каких слоях общества вращался принц Шунги в Петербурге?

— Наш посол пишет мне, что принца часто видели в новом кафе «Фантазия».

— Когда я приезжал в последний раз в Петербург, это кафе еще не существовало, — заметил Шерлок Холмс.

— Нам сообщили из Петербурга, что это новое кафе. Кафе «Фантазия» — пародия на парижское учреждение, — пояснил лорд Примроз. — Оно отделано в новом стиле. Белые стены расписаны фресками Лансере, Бенуа, Сомова и других знаменитых русских художников. Но залы всегда переполнены крайне разношерстной публикой. Здесь собираются и представители веселящегося Петербурга, офицеры и студенчество, биржевые зайцы и темные дельцы, иногда с весьма запятнанной репутацией. Вся эта публика за-

нимается незамысловатым флиртом, сводящимся к простой денежной сделке. Это — огромная биржа продажного женского тела. Порок во всех его видах и извращениях копируется здесь по самым разнообразным ценам. Преобладают краткосрочные сделки, осуществляемые в ту же ночь. Среди ряда подобных заведений, выросших, как грибы после дождя, на тучном перегное миновавшей революции, кафе «Фантазия» занимает первое место. Вследствие крайней разношерстности посетителей, здесь выработался бесцеремонный, «откровенный» обиход, подобного которому нет ни в одном из крупных центров Европы. Нечто подобное можно наблюдать лишь в России же, на Нижегородской ярмарке.

Шерлок Холмс внимательно выслушал слова лорда Примроза.

— Благодарю вас за указания, — сказал он, сделав несколько пометок в своей записной книжке. — Дело представляется мне весьма запутанным и серьезным. Как знать, жив ли еще принц Шунги?

Лорд Примроз с удивлением посмотрел на него.

— У вас, кажется, сложилось определенное представление об этом происшествии?

— Совершенно верно, милорд. Возможно допустить лишь одно предположение.

— В чем же оно состоит?

— Извините, милорд, — сказал Шерлок Холмс, поднимаясь с места, — я пока попрошу вас позволить мне умолчать о моих предположениях. Мое представление обо всем этом деле не сложилось еще с полной определенностью; я должен его обдумать. И позвольте мне обратиться к вам еще с одною просьбою.

— Говорите, мистер Шерлок Холмс.

— Прошу вас написать английскому послу в Петербург, в обычной официальной форме, что для выполнения неотложных работ в посольство командировается третий секретарь, сэр Эдуард Бертон, который уже выехал и на днях прибудет в Петербург.

— Я понимаю ваше намерение, мистер Шерлок Холмс. И заключаю из этого, что вы согласны выполнить доверенное вам поручение?

— С полной готовностью, милорд! Дело это кажется мне таким запутанным, что разрешение загадки доставит мне, несомненно, большое удовольствие.

— Итак, желаю вам удачи.

Когда лорд Прпмроз удалился, знаменитый сыщик погружился в глубокое раздумье. Он так углубился в свои размышления, что казался похожим на изваяние.

«Тут замешана женщина, — наконец, прошептал он, — это несомненно... Но как добраться до нее, как узнать, кто она такая?..»

— Гарри, — воскликнул он, обращаясь к вошедшему помощнику, — укладывай вещи в дорожный чемодан: мы едем в Петербург!

Глава II

Ограбление

— Извините, сударыня, — обратился высокий, худощавый посетитель к хозяйке квартиры, у двери которой он только что позвонил, — вы, кажется, сдаете свободную комнату?

Квартирная хозяйка, полная, представительная сорокалетняя женщина, внимательно осмотрела спрашивающего. Особенное внимание обратила она на его костюм.

— Да, у меня сдается комната. Но я сомневаюсь, подойдет ли она вам? Окна ее выходят не на улицу, а внутрь, в небольшой садик.

— Тем лучше, — возразил наниматель, — мне нужна очень тихая и спокойная комната.

— Тогда потрудитесь посмотреть!

Посетитель вошел в переднюю за хозяйкой, которая повела его по длинному коридору. Он едва окинул взором

комнату, дверь которой распахнула перед нами хозяйка.

— Да, — в раздумье произнес он, — комната, действительно, несколько маловата. Нельзя ли взять и смежную комнату, которая соединена дверью с этой?

— Нет, — решительно ответила хозяйка, — та комната уже занята.

— Кто живет там? — спросил посетитель. — Надеюсь, что ваш жилец — человек спокойный и не помешает мне работать.

— Не беспокойтесь об этом. Жилец наш в настоящее время в отъезде. Но, если он на днях и вернется, это несколько не помешает вам заниматься хоть весь день, так как смежная комната — спальня этого господина.

— Кабинет моего соседа выходит, следовательно, окнами на улицу?

— Да, да...

— Быть может, этот господин скоро выедет; не могу ли я тогда занять его помещение?

— Не знаю, право. Во всяком случае, я обязана подождать до следующего первого числа.

— Ну, пока помиримся и на этой комнате. Не можете ли вы приютить где-нибудь моего слугу?

— Для вашего человека также найдется местечко.

— Много ли у вас еще квартирантов?

— У меня больше нет жильцов; если не считать уехавшего квартиранта, вы мой единственный постоялец.

— Тем лучше, — в квартире, значит, совершенно спокойно. Лакей привезет мои чемодан лишь завтра утром.

— Я сейчас велю приготовить вам комнату. Прислугу послала на минуту.

«Итак, — размышлял Шерлок Холмс, которого, конечно, вы уже узнали в новом постояльце, — счастье мне, очевидно, благоприятствует. Помещение исчезнувшего принца Шунги нельзя занять раньше первого числа, т. е. до истечения двух недель. Как хорошо, что в квартире нашлась еще одна меблированная комната! Она непосредственно примыкает к спальне принца, куда я могу проникнуть совершенно беспрепятственно.

Комната скоро была приведена в порядок.

— Если вы хотите, я заставлю шкафом дверь в соседнюю комнату, — предупредительно предложила хозяйка.

— О, не беспокойтесь понапрасну, сударыня! Ведь рядом никто не живет, меня никто не потревожит.

— Только этого не доставало, — пробормотал сыщик, когда хозяйка удалилась, получив деньги и паспорт. — Шкаф помешал бы мне выполнить мои планы.

Сумерки становились все гуще. Надвигалась угрюмая ночь. В доме все притихло.

Шерлок Холмс осветил электрическим фонарем замочную скважину двери, соединявшей его комнату со спальней принца Шунги.

«Сущие пустяки, — подумал он, — ключ двигается совершенно свободно».

Сыщик вставил в замок трехгранные узкие клещи, окружил тремя зубцами их головку ключа, надвинул снизу твердое стальное кольцо на инструмент, превратившийся, таким образом, как бы в продолжение ключа, и стал свободно поворачивать его бородку.

«Надо надеяться, что дверь не заперта еще пзвнутри на задвижку», — подумал сыщик.

Чуть нажал он на ручку двери, последняя распахнулась совершенно бесшумно.

«Мне везет, нечего сказать, — продолжал беседовать с самим собою Шерлок Холмс. — Судя по началу, трудно сом-неваться, чтобы мне не удалось довести дело до благополучной развязки.

Приподняв руку с электрическим фонарем, он вошел в спальню, Шерлок Холмс не стал рассматривать подробностей роскошной обстановки, несомненно, составлявшей собственность самого принца. Он поспешно вытащил ящики комода и ночного столика и подверг их содержимое самому тщательному осмотру.

«Нет никакого следа, — волновался сыщик, — нигде ни клочка бумаги. Немка-хозяйка, вероятно, слишком тщательно прибрала эту комнату. Мне остается пробраться только в кабинет принца, по ту сторону коридора. Я должен сде-

лать это, хотя бы рискуя, что квартирная хозяйка сочтет меня за вора».

Шерлок Холмс бесшумно прошел из спальни в кабинет, который оказался незапертым.

Затем он попытался выдвинуть один из ящичков письменного стола. Ящик оказался запертым на ключ.

Изумительно тонко сработанные отмычки и здесь помогли сыщику выполнить его намерение.

Если принц Шунги бежал, он, должно быть, принял это решение совершенно неожиданно: Шерлок Холмс нашел в незакрытом ящичке кольца и галстучные булавки, осыпанные бриллиантами и рубинами необычайной ценности. В другом отделении письменного стола лежал зеленый шагреновый кошелек, набитый русскими и английскими золотыми монетами; тут же находился бумажник с кредитными билетами. Денег было, очевидно, много, — несколько десятков тысяч.

Но главного, чего искал Шерлок Холмс, он не нашел: ему не попалось на глаза ни малейшего указания на какие-либо сношения принца с лицами, которым он мог бы доверить важные документы, или на причины, которые заставили его решиться на похищение их.

Не нашлось никаких письменных пометок, никакой визитной карточки; можно было подумать, что исчезнувший принц старательно уничтожил все клочки бумаги.

Шерлок Холмс вновь закрыл все ящики. Ему оставалось завершить свой обыск, осмотрев корзинку, в которой белели какие-то обрывки бумаг.

Сыщик опрокинул корзину и стал рассматривать содержимое при свете своего электрического фонаря.

В корзине оказались несколько пустых конвертов, по видимому, от торговых реклам, объявление гадалки, вырезанное из газеты, и, наконец, визитная карточка.

На карточке значилось: «Маркиза Анна-Мария Сенца ди Борго».

«Наконец-то попалось хоть что-нибудь путное, — обрадовался Шерлок Холмс, припрятывая карточку. — Удивительно, как это такая аккуратная хозяйка не спалила еще в

печке всего, что лежало в корзине для ненужных бумаг! Завтра утром я наведу справки у нашего посла, лорда Спенсера, относительно маркизы Сенца-ди-Борго. Вращаясь так много лет в европейском аристократическом обществе, он, вероятно, окажется в состоянии объяснить мне, следует ли придавать какое-либо значение визитной карточке этой маркизы».

Шерлок Холмс собирался уже выйти из комнаты, — но вернулся еще раз к письменному столу и захватил с собою и объявление гадалки.

«Как знать, не пригодится ли и этот адрес? — подумал он. — Располагая таким пичтожным материалом, я не должен пренебрегать никакою мелочью».

Бросив последний взгляд па осыпанные сверкающими камнями драгоценности, сыщик с особенным удовольствием полюбовался дорогою булавкою для галстука, на которой индийскою вязью было выведено имя «Сагиб».

Шерлок Холмс проверил, закрыты ли им вновь ящики, и удалился из кабинета принца. Тихо пройдя через его спальню, сыщик запер свою дверь, ведущую в смежную комнату, и улегся на покой.

Несмотря на свою озабоченность, Шерлок Холмс скоро погрузился в глубокий сон.

Он проспал не больше часа или двух.

Его внезапно разбудил подозрительный шум. Сыщик приподнялся с постели и стал вслушиваться.

Он, в самом деле, не ошибся: рядом, в спальне принца, раздавались легкие, но уверенные шаги. Хотя они заглушались ковром, однако чуткое ухо Шерлока Холмса отчетливо различало шум их. Шаги, по-видимому, направлялись к двери балкона.

Осторожно, стараясь не производить ни малейшего шума, сыщик проскользнул на свой балкон, который был отделен от балкона спальни принца лишь досчатою перегородкою.

Дверь своего балкона Шерлок Холмс оставил на ночь открытой, чтобы дать приток свежему воздуху.

Опустившись на колени, он посмотрел, высунувшись снизу вверх, — и едва удержался, чтобы не вскрикнуть от изумления. На расстоянии всего полутора аршин от пего стоял молодой человек, опершись руками о перила балкона, и смотрел вниз, в сад. При ярком блеске луны Шерлок Холмс заметил, что лицо незнакомца имело крайне странное выражение.

Казалось, будто он глубоко задумался или спит с открытыми глазами.

«Это — индус, — подумал Шерлок Холмс, — несомненно, индус. Как попал он в Петербург?»

Чтобы лучше рассмотреть незнакомца, сыщик еще более высунулся за перегородку. Вдруг раздался шумный звон разбитого стекла: Шерлок Холмс задел за столик, стоявший на балконе, и уронил с него стакан, который разбился, упав на железный пол балкона.

Оцепенев от ужаса, Шерлок Холмс ждал, что будет дальше. Теперь незнакомец не может не заметить его: еще мгновение, — и он скроется вместе с надеждою на разгадку этого необычайного приключения.

Сыщик с опасением посмотрел вверх: молодой человек по-прежнему стоял, задумавшись, у решетчатых перил балкона. Вдруг из сада донесся легкий свист. Незнакомец с поразительною ловкостью перегнулся через перила — и исчез.

Что делал этот человек в помещении принца? Очевидно, это был вор. Вся его внешность говорила в пользу этого предположения; на нем не было даже ни воротника, ни галстука. Надвинутая на затылок светлая жокейская фуражка являлась как бы фоном, в котором тем отчетливее выделялся загар смуглой кожи.

Вскоре Шерлок Холмс вторично очутился в комнате юного дипломата. В спальне все осталось нетронутым. Сыщик поспешил перейти в кабинет. Но и тут не было заметно ни малейшего признака недавнего присутствия постороннего человека.

Зачем же забрался сюда странный незнакомец?

Шерлок Холмс попробовал выдвинуть разные ящики; все рил были, по-прежнему, тщательно закрыты. Сыщику показалось, что совершенно излишне проверять, остались ли нетронутыми вещи, которые в них лежали: все замки отличались сложностью и художественностью работы, так что малосведущий грабитель не сумел бы открыть их.

Только тонкие инструменты сыщика сразу совладали с ними.

«На всякий случай, я все-таки загляну еще раз во все ящики», — решил сыщик.

Он раскрыл, во-первых, ящик, в котором лежала коробка с бриллиантовыми кольцами.

Шерлок Холмс вскрикнул от удивления: коробка исчезла. Дрожащими от волнения руками он стал выдвигать ящики, в которых недавно находились набитый ассигнациями бумажник и кошелек с золотыми монетами. Все пропало! Все было украдено, — а он, знаменитейший из сыщиков в мире, находился всего в нескольких саженьях от места преступления и даже, несколько времени, в непосредственной близости к грабителю!

Шерлок Холмс с глубоким огорчением запер вновь все ящики. По всей вероятности, эта кража тесно связана с вопросом об исчезновении принца Шунги.

— Быть может, ящики были открыты собственными ключами принца! — Сыщика выводила из себя мысль, что ему стоило лишь крепко схватить за шиворот беззаботно стоявшего на балконе молодого человека — и вся необычайная загадка сразу разъяснилась бы.

«Удивительно, как попал этот индус в Петербург? — размышлял Шерлок Холмс, возвращаясь в свою комнату. — Жителей Индии часто удается встретить только в Лондоне. А между тем я, наверное, не ошибся: мне хорошо знакомы эти черты смуглого лица, мягкое, меланхолическое выражение черных глаз... Не держал ли принц индийского слугу? Но тогда пропал бы и этот слуга, а мне ничего подобного никто не рассказывал. Остается одно: поговорить, как можно скорее с лордом Спенсером; он один может разъяснить мне все, что еще остается для меня непонятным».

О сне нечего было больше и думать; край горизонта на востоке порозовел. Скоро рассветет... Шерлок Холмс окончил свой туалет и вышел на балкон подышать свежим воздухом. Вдруг взоры его упали на землю.

Там, под деревом, которое помогло вору скрыться, лежал какой-то блестящий предмет. Очевидно, его обронил беглец.

Сыщик, с быстротою стрелы, бросился к двери коридора и бесшумно открыл ее. Затем он спустился по черной лестнице во двор дома. Через несколько секунд он находился уже в саду, калитка которого не была закрыта на замок.

— Кинжал! — прошептал Шерлок Холмс, поднимая оружие, — и, очевидно, индийской работы. Украден ли этот кинжал только что в квартире Шунгп,— или вор всегда носил его с собою? Через несколько часов я узнаю это.

Глава III

Кто был преступник?

— Итак, — сказал лорд Спенсер, британский посол в С.-Петербурге, Шерлоку Холмсу, представившемуся в качестве атташе, Бертона, — теперь вам известна вся необыкновенная история, произошедшая с принцем Шунги.

— Вы сообщили мне только то, что мне уже рассказал в Лондоне товарищ статс-секретаря, лорд Примроз. Я надеялся получить от вас более подробные сведения относительно причин исчезновения принца. Известно ли вам, например, что прииц Шунги вел знакомство с одною дамою?

— Нет, сэр Бертон, не только я не знаю ничего подобного, но даже вообще сомневаюсь, чтобы принц имел знакомства среди дам в Петербурге.

— А между тем, это именно так. Известно ли вам имя маркизы Сенца ди Борго?

Посол, подумав немного, отрицательно покачал головою.

— Нет, я не могу припомнить подобной фамилии.

— Это очень странно. Маркиза, по-видимому, вращается в высших кругах петербургского большого света.

Лорд Спенсер подошел к шкафу с книгами и снял с полки небольшой, но обемистый томик.

Он стал торопливо перелистывать страницы, затем передал книгу сыщику.

— Если хотите, можете сами проверить мои слова. В списке титулованных фамилий Готского календаря, среди дворянства Франции, Англии, Австрии, Германии, Италии и Испании, нет ни маркиза, ни маркизы Сенца ди Борго. Вы, вероятно, перепутали фамилию.

Странная улыбка скользнула по тонким губам Шерлока Холмса.

— Однако, милорд, я представляю вам доказательство, что я не ошибся. Имя маркизы Сенца ди Борго должно быть хорошо известно здесь, в посольстве!

Несколько высокомерная фигура лорда Спенсера выпрямилась еще больше.

— Это невозможно, — воскликнул он, — я принужден повторить вам, мистер Бертон, что вы ошиблись!

Сыщик вынул две визитных карточки из своего бумажника; одну из них он передал лорду.

— Маркиза Анна-Мария Сенца ди Борго, — прочел вслух лорд Спенсер. На озабоченном лице его отразилось живейшее изумление.

— Вы удивитесь, милорд, когда я вам сообщу, где я нашел эту визитную карточку.

— Будьте любезны, скажите, сэр Эдуард Бертон, — сказал посол.

— Эту визитную карту я нашел, милорд, четверть часа тому назад в вазе для визитных карт, которая стоит в вашей приемной. Не объясните ли вы мне этот факт?

Посол с изумлением посмотрел на загадочную визитную карточку.

— Я не могу понять, как это случилось, — взволнованно заметил он. — Будьте уверены, что имя этой дамы совер-

шенно незнакомо как мне и членам моей семьи, так и служащим в посольстве.

— Простите меня, милорд, если я позволю себе усомниться в этом.

Лорд Спенсер бросил раздраженный взор на своего мнимого атташе.

— Мне кажется, что вы слишком упорствуете в своих предвзятых предположениях, — произнес он недовольным тоном.

Сыщик невозмутимо протянул ему вторую визитную карту.

— Еще одна карточка этой самозваной маркизы, — с изумлением воскликнул посол. — Неужели и ее вы нашли в моей приемной?

— Нет, милорд, я нашел ее сегодня ночью в корзине для бумаг у принца Шунги, в его квартире на Фурштадтской улице.

Лорд Спенсер невольно отступил на шаг от сыщика. Лицо его побелело. Рука, продолжавшая держать визитную карточку, нервно дрожала.

— Если бы лорд Примроз не отрекомендовал мне вас столь настойчиво и если бы я не знал, что вы пользуетесь всемирною известностью, как самый даровитый агент сыскальной полиции, я подумал бы, что у вас слишком разыгралось воображение. Вы рассказываете мне о какой-то несуществующей маркизе, о находке, которую будто бы сделали минувшею ночью в квартире принца Шунги... Но как же вы в нее попали?

— Очень просто, милорд. Я нанял комнату рядом с его помещением, чтобы производить розыски без помехи. И, как видите, я явился не преждевременно.

— Вы превосходный человек, — сказал, успокоившись, лорд Спенсер, — но, признаюсь, после этого дело представляется мне еще более опасным. По-видимому, принц сделался жертвою преступления, в котором принимала участие эта загадочная маркиза. Излишне напоминать вам о том, что здесь мое положение делается невыносимым, если я в самом непродолжительном времени не получу обратно по-

хищенных важных документов. Этого мало, — я должен удостовериться, что в промежуток бумаги не побывали в руках лиц, которые могли бы причинить вред Великобритании, ознакомившись с нашими тайными переговорами. Мы подвергаемся огромной опасности: через неделю может последовать объявление войны.

— Я сделаю, милорд, все, что от меня зависит, чтобы предотвратить катастрофу. Но я еще не покончил с моими сообщениями и открытиями.

— Рассказывайте, рассказывайте, — любезно поощрил его посол, — вы можете быть уверены, что впредь я не проявлю ни малейшего недоверия к вашим словам.

Шерлок Холмс сосредоточенно опустил глаза. Затем он произнес:

— Известно ли вам, милорд, что в Петербурге, помимо принца Шунги, имеются еще индусы?

— Индусы? — переспросил лорд Спенсер. — Нет, я уверен, что, кроме принца, никого из индусов здесь не. Я знал бы об этом, потому что, в качестве великобританских подданных, индусы непременно отметились бы в английском посольстве, чтобы, в случае надобности, воспользоваться моим заступничеством.

— Быть может, принц Шунги держал при себе индийского слугу?

— Нет, такого слуги у него никогда не было, — ответил лорд Спенсер.

— А между тем, прошлую ночью я встретился с несомненным индусом.

— Это очень странно, — заметил лорд Спенсер, пристально посмотрев на сыщика. — При каких же условиях произошла эта встреча?

— Ночью, вскоре после того, как я тайно посетил помещение принца.

— Я был прав, предположив, что против злополучного принца ведется дьявольская интрига. Быть может, им завладели, чтобы тем удобнее ограбить квартиру в его отсутствие.

— Ваше предположение, милорд, по-видимому, основательно. Я убедился, что вор украл все драгоценности и очень большую сумму наличных денег, которые я видел незадолго до похищения.

— Значит, всякая надежда на возвращение документов исчезла, — простонал он. — Я все еще надеялся, что принц Шунги вернется... Но теперь об этом нечего и думать, его убили.

— Нельзя сказать, чтобы это было невозможным, милорд. Но будущее, все-таки, не представляется мне столь мрачным.

— Вы хотели рассказать о воре, мистер Шер... сэс Бер-тон, — поправился лорд.

— Да, милорд. Я выбежал на балкон в рубашке и увидел преступника, стоявшего на расстоянии всего полутора аршин от меня; он находился на смежном балконе, принадлежащем к помещению принца Шунги. Вы знаете, милорд, что я прожил много лет в Индии и хорошо изучил там тип туземцев...

— Не может быть, — с изумлением перебил Шерлока Холмса посол, — вы ошиблись: в Петербурге, кроме принца, нет ни одного индуса.

— Ошибки с моей стороны в данном случае быть не могло. Индус, по-видимому, чувствовал себя в квартире принца, как дома. Все замки сложной конструкции были тщательно открыты и вновь заперты, точно преступник располагал всеми ключами владельца. Он не задел и не сдвинул с места ни одного стула, хотя ни разу не зажег огня. Вор был одет самым жалким образом: на нем были жокейская фуражка, старый пиджак, рваные брюки, — вы видите, милорд, что я осмотрел его весьма тщательно. Мне удалось, кроме того, уловить весьма необыкновенную примету. Вор опирался руками о перила бекона, так что они были ярко освещены луною. Его левая рука находилась совсем рядом со мною, и вот, я увидел на ней большой, своеобразно очерченный рубец... Что испугало вас так, милорд?

— Рубец, рубец, — волнуясь, произнес лорд, — не имел ли он формы раскрытого снизу треугольника?

— Да, шрам был именно таким, как вы говорите, милорд. Он, вероятно, остался после ужасной раны, нанесенной индусу при каких-нибудь исключительных обстоятельствах.

— Это след от укуса тигра, — пояснил лорд Спенсер.

— Значит, индус знаком вашей светлости? — изумился, в свою очередь, Шерлок Холмс.

— Да, человек, которого вы считаете вором, был не кто иной, как сам принц Шунги.

Шерлок Холмс хотел было что-то возразить, но сконфузился и погрузился в размышление.

— Подыскиали вы объяснение этому странному факту? — спросил лорд.

— Подождите минутку, милорд. Этот человек был вором, нет никакого сомнения. Он захватил с собой все, что представляло какую-нибудь ценность. Он проник в квартиру тайком; кроме того, у него был сообщник, так как я слышал внизу, в саду, громкий свист; после этого сигнала вор исчез за перилами балкона. Вы полагаете, что это был принц Шунги; следовательно, он сам себя обокрал? Но разве не проще и, в особенности, не безопаснее ли для него было бы вернуться днем в свою квартиру и захватить с собой, что ему понадобилось?

— Все, что вы говорите, совершенно верно. Трудно представить себе, что вор был принцем Шунги, — но необычайный шрам на руке является этому неопровержимым доказательством.

— Я нашел в саду одну вещь, которую, быть может, вы также знаете, милорд?

Шерлок Холмс показал послу индийский кинжал.

— Он принадлежит принцу, я отлично узнаю его, — ответил лорд Спенсер. — Принц всегда носил при себе оружие. Это обстоятельство еще более подтверждает, что мнимый грабитель был не кто иной, как он сам.

Шерлок Холмс точно остолбенел от изумления. Взор его, не замечая посла, устремился в пространство; дыхание было едва заметно...

— Да, милорд, противоречивые, по-видимому, факты допускают лишь одно объяснение. Прошу вас, в интересах разоблачения дела, не расспрашивать меня более об этом. Я полагаю, что положение далеко не так безнадежно, как я опасался сначала. Не потрудитесь ли вы сообщить мне, милорд, какую сумму уполномочен я предлагать третьим лицам за возвращение похищенных документов?

— Сколько хотите, хоть целое состояние, мистер Бертон!
— живо воскликнул посол.

— Хорошо, определим вознаграждение хоть в десять тысяч? — улыбаясь предложил Шерлок Холмс.

— Вы уполномочены обещать от моего имени, сколько бы ни нашли нужным. Когда я вспоминаю ваш рассказ о событиях минувшей ночи, мне кажется, что все это произошло во сне. Как жаль, что я не могу поступить подобно тому, как обыкновенно делал злополучный принц Шунги, когда с ним приключалось что-нибудь особенное: он всегда отправлялся к одной гадалке, предсказывавшей ему будущее. Вы знаете, что у индусов вера в сверхъестественное укоренилась в крови.

Сыщик, подумав немного, произнес с расстановкой:

— Во всяком случае, я думаю, что все уладится, как я предполагаю.

Он хотел уже взять свою шляпу и откланяться, как вдруг открылась смежная дверь и в кабинет вошла дама, поразившая сыщика своей величественной красотой. Ей, вероятно, уже перевалило за сорок, но время как бы остановилось в нерешительности перед обаянием этой женщины.

— Дорогая Марго, — обратился посол к этой даме, — позволь тебе представить моего нового атташе, сэра Эдуарда Бертон, присланного, по моей просьбе, из Лондона вследствие происшествия с принцем Шунги. Сэр Эдуард Бертон — моя супруга.

Шерлок Холмс почтительно поклонился и вторично взялся за шляпу.

— Еще минуточку, — сказал посол, — дорогая Марго, не известна ли тебе случайно маркиза Сенца ди Борго?

Не ошибся ли сыщик? Не набежало ли облачко на солнце? Ему показалось, что леди Спенсер побледнела, когда муж произнес это имя.

— Нет, — ответила дама едва слышным голосом, — я... не знаю. Почему ты спросил меня об этом?

— Я обратился к тебе с этим вопросом, — пояснил лорд, — только потому, что визитная карточка этой маркизы оказалась на столе в нашей приемной. Обстоятельство это, впрочем, не имеет никакого особенного значения. Прощайте, мистер Бертон, до свиданья!

Когда Шерлок Холмс вышел из посольства и направил-ся к Летнему саду, он тяжело вздохнул и подумал:

«Предстоит трудная работа. Только одна особа могла бы облегчить ее: леди Спенсер».

Глава IV

У гадалки

— Итак, любезный Гарри, — произнес сыщик, удобно усаживаясь в кресло и закуривая трубку, — рассказывай, что узнал ты за эти два дня в здании нашего посольства. Тебе удалось завязать знакомства со служащими?

— Да, я не стал утаивать, что состою слугой при новом атташе, сэре Эдуарде Бертоне, и имею намерение познакомиться с земляками.

— Отлично, Гарри. И к тебе отнеслись дружелюбно?

— Весьма любезно, в особенности камеристка леди Спенсер, — смеясь, ответил Гарри Таксон.

— Ты избрал правильный путь, — одобрил Шерлок Холмс, — а теперь продолжай.

— Миледи совершенно недоступна, нет и тени каких-либо интриг или интимностей с мужчинами; хотя за ней усиленно ухаживают, однако никому не удалось похвастаться хотя бы малейшим признаком предпочтения.

— Очень жаль, — произнес Шерлок Холмс шутливо, — как легко было бы вывести самые ясные заключения, если бы она состояла в тайной связи с каким-нибудь иностранным посланником или членом посольства; последний мог бы узнать о существовании важных документов и выкрасть их, при помощи своей любовницы, у несчастного принца. Но я и раньше был уверен, что на соучастие миледи рассчитывать нечего: дело не так просто. Что же ты узнал еще?

— Не могу похвастать обилием сведений, мистер Холмс. Слуги никогда не входят в канцелярию посольства, поэтому они не могли иметь никакого отношения к похищению документов. Кроме того, принц Шунги имел обыкновение брать к себе на дом важные бумаги. У лорда и леди Спенсер только двое детей, — сын и дочь. Последней всего семнадцать лет; ее недавно начали вывозить в свет, так что в данном деле ее нечего принимать в соображение. Сыну посла, лорду Роберту, — девятнадцать лет. Он, вообще, нисколько не интересуется делами посольства и находится в Петербурге всего несколько месяцев. Отец, не скупясь, снабжает его деньгами: лорд Роберт поэтому занимает видное место среди богатой, веселящейся молодежи. Говорят, он замечательный красавец, обожаемый всеми слугами, в особенности женского пола. Он много выезжает и ведет рассеянный образ жизни.

— Не узнал ли ты, был ли лорд Роберт дружен с принцем Шунги?

— Об этом я не мог узнать ничего определенного. Их никогда не видели вместе.

— Я тоже не предполагаю, что документы украл лорд Роберт, — засмеялся Шерлок Холмс, — но сын посла мог сыграть иную роль в этом происшествии. Навел ли ты справки о маркизе Сенца ди Борго?

— Никто не знает ее, — даже камердинер посла, знающий все знатные фамилии в Петербурге.

— Это удивительно, — задумчиво сказал Шерлок Холмс, — я нашел две визитные карточки маркизы, одну из них даже в приемной у самого лорда Спенсера, а между тем, никто ее не знает. Но, черт возьми, должна же она сущест-

зовать на свете! Какие же еще сведения собрал ты?

— Я слышал еще, что принц Шунги очень суеверен и часто ходил к старой гадалке, живущей на 7-й линии Васильевского острова. Трудно представить себе, каких только тайн не открыла принцу эта гадалка. Она рассказала ему обо всем его прошлом, открыла будущее, словом, совершенно завладела воображением принца, слепо верящего предсказаниям старухи.

— От кого получил ты эти интересные сведения, сын мой?

— От камеристки молодой леди; ей рассказала дочь посла, которая узнала об этом от брата, молодого лорда Роберта, в свою очередь получившего сведения из первоисточника, то есть от самого принца Шунги.

— И каждая инстанция усугубляла ореол таинственности, присочиняя кое-что от себя, — улыбаясь, заметил сыщик.

— Мистер Холмс, — серьезным тоном возразил молодой человек, — на этот раз вы ошибаетесь. Я за последнее время побывал во многих пивных, ресторанах и трактирах, которыми изобилует эта местность Васильевского острова. Мне привелось слышать, как об этой гадалке говорили даже студенты. Все изумляются ее проницательности и ясновидению. Она, несомненно, располагает сведениями о многих лицах, которые ее посещают. Вот одна из ее карточек, которые раздаются клиентам гадалки.

Сыщик взглянул на карточку.

— Эта реклама мне уже знакома. Я нашел такую же карточку в корзине под письменным столом принца. Когда она принимает посетителей?

— От двух до шести часов пополудни.

— Отлично, теперь как раз удобное время, чтобы навестить к ней, — сказал Шерлок Холмс. — Ты можешь сопровождать меня. Пока я буду проверять всеведение гадалки, разоблачать ее проделки в приемной, постарайся проникнуть в остальные комнаты. Обрати внимание, кто живет, кроме старухи, в квартире; поищи, нет ли фотографических карточек принца или предметов, принадлежащих ему.

Вот фотография принца, которую дал мне посол, чтобы облегчить розыски.

Гарри Таксон рассматривал портрет с озабоченным лицом.

— Тебе не нравится наружность принца?

— Нет, против фотографии я ничего сказать не могу...

— Тебя смущает мое поручение? — внушительно спросил сыщик.

— Выполнить его, в самом деле, нелегко. Меня могут накрыть в квартире гадалки!

— Кто слишком много думает о препятствиях, никогда не достигает своей цели. Это поручение должно быть исполнено во что бы то ни стало! Чрезвычайно важно разоблачить тайны этой старухи. Но, довольно говорить, приступим к делу!

«Хотелось бы мне когда-нибудь еще повидать Лондон, — сумрачно думал Гарри Таксон, спускаясь вслед за своим патроном по лестнице. — Меня мучает предчувствие, что сегодня не все сойдет с рук благополучно».

Когда оба англичанина подъехали к Николаевскому мосту, Шерлок Холмс передал помощнику связку своих удивительных отмычек.

— Вот тебе самое лучшее, что может оказать содействие в подобных случаях. Я всегда беру с собой эти инструменты, когда исполняю такую работу, — сказал сыщик.

Счастье благоприятствовало ему. Когда горничная ввела его в приемную, там никого не было. Шерлок Холмс мог надеяться, что гадалка скоро примет его.

Ему пришлось, однако, прождать около четверти часа.

При этом он ощущал, что за ним откуда-то наблюдают.

Сыщик стал осматривать все четыре стены приемной, стараясь обнаружить потайное окошко или отверстие для наблюдения, но поиски его не привели ни к чему.

Чтобы как-нибудь сократить томительность ожидания, сыщик стал перелистывать свою записную книжку и всматриваться в фотографический портрет принца.

Наконец, дверь в следующую комнату распахнулась; горничная движением руки пригласила его войти.

Шерлок Холмс погрузился почти в совершенную темноту; комнату слабо озаряла лишь темно-красная лампада. Насколько различал глаз, стены были оклеены почти черными обоями.

Помещение было украшено чучелами птиц, скелетами пресмыкающихся, картинами святых мучеников. Большая сова сидела на спинке стула. Два крупных серых кота бродили, неслышно ступая мягкими лапами.

У противоположной стены он увидел стол, покрытый черным бархатом. Когда глаз Шерлока Холмса освоился с темнотой, царившей в комнате, он различил за столом старую женщину.

Ей, вероятно, было уже очень много лет. Все лицо старухи было изборождено бесчисленными морщинами; седая голова ее тряслась от дряхлости. Тонко очерченный нос и небольшие уши свидетельствовали о былой красоте гадалки.

Она предложила сесть Шерлоку Холмсу. Его отделяло от старухи все пространство комнаты, так как единственный стул находился около той двери, в которую только что вошел сыщик.

— Чем могу служить вам? — слабым голосом спросила гадалка.

— Я слышал, что вы узнаете прошлое, настоящее и будущее ваших посетителей. Чтобы я поверил вашим словам, угадайте сами, чего я хочу.

Легкая усмешка скользнула по лицу старухи.

— Я не всеведущая, — сказала она тем же тихим, усталым голосом, — полагаю, что вы этого не ожидали от меня.

«Она неглупая женщина, — подумал Шерлок Холмс, — мне не придется быть свидетелем нелепостей, которых я опасался».

— Однако, быть может, вам что-нибудь все-таки известно обо мне, — произнес он вслух, вспомнив рассказ Гарри Таксона.

— Я попробую исполнить ваше желание, — ответила гадалка.

Она взяла в руки колоду карт и стала тасовать ее с изумительным проворством. Разложив три пачки, она положила остаток колоды в виде веера. Вынув несколько карт снизу, она произнесла уверенным голосом:

— Вы — англичанин!

— Ну, это узнать нетрудно и без всякого колдовства: вы узнали мою национальность по выговору, — улыбаясь, заметил Шерлок Холмс.

— Мой слух не настолько чуток, чтобы улавливать такие различия, — качая головой, возразила гадалка.

Она разложила все карты в восемь рядов и углубилась в рассматривание их.

— Вы отыскиваете одно близкое вам лицо.

Шерлок Холмс несколько удивился.

— Я действительно ищу одно лицо, — медленно произнес он, — но оно вовсе не может быть названо близким мне.

Гадалка сделала вид, точно всматривается в карты.

— Я назвала это лицо близким вам не в родственном смысле, а в служебном или, быть может, в деловом отношении.

— В этом есть доля истины, — согласился сыщик, — не дадите ли вы мне совета, как мне найти исчезнувшее лицо?

Старуха вновь углубилась в рассматривание карт.

— Эта особа далеко. Путь к ней продолжителен. Вам надо запастись терпением.

— Можете ли вы мне сказать, какого пола лицо, которое я отыскиваю?

— Несомненно, мужского.

— Молод он или стар?

— По-видимому, еще молод.

— К какому сословию принадлежит он? — продолжал допытываться изумленный сыщик.

— Это лицо занимает высокий пост и весьма знатно. Быть может, это даже какой-нибудь принц.

Шерлок Холмс от удивления вскочил со стула.

— И это говорят вам карты? — воскликнул он, делая вид, точно хочет подойти к столу.

— Продолжайте сидеть, — настойчиво потребовала старуха, — вы спутаете мои карты.

Сыщик невольно присел, подчиняясь властному окрику.

Гадалка вновь смешала, стасовала и разложила карты.

— Карты предсказывают, что вы не скоро найдете исчезнувшего. Сомнительно даже, чтобы вы вообще когда-нибудь вновь увиделись с ним.

— Говорят, — заметил Шерлок Холмс, — что вы также можете вызывать духов? Не можете ли вы вызвать духа, которого я хотел бы видеть?

Гадалка отложила в сторону карты и покачала головой.

— Духи не являются по приказанию, — возразила она, — при том же я не имею власти над всеми духами. Являются только те, которые чувствуют ко мне влечение.

— Я щедро вознагражу вас, если увижу того, о ком думаю.

Гадалка качала головой, как бы обдумывая, что ей делать.

— Вы должны мне откровенно сказать, о ком думаете?

— Хорошо. Я думаю об исчезнувшем, который, как я полагаю, уже покончил все свои расчеты со здешним миром.

— Это очень утомит меня, — со вздохом сказала старуха. — Вы видите, как я стара; но, в действительности, я еще старше, чем выгляжу.

Вместо ответа Шерлок Холмс вынул из бумажника сто-рублевую ассигнацию.

Пока он медленно приближался к столу гадалки, в комнате все более темнело. Подойдя к старухе, он едва мог различить ее очертания.

Сыщик положил кредитный билет на стол и вернулся на свое прежнее место.

В комнате тотчас же сделалось так же светло, как было раньше.

— Удовлетворились ли вы моей платой? — спросил он, уловив шелест складываемой ассигнации.

— Я сделаю все, что могу. Прошу вас только не проявлять ни малейшим звуком своего удивления, что бы вы ни

увидели.

Старуха с трудом поднялась и отступила на шаг. В то же мгновение она исчезла.

Сыщику показалось, что она скрылась за раздвинувшейся черной завесой.

Он хотел было воспользоваться отсутствием старухи, чтобы убедиться, не снабжен ли стол каким-нибудь механизмом, посредством которого гадалка может сноситься с окружающими. Но сова, севшая на спинку кресла своей хозяйки, нацелилась на него с таким видом, что он предпочел вернуться на свое место.

Едва присев на стул, он снова увидел за столом смутные очертания старческой женской фигуры.

— Я попытаюсь исполнить ваше желание, — произнесла старуха слабым голосом, — если мне не удастся, вы не должны сердиться.

— Прошу вас сосредоточить все свои помыслы на образе разыскиваемого нами лица, — сказала старуха, — без этого не удастся явление духа, если только, конечно, это лицо уже умерло.

«Само собой разумеется, — подумал сыщик, — она подыскала наилучшую отговорку, чтобы объяснить неудачу опыта. Если дух не явится, значит, разыскиваемое лицо вовсе не умерло».

— Что бы вообще ни произошло, — предупредила гадалка, — не двигайтесь с места и не издавайте никакого звука.

Комната погрузилась в невозмутимое безмолвие. Шерлоку Холмсу казалось, что глаза старухи пристально смотрят в его глаза, хотя он не мог видеть их.

Несмотря на это, он чувствовал, что какая-то непреодолимая сила заставляет его смотреть в лицо гадалки.

С пола, как ему стало казаться, начали подниматься облачные клубы, заволакивая туманом пространство между ним и загадочной старухой. Дымчатая завеса становилась все гуще, так что гадалки уже почти не было видно. Послышалась издалека тихая, меланхолическая музыка, похожая на звуки играющих часов или музыкального ящика.

Туманные испарения наполняли воздух странным благоуханием.

Вдруг над головой старухи осветилась часть стены; обои в этом месте, на протяжении приблизительно полутора аршин, как бы раздвинулись. Светлое пятно заволакивалось облачками, точно солнце в пасмурную погоду.

Шерлоку Холмсу почудилось, что в этом сиянии мелькнул чей-то облик. Мгновение спустя видение исчезло. Затем это явление стало повторяться все чаще: облик то появлялся, то исчезал. Зрение сыщика утомилось; он досадливо взмахнул рукой и сделал вид, точно хочет встать со стула.

Белые облака стали клубиться еще гуще, музыка зазвучала громче, перейдя в торжественный хоральный напев. Послышался тихий крик совы. Светлое пятно на противоположной стене увеличилось: на нем отчетливо и определенно обрисовалось человеческое лицо...

— Принц Шунги, — воскликнул Шерлок Холмс, не будучи в силах преодолеть свое волнение.

В то же мгновение он услышал, что гадалка громко простонала. Световое пятно с человеческим обликом исчезло. В комнате водворилась полная темнота. Сова кружилась, крича и хлопая крыльями. Шерлок Холмс направился к выходу.

Чья-то мягкая рука схватила его за палец. Он почувствовал, что его ведут. Распахнулась дверь, — и миг спустя, он очутился на площадке лестницы.

«По чести сказать, — размышлял он, направляясь пешком к Андреевскому рынку, — ничего подобного не видел я ни в Англии, ни в Индии, хотя факиры и там поражали меня своими фокусами.

Я видел лицо принца Шунги, в этом не может быть никакого сомнения, но как догадалась показать мне именно это лицо старая ведьма, которая вовсе не могла знать, кто я и что мне здесь нужно?»

Шерлок Холмс, волнуясь, шел дальше, то и дело сталкиваясь с прохожими.

«Она не знает меня, во всяком случае, она не знает моей настоящей профессии, не то она, наверное, назвала бы мое имя, чтобы поразить своим всеведением. Ей известно, однако, что я ищу принца Шунги. Прodelка с явлением духа — сущая нелепость; такую штуку можно без всякого труда проделать при помощи простого волшебного фонаря. Истинно загадочным является для меня лишь одно обстоятельство: как могла она угадать мои намерения, когда я всего два часа тому назад решил посетить ее?»

Глава V

В кафе «Фантазия»

Шерлок Холмс напрасно поджидал молодого друга, Гарри Таксона. Юноша не являлся в течение всей ночи; не было его и на следующий день.

— Молодой сыщик уже в таком возрасте, что сумеет обойтись без посторонней помощи, — успокаивал себя Шерлок Холмс. — Не стоит себе ломать голову над этой загадкой! Гораздо лучше подумать о том, что можно теперь же предпринять самому, не теряя дорогого времени.

Вдруг в коридоре послышался звонок. Прислуга пошла открыть дверь. Через несколько мгновений она принесла жильцу открытое письмо.

Шерлок Холмс прочел: «Несмотря на горячее желание повидаться с вами, не могу прийти. Будьте спокойны. Гарри».

Сыщик внимательно осмотрел открытку. Она имела весьма жалкий, непрезентабельный вид; бумага была помята и захватана грязными руками. От нее отдавало хорошо знакомым сыщику спертый воздухом подозрительных приютов.

Около полуночи сыщик вышел из квартиры, одевшись весьма тщательно.

— Надо постараться завязать в кафе «Фантазия» полезные знакомства, — сказал он сам себе, подъезжая на извозчике к ярко освещенному подъезду модного заведения.

Залы его были уже переполнены самой разнообразной публикой. За столами сидело немало дам в кричащих, модных туалетах. Около каждой из них группировались поклонники, из которых многие уже были навеселе.

Отовсюду доносился громкий смех.

Шерлок Холмс, ослепленный ярким освещением, отражавшимся во множестве зеркал и на белизне стен между живописными фресками, остановился в нерешительности на пороге второй комнаты.

— Вы, кажется, ищете свободного местечка, — бесцеремонно обратилась к нему сидевшая рядом за столом полная блондинка, — присядьте сюда. Со мной не соскучитесь!

Приглашение это вызвало взрыв сочувственного смеха на соседних столах. Шерлок Холмс, чтобы отвлечь от себя общее внимание, предпочел принять приглашение блондинки, которая, в общем, показалась ему довольно симпатичной.

— Пожалуйста, не сердись, что сразу я с тобой на «ты», — весело заговорила она, придвигая к себе чашку с кофе «по-венски». — Мы всегда так. Но, если тебе неприятно, я могу говорить и на «вы», если это вам угодно.

— Говорите со мной, как вы привыкли, — смеясь, ответил сыщик. — Я ничего не имею против здешних обычаев.

— Ты, должно быть, иностранец? Немец или англичанин?

— Англичанин, — это, вероятно, заметно по моему выговору?

— Здесь бывает слишком мало англичан, чтобы мы учились различать такие тонкости. Впрочем, мне бы следовало узнать в тебе соотечественника, ведь меня зовут Арабеллой, — смеясь, заметила блондинка.

— Арабеллой? — удивился Шерлок Холмс.

— Не правда ли, это очень шикарное имя? При том же, я говорю немного по-английски!

— Что же вы знаете по-английски? — полюбопытствовал сыщик.

— Мистер, леди, бифштекс, ватер-пруф, кэк-уок.

— И это все?

— Все. Разве этого мало, чтобы называться Арабеллой?

— О, совершенно достаточно, — любезно согласился сыщик.

— Мы ведь все иначе называемся, — пояснила веселая блондинка. — Мы знаем большую часть подруг под такими прозвищами. Вон там за столом сидит «Леля-Зяблик», а по правде-то ее зовут Пелагеей Штучкиной; возле окна в боа из перьев расфуфырилась «Матильда»: она выдает себя за немку, а по правде-то, — простая чухонка из Парголово и служила раньше в кухарках.

Самозванная Арабелла подозвала кивком официанта. Шерлок Холмс предложил новой знакомой потребовать, чего ей угодно.

Обратившись затем к собеседнику, она продолжала посвящать его в тайны местных нравов:

— Только здесь бывают и настоящие иностранки, а то еще и немки из Ревеля и Риги. Эти больше из хористок, которым не хватает жалованья.

— Давно ли вы посещаете это кафе?

— А как открылось.

— Следовательно, вы знаете всех обычных посетителей и посетительниц?

— Да, всех завсегдатаев. Девушки, которых ты видишь, все тоже давно гуляют. Но мужчины меняются гораздо чаще. Только память у меня на лица страшная: я узнаю всякого, кто побывал здесь хоть один или два раза.

Шерлок Холмс вынул из бумажника карточку исчезнувшего принца Шунги.

— Узнаете ли вы этого господина?

— Еще бы! Это индеец, у которого в запонках такие большие-большие бриллианты. Он зачастую бывал здесь. Говорили, будто он служил в английском посольстве.

— Быть может, вы вспомните и тех лиц, с которыми он тут вел знакомство?

— Постойте-ка, — ответила мнимая Арабелла, — несколько недель тому назад он был здесь, а потом уехал, как будто, вместе с одной женщиной. Но она не из наших. Она точно на свидания приезжала. Она держалась в стороне от остальных девушек, точно не хотела, чтобы на нее обращали внимание...

— Разве сюда навещаются и такие посетительницы? — спросил заинтересованный сыщик.

— Как же, есть и такие, по большей части им поневоле приходится скрывать про себя. Посмотрите на меня и на моих подруг: мы все знаем друг друга, всем известно, как жили, наши связи, приключения, любовники; все откровенничают, не имея никаких тайн от товарок. И, правду говоря, это все народ беспокойный, но, в сущности, добродушный. Такие женщины, которые заботятся о том, чтобы хоронить концы в воду, гораздо опаснее...

— Вы хотели мне рассказать еще что-то о женщине, с которой уехал отсюда индеец, — перебил ее Шерлок Холмс, обрадовавшись откровенности словоохотливой собеседницы.

— Я сказала вам, что отлично помню ее, но не знаю, кто она такая. У нее были рыжие великолепные волосы. И одета очень шикарно. Я обратила внимание на широкое бриллиантовое кольцо, на яйцо похожее, которое она носила на мизинце левой руки; бриллианты покрывали целый сустав.

— Послушай-ка, Маня, — обратилась она вдруг к соседке, сидевшей напротив за мраморным столиком, — не знаешь ли ты, куда делась сегодня «Нина-Вертушка»?

— Она нынче не придет. Она поехала в маскарад, в Немецкий клуб, к Синему мосту.

— Да, да, да, — подтвердила приятельница Шерлока Холмса, — сегодня суббота; по субботам «Нина-Вертушка» всегда танцует в Немецком клубе.

— Почему же вы вспомнили о ней? — смеясь, спросил сыщик.

— Видите ли, когда я вам рассказывала, что какая-то женщина подцепила индийца, мне вспомнилось, что «Нина-Вертушка» была очень недовольна. Я поняла из ее слов,

что она была прежде знакома с индийцем.

Шерлок Холмс задумался. Ему удалось напасть на важный след; очевидно, надо добраться по этой нитке до конца, во что бы то ни стало.

— А знаете что? Поедемте со мной в клуб, — предложил он Арабелле.

— С удовольствием. Кстати, расплатись и по моему счету!

Через несколько минут Шерлок Холмс и его хорошенькая спутница вышли под руку из кафе, напутствуемые насмешливыми пожеланиями успеха.

В длинном театральном зале Немецкого клуба и в ряде огромных комнат, занимавших весь верхний этаж большого дома у Синего моста, вплоть до карточных зал, где «мушкетеры» и «мушкетерки», по техническому выражению, «резались» в мушку, а члены клуба и постоянные его посетители играли в «макао», шумела и гудела пестрая толпа. Трудно было сказать, который из элементов преобладает, женский или мужской. Многие из женщин были в ярких маскарадных костюмах, не отличавшихся первобытной свежестью. Неаполитанские рыбачки, коломбины, пастушки и маркизы дышали неподдельным весельем: здесь, в клубе, они не только «работали», но и отводили душу, отплясывая до упаду. Наряду с профессионалками, как бы по долгу своеобразной общественной службы превращающими ночь в день, а день в ночь, шумели и веселились настоящие работницы, портнихи и модистки, трудовая, полная лишений жизнь которых не убила еще молодых запросов.

— Отсюда можно удобно рассмотреть всех танцующих, — сказала Арабелла Шерлоку Холмсу, указывая на место около колонны танцевального зала.

В глазах у сыщика зарябило. По паркету кружились, под ритмические звуки вальса, десятки-сотни пар, вздымая облака пыли. Пахло всевозможными духами и косметиками, разгоряченным человеческим телом. Ему казалось невозможным различить кого-нибудь в этом людском водовороте. Однако, спутница его вскоре обнаружила своим опытным взором разыскиваемую подругу.

— Нина! Нина Вертушка! — вдруг звонко окликнула она проносившуюся мимо в вихре кружащихся пар голубоглазую брюнетку.

Окликнутая девушка повернула лицо к колонне и, как заметил Шерлок Холмс, утвердительно кивнула Арабелле головой.

— Она сейчас придет к нам, — с торжеством заявила она своему спутнику. — Пойдемте в буфет. Если вы хотите что-нибудь выведать у «Нины-Вертушки», спросите бутылку шампанского. За такое угощение она выболтает вам все тайны собственной матери!

Едва успел официант принести вазу с замороженным «Редерером», как «Нина-Вертушка» уже под села к своей подруге.

За бокалом шампанского знакомство с Шерлоком Холмсом завязалось очень быстро.

— Скажи-ка, Нина, — помнишь ты еще индийца, который приходил в кафе «Фантазия»? — спросила Арабелла, приступая прямо к делу.

— Конечно, помню. Что с ним случилось?

— Этот господин хотел бы узнать его адрес.

— Да, — засмеялась «Нина-Вертушка», — я также хотела бы узнать этот адрес! Авось, он подарил бы мне на память парочку бриллиантов, которыми щеголял на запонках и кольцах.

Шерлок Холмс приподнял левую руку к канделябру и показал, как играет бриллиант на его перстне.

— Я с удовольствием подарю вам это кольцо и поднесу другое такое же вашей подруге Арабелле, если вы мне можете разыскать ту женщину, с которой ушел из кафе «Фантазия» молодой индус.

Нина Вертушка сосредоточенно сморщила густые черные брови, стараясь вспомнить условия, при которых в последний раз видела индийца.

— Ты помнишь, — помогла ей Арабелла, — это была рыжеватая блондинка, с которой ты была раньше знакома. Ты еще бранила ее тогда, злилась, с чего она так задирает нос, точно не узнает прежней подруги.

— Ах, да! Я хорошо знаю ее. Несколько лет тому назад я попала в одну историю, окончившуюся уголовщиной. Дело разбиралось в окружном суде. Судили девушку, которая обирала богатых людей, выдавая себя то за баронессу, то за графиню. Тогда ее осудили за мошенничество.

— И эта самая девушка увела индийца? — спросил удивленный Шерлок Холмс.

— Да, она. Я сразу узнала ее. Потом уж не знаю: сидела она или нет, только, кажется, попала на содержание, и к богатому.

— Вы знаете ее настоящую фамилию?

«Нина-Вертушка» пожала плечами.

— Я давно забыла, как ее зовут. Если вы непременно хотите узнать ее фамилию, в сыскной попробуйте, там, говорят, есть альбом преступниц.

— Сколько времени прошло со времени ее процесса? — спросил Шерлок Холмс, вынимая свою записную книжку.

— Кажется, лет пять или шесть. Впрочем, взгляните, — вдруг воскликнула Нина Вертушка, — вон там, у прохода, стоит молодой человек, которого я несколько раз видела на извозчике с рыжеватой девушкой, которая увезла индийца!

Шерлок Холмс посмотрел в указанную сторону, — и от изумления вскочил со стула.

«Это молодой лорд Роберт Спенсер, в этом нет никакого сомнения. — подумал он. — Дело становится еще более запутанным, чем я думал».

Глава VI

Преступная чета

Раньше, чем мы последуем за Шерлоком Холмсом в его дальнейших розысках исчезнувшего принца Шунги, мы должны вернуться в Гарри Таксону, которому пришлось больше

суток поработать без помощи его знаменитого учителя и начальника.

Он расстался с Шерлоком Холмсом за Николаевским мостом.

Гарри Таксон медленно пошел по седьмой линии Васильевского острова к дому, в котором жила гадалка. Он рассчитал, что старуха не сразу примет сыщика; когда прошло около получаса, он решился приступить к выполнению работы, порученной ему Шерлоком Холмсом.

Юноша бесшумно открыл дверь, ведущую в коридор загадочной женщины.

В темном коридоре он перевел дух; донесшийся запах жареного кофе предварил Гарри Таксона о соседстве кухни. Заглянув в щелку двери, он увидел ту самую служанку, которая незадолго до этого впустила в квартиру гадалки Шерлока Холмса.

Из помещения по другую сторону коридора до него доносились чьи-то голоса.

«Очевидно, там приемная и кабинет гадалки», — сообразил Гарри Таксон, различивший голос своего патрона.

Оставалась еще одна дверь, в которую и направился молодой помощник Шерлока Холмса. Приблизившись к ней, он вдруг услышал за дверью чьи-то тяжелые шаги. Гарри Таксон быстро шмыгнул за занавеску, отделявшую темный чулан от коридора.

Гарри затаил дыхание, не смея шевельнуться, и весь превратился в слух. Но опасения его оказались напрасными: никто не вышел из двери. Почувствовав себя временно в безопасности, молодой агент подверг тщательному осмотру помещение, в которое забросили его судьба и непреклонная энергия Шерлока Холмса. В чулане вовсе не было совершенно темно, как он вообразил сначала. Глаза, свыкнувшись с полумраком, отчетливо различили некоторые предметы: сундук, различные женские платья, небольшой умывальник, мелкие хозяйственные принадлежности; наверху виднелось окошечко. Приблизившись к нему, Гарри убедился, что свободно может рассматривать всю смежную комнату.

Она была обставлена довольно комфортабельно.

Но что же это такое? Неужели он не один тайком пробрался сюда?

Какой-то человек стоял посреди комнаты и испытующе осматривал окружающие предметы. У него, очевидно, были самые худые намерения, так как он прилагал все усилия, чтобы производить как можно меньше шума. Постояв немного, незнакомец стал пробовать, закрыты ли на ключ все ящики у мебели и шкапулки.

Гарри Таксон явственно слышал, что бормотал про себя этот странный мужчина.

— И везет же ей, черт возьми! — ворчал он. — Ее шкапулка битком набита английскими кредитками; надо полагать, она снова обстрипала славное дельце!

Незнакомец подошел к двери, которая, должно быть, вела в приемную комнату гадалки. Послушав немного, он произнес вполголоса:

— Она все еще продолжает втирать очки этому простофиле, у меня достаточно времени, чтобы пошарить здесь повнимательнее!

Он тихо вынул из кармана связку отмычек и стал пробовать их на различных замках. Один ящик открылся; незнакомец алчно взглянул на него.

— Наличными деньгами нет ни копейки, — продолжал он свой монолог, обшаривая все углы ящика, — но там, внизу, лежат две плоских коробки. Не заглянуть ли в них?

Он подошел к окну и открыл футляр из коричневой кожи.

— Вот это здорово! — громко воскликнул он. — Тут понасована куча бриллиантов и рубинов! А это что за булавка? На ней выведена бриллиантами какая-то надпись, — должно быть, по-немецки... Имя или какая-нибудь любовная ерунда. Ну что ж, ничего не поделаешь, — если нет ничего лучше, надо довольствоваться тем, что само плывет в руки!

С этими словами он опустил драгоценную булавку в свой карман.

Не успел он еще вновь закрыть ящик, как из соседней комнаты донесся шум отодвигаемых стульев.

Он быстро присел на стул около окна и так углубился в рассматривание прохожих на улице, что, по-видимому, вообще не заметил, как вошла старая гадалка.

— Как ты попал сюда? — с изумлением спросила она.

— Вошел в дверь, — невозмутимо ответил вор, изображив на лице безмятежную невинность.

Гадалка внимательно осматривала комнату; что-то, вероятно, вдруг рассердило ее. В мгновение ока она очутилась у ящика комода, в котором недавно рылся незнакомец.

Она с первого же взгляда обнаружила пропажу булавок.

— Подлец, мазурик проклятый! — загремел ее голос с силой, которой никак нельзя было предполагать в столь тщедушной оболочке, — ты снова обокрал меня!

— Ну полно, душечка, не горячись! Между мужем и женой — что за счеты! Разве я могу что-нибудь украсть у тебя?

— О, если бы у меня хватило духа развестись с тобой, — воскликнула старуха, — я, наконец, разбила бы проклятую цепь, которая тянет меня обратно в болото, откуда я выбралась с такими нечеловеческими усилиями! Но теперь надо, во что бы то ни стало, покончить со всей этой грязью, — решительно заявила она, наступая на мужа. — Слышишь ты, я хочу, чтобы все это окончилось. Баста!

Вор насмешливо осклабился.

— Как послушаю я тебя, Дунька, так просто не верится, что ты прежде мыла стаканы в чайной. Право, ты говоришь, точно заправская барыня! Как увижу я тебя в шикарной коляске, развалившеюся в пух и прах около разодетого пижона, так невольно говорю себе: «Неужто это твоя Дунька катит на “Стрелку”? Та самая Дунька, с которой ты познакомился и слюбился на черной половине трактирного заведения “Венеция” за Нарвской заставой? Нет, это, должно быть, какая-нибудь баронесса, которая...»

— Молчать! — крикнула, вне себя, гадалка, — ни слова больше, не то я позову городского, чтобы тебя отправили в участок. Я знаю, что тебе не по нутру встречи с полицией!

Вор, по-видимому, не хотел довести до крайности свою разгневанную жену. Он поспешил уступить ей.

— Ну, если ты не хочешь, я не стану говорить об этом... Но, право, я никак не могу взять в толк, зачем ты все еще корчишь из себя гадалку? При твоих знакомствах и доходах это не имеет смысла. Такое занятие, пожалуй, годилось бы еще для меня, жалкого горемыки...

— Чего ты притворяешься сиротою казанскою, чего хнычешь? — возразила гадалка. — Я даю тебе по пятидесяти рублей в месяц. Куда ты их деваешь? Ты их растранижираешь по кабакам с такими же пропойцами, как ты сам.

— Полно, Дунечка, не сердись. Видно, я такой уж уродился: незапасливый, незадачливый... Долго ли спустить две четвертных? Месяц-то долог. Вот как бы ты расщедрилась, да отвалила радужную...

Старуха пренебрежительно засмеялась и отвернулась от мужа.

— А что это за важный барин катался вчера с тобой на автомобиле?

Гадалка, очевидно взволнованная, повернулась к нему.

— Где ты видел меня? — в свою очередь спросила она, гневно сверкнув глазами.

— Это все равно. Я хотел только сказать, что, заведя богатого любовника, можно бы помочь и мужу стать на ноги!

— Ты знаешь наше условие, — резко заговорила гадалка, — каждый из нас идет собственной дорогой. И надеюсь, что ты не шпионишь за мной. Если ты вздумал отважиться на нечто подобное, твоей масленице наступит скорый конец, милый мой!

— Похоже на то, — но я надеюсь, Дунечка, что ты еще одумаешься. Ведь я могу разнюхать, где находится твоя вторая квартира, в которой ты живешь на самом деле, потому что здесь ведь простая ловушка; тогда я могу круто стать тебе поперек горла. Не поможет тебе и вся твоя хитрость!

Гадалка подошла вплотную к мужу и, пристально смотря ему в глаза, сказала:

— А что будет, если ты, грубое животное, заставишь меня — и, конечно, не одну — уехать из Петербурга за границу? Я могу навсегда улетучиться отсюда.

Вор привскочил со стула. Слова эти были произнесены слишком серьезным и настойчивым тоном, чтобы можно было предположить, что гадалка шутит. При том же все обращение ее вовсе не говорило в пользу такого предположения.

— Ты, конечно, не поступишь со мной так жестоко, Дунечка, — жалобно произнес он. — Ты знаешь, что я всегда любил тебя и на все смотрел сквозь пальцы.

— О, да, ты охотно прощал меня, когда я покупала твое снисхождение за наличные денежки. Клянусь тебе всем, что для меня осталось святого на свете, что я выполню свою угрозу, если ты осмелишься каким бы то ни было образом стать мне поперек дороги, или только дашь понять, что я с тобой знакома. Я покончила со своим прошлым; я хочу быть там, куда мне удалось втереться, действительно такой, какой я до сих пор только казалась.

Муж гадалки, видимо, смутился, сознавая, что зашел слишком далеко.

— Но я вовсе и не собираюсь, — покорно произнес он, — чем-нибудь повредить тебе. Будь себе хоть графиней, хоть баронессой, это меня нисколько не касается.

Гадалка пристально посмотрела на своего мужа. Она убедилась, что вышла из борьбы победительницей. Она ударила этого дряблого человека по самому больному месту, дав ему понять, что он существует лишь по ее милости.

— Так как мы только что говорили, что я, может быть, уеду из Петербурга, — продолжала она, — то не мешает, кстати, выяснить вопрос: при каких условиях согласишься ты на развод со мной?

— Давай десять тысяч, — сказать негодяй, немного подумав.

— Ты мог бы с таким же успехом запросить пятьдесят тысяч, — возразила, усмехнувшись, гадалка. — Уж не воображаешь ли ты, что я стала миллионершей? Вспомни, сколько денег я тебе переплатила за все эти годы!

— У тебя нет столько? Что ж, заплатит твой любовник!

— Если ты так глуп и упрям, тебе же хуже. А теперь, прощай! Ты можешь оставить себе булавку, которую украл

у меня. Смотри, как бы тебе не попасть из-за нее в скверную историю!

Вор не двигался с места; лицо его приняло сумрачное выражение.

— Сколько ты дашь отступного, если я соглашусь на развод? — спросил он.

— Пять тысяч рублей; то есть, конечно, если мне удастся довести до конца план, который я надумала.

— Я понимаю, — сказал вор, — если тебе удастся женить по себе своего любовника и превратиться, таким образом, в настоящую графиню.

— Чего я хочу, это мое дело. Ты предупрежден, и поступай теперь, как знаешь.

Вор схватил свою фуражку и еще раз окинул взором всю комнату.

Вдруг он заметил, что в окошечко чулана смотрит чье-то чужое лицо. Не вор ли это? Или, быть может, это — любовник, который хочет отнять от него жену и содержательницу?

Нет, это было лицо совсем молодого человека, юноши, у которого еще торчат вихром волосы. Что делать?

Поднять ли переполох и обратить на него внимание своей жены?

— Чего же ты стоишь и топчешься на месте? — с удивлением спросила гадалка.

В это мгновение вор услышал, что юноша выскользнул в коридор из чулана.

— Ну, прощай, — торопливо произнес он, — если я тебе понадобится, ты знаешь мой адрес.

Вор опрометью бросился к выходной двери, возле которой настиг Гарри Таксона.

— Постой, мальчик, — прошептал он, крепко схватив юношу за руку, — так удирать не годится!

Они вместе вышли на площадку лестницы.

Вор предусмотрительно осмотрелся, не спускается ли кто по лестнице. Ничьих шагов не было слышно. Тогда он стал рассматривать своего пленника. Ловким взмахом руки он вытащил из кармана Гарри Таксона связку отмычек, кото-

рой час тому назад снабдил молодого агента Шерлок Холмс.

— Ты, брат, не промах, знаешь, зачем нужны эти игрушки. Не запаса ли ты и ломом? Нет, — у тебя не припасено ничего подобного? Ладно. Странное дело: я знаю всех здешних стрелков, а тебя не встречал.

— Вы ошибаетесь, — возразил Таксон, желавший как можно скорее, отделаться от мужа гадалки, — я вовсе не имел намерения обокрасть старуху.

— Неужели? Что же ты хотел? Поднести ей свою визитную карточку? Или поздравить ее с будущим Новым годом?

— Я хотел разузнать, какую тайну скрывает эта женщина, — возразил Гарри Таксон. — Теперь вы знаете, в чем дело, отпустите меня.

Вор тихонько засвистал, придал своему лицу самое лукавое выражение и почесал за ухом, как будто внезапно надумал что-то особенно занятное.

— Может быть, ты говоришь и правду, — вполголоса согласился он. — Но, во всяком случае, такая мысль не могла тебе ни с чего прийти в твою баранью голову. Ты работаешь для кого-нибудь другого?

— Это верно, — признался молодой агент.

— А как зовут этого другого? — спросил вор.

— Этого я и сам не знаю, — соврал Гарри Таксон, считая излишним посвящать мужа гадалки в тайны своего предприятия.

— Пожалуй, и это возможно. Твой хозяин, видно, не дурак. Ну, и что ж ты разузнал о старухе? Кто же она такая?

Гарри задумался, признаться ли, что ему удалось подслушать весь разговор, или скрыть это обстоятельство.

— Она, кажется, играет двойную роль, — уклончиво возразил он, — мне кажется, что за ней лучше всего тайно последить, чтобы напасть на настоящий след.

Вор уставился вдруг на юношу сумрачно заблестевшими глазами.

— Слушай, — зловещим шепотом заговорил он, — не лучше ли нам с тобой поработать за компанию? Признаться, я и сам собирался за ней пошпионить... А мне, поверь, уже известно гораздо больше, чем тебе!

Гарри Таксон думал первоначально поскорее улизнуть от мужа гадалки; но после этих слов его он сразу переменял свое намерение. Если этот человек говорит правду, содействие его может оказаться драгоценным для разоблачения тайных связей гадалки, которая, по-видимому, ведет двойное существование.

— Пойдем, товарищ, — предложил Гарри новому знакомцу, — нам нечего спешить, она еще не скоро выйдет из квартиры.

Он вышел на улицу, свернул налево в узкий переулок и вошел вместе со своим спутником в грязный трактир, помещавшийся на углу следующей линии.

Глава VII

В притоне

Гарри Таксон погрузился в спертую, душную атмосферу, пропитанную сивушным запахом и человеческими испарениями.

Небольшое помещение трактира, несмотря на еще не поздний час, было почти заполнено. Возле столов сидели люди всех возрастов, отмеченные двойным клеймом — нужды и преступления; ели здесь мало, больше пили пиво и водку; за двумя столами сидели и женщины.

— Откуда ты привел этого ощипанного цыпленка? — окликнул мужа гадалки человек с вызывающим и тупым выражением лица.

— Не лайся, Суслик, — ответил вор, — если это ощипанный цыпленок, так ты сам — дохлая лягушка!

— Ишь ты, сейчас и рассердился! — засмеялся Суслик. — Угости-ка лучше, Пискарь, парой пива!

— На какие шиши мне угощать тебя? Хорош и без пива!

Названный «Пискарем» муж гадалки заказал себе яичницу и бутылку водки; затем он сел с Гарри в угол, где они могли разговаривать без помехи.

— У тебя, наверное, есть другое платье? — спросил Пискарь, обращаясь к Гарри Таксону.

— Конечно, — подтвердил тот.

— И, поди, щегольское? — допытывался вор.

— Само собой разумеется.

— Отлично. Быть может, ты маракуешь также немного по-французски?

— Не только по-французски, но и по-английски, и по-немецки. Я работал в Кронштадте, где без языков никакого хорошего дельца обстригать невозможно.

— Ну, коли так, дело в шляпе. Теперь слушай внимательно. Старая гадалка, которую ты видел в окно чулана, на самом деле — молодая, красивая женщина, которой еще не исполнилось тридцати лет. Она так ловко подмазывает и разрисовывает лицо, что никто не может узнать ее.

— Зачем же это она?

— А вот зачем. К ней приходит множество мужчин и бабынь, чтобы узнать свое будущее. Она гадает им по картам, а сама выведывает при этом кучу разных важных тайн. Кроме того, у нее завелся хахаль, — птица крупного полета. Она в него втюрилась по уши; да и он, как я сегодня слышал, не прочь жениться на ней. Это все, что мне покамест удалось расчухать.

Я один раз увязался за ней и накрыл ее в кафе «Фантазия». Там встречаются они постоянно, после того, как она отработает свои часы гадалкой. Ее любовник всегда ждет у одного стола; это высокий верзила с черными волосами и усами, лицом смахивает на цыгана или итальянца. Он заставил мою жену выучиться болтать по-французски, и теперь они всегда лепечут в кафе по-французски.

Несколько недель тому назад я встречал ее еще с каким-то индийцем; но теперь он уже давно не показывается в «Фантазии».

— В таком случае, — заявил Гарри Таксон своему спутнику, — я отправляюсь, чтобы своевременно попасть в кафе.

— Ладно. Я буду ожидать тебя в Пассаже.

Гарри сел на извозчика и поехал домой переодеться. Чтобы не терять дорогого времени, он не сообщил о своем

возвращении Шерлоку Холмсу. Через час он входил в помещение кафе.

По описанию Пискаря, Гарри Таксон легко нашел ожидавшего гадалку брюнета. Возле этого последнего оказался свободный стол. Молодой сыщик приказал принести стакан кофе и, закрывшись газетой, сделал вид, будто углубился в чтение.

Через несколько минут вошла нарядная дама. Наружность ее вполне подходила к описанию, сделанному Пискарем. Черное богатое платье с кружевным чехлом пышно сидело на блекло-зеленой шуршащей шелковой юбке; на золотисто-рыжеватых волосах красовалась кокетливая шляпа, — модель парижской работы. Стройная фигура и тонкие черты красивого лица производили подкупающее впечатление.

Она подошла, радостно улыбаясь, к одинокому брюнету, который при ее приближении встал из-за стола и сделал несколько шагов навстречу.

Присев за стол, она внимательно осмотрелась вокруг, чтобы убедиться, вероятно, что в зале нет никого из знакомых. Беглый осмотр этот совершенно успокоил ее.

Брюнет приветствовал даму по-французски. На этом же языке велся и весь дальнейший разговор.

— Ну, как прошел твой сегодняшний прием? — спросил он, улыбаясь.

— Все обошлось, как я ожидала, — ответила гадалка серьезным тоном.

— Значит, он, в самом деле, пришел — этот мистер... я позабыл его фамилию.

— Сэр Эдуард Бертон, атташе английского посольства, — подсказала мнимая гадалка.

— Я не знаю этой фамилии. Он, должно быть, приехал сюда недавно?

— Ты прав, лорд Роберт Спенсер сообщил мне, что он командирован по делу принца Шунги.

— Не смейся, Рене, — продолжала гадалка. — Я предчувствовала, что он явится ко мне, чтобы выведать, не причастна ли я к исчезновению принца Шунги. Я внимательно

но рассмотрела его раньше, чем выйти в приемную. Он так подозрительно осматривал всю комнату, точно исчезающий принц спрятан за одной из моих картин.

— Полно, — успокоил ее Рене, — ты напрасно тревожишься так из-за этого тупого англичанина; неудивительно, что он хотел бы узнать, куда делся принц. Что же еще рассказывал молодой Спенсер после нашей последней встречи?

— Ничего существенного. Все его сообщения относились к новому атташе, который имел продолжительную тайную беседу с послом, отцом Роберта.

— Черт возьми, уж не скрывается ли под видом атташе совсем иной человек. А как поживает этот — другой?

— Если принять во внимание условия, недурно. Мне, конечно, приходится время от времени повторять опыты.

— Достала ли ты, наконец, нужные бумаги? — спросил, немного подумав, Рене, — у тебя было достаточно времени, чтобы добыть их.

— Ты говоришь о документах, касающихся некоторых переговоров между Англией и державой X?

— Конечно, моя дорогая. Тебе известно, что я сгораю в ожидании, когда эти документы попадут в мои руки. Я купил бы их на вес золота! Мне предстоит блестящая карьера, если я окажусь в состоянии вручить столь важные бумаги нашему посланнику.

— Бумаги в моих руках, — спокойно произнесла молодая красавица.

— Может ли быть! И ты не слова не сообщила мне о таком необычайном событии, — громко воскликнул Рене.

— Есть вещи, о которых можно говорить только с глазу на глаз; а я несколько дней не виделась с тобой.

— Ты права, но что же ты хочешь мне сказать относительно этих документов?

— Любишь ли ты меня, Рене?

— Можешь ли ты сомневаться в этом? Разве я подал тебе повод подозревать меня в охлаждении, разве моя нежность, мои ласки не убедили тебя в пламенности моей любви?

— Нет, я не сомневаюсь. Поэтому я и решаюсь обратиться к тебе с необычайно важным для меня вопросом: согласен ли ты никогда со мной не расставаться?

— Если бы это было возможно, я чувствовал бы себя счастливейшим из смертных!

— В таком случае, женись на мне. Ты достаточно хорошо знаешь меня, чтобы быть уверенным, что тебе никогда не придется краснеть из-за меня. Подобно тому, как в моем салоне все считают меня за настоящую маркизу Сенца ди Борго, так и у тебя на родине никто не усомнится в моем аристократическом происхождении.

— Я понимаю, — важные документы, которые исчезли вместе с принцем Шунги...

— Будут моим приданым, дорогой Рене, — перебила его решительным тоном мнимая маркиза.

— Недурно придумано, — с некоторым смущением засмеялся Рене, — но кто поручится мне, что когда-нибудь не разоблачится твое прошлое? Я могу быть скомпрометирован так сильно, что положение мое в обществе станет совершенно нестерпимым.

— Ты знаком со мной уже давно, но не встречал еще ни одного человека, который узнал бы меня. Кому придет в голову, что элегантная маркиза Сенца ди Борго была девушкой «из простонародья»? Разве для тебя представится какая-нибудь трудность перевестись на другой пост, за границу?

— Об этом надо подумать. Во всяком случае, я согласен и принимаю твои условия. Я женюсь на тебе, но не здесь, не в Петербурге. Как только получу в свои руки документы, я попрошу, чтобы меня перевели в Париж или Мадрид.

Грудь молодой красавицы заколебалась от прилива безграничной радости.

— Ты проводишь меня? — спросила молодая женщина.

— Да, мне также нужно проехать через Моховую.

Таксон, конечно, последовал за ними. Полчаса спустя он уже знал, где живет мнимая гадалка, и поспешил вернуться к Пассажу, где его с нетерпением ждал Пискарь, невзрачный муж этой ослепительной красавицы.

Гарри Таксон обстоятельно обдумал, следует ли ему вновь повидаться с этим человеком. Он пришел к выводу, что надо оправдать доверие, которое оказал ему муж гадалки. Гарри расскажет все, что интересно знать Пискарю относительно его жены. Как знать, — не понадобится ли еще содействие этого человека.

Глава VIII

В ночлежном приюте

— Ну, что же узнал? — спросил Пискарь молодого сыщика.

Гарри Таксон рассказал ему о беседе гадалки с дипломатом. Вор выслушал его слова с напряженным вниманием.

— Она живет на Моховой, — бормотал он, — это шикарная улица. Что ж, большое и плавание! А она, значит, в самом деле, собирается посадить меня на мель. Ну, мы еще посмотрим, чья возьмет. Что же ты теперь намерен делать? — спросил он Гарри.

— Я пойду домой.

— Послушай, ты мог бы оказать мне еще одну услугу. Я нашел в квартире моей старухи на Васильевском острове одну штуку, которую хотел бы заложить.

Пискарь вынул из кармана футляр, открыл его и показал Гарри, как играют камни на лежавшей там булавке.

Молодой агент был ослеплен. Он никогда не видел такого великолепия. Бриллианты и рубины сверкали, точно живые. Вдруг его осенила странная догадка.

Это, несомненно, та самая булавка, которая была украдена из квартиры принца Шунги в первую же ночь пребывания Шерлока Холмса в Петербурге!

Сомнений быть не могло. Шерлок Холмс описал драгоценную булавку совершенно точно.

Но кто же украл ее? Очевидно, не Пискарь, так как Гарри Таксон был очевидцем, как негодяй нашел булавку

в шкатулке своей жены.

Сама гадалка не отважилась бы и не сумела бы выполнить такую кражу; притом же ее любовник, молодой дипломат, не согласился бы подвергнуть ее подобной опасности. О том, что лорд Спенсер признал в виновнике похищения самого принца Шунги, Гарри Таксон ничего не слышал.

Он, конечно, страстно хотел обнаружить, кто же учинил кражу? Не могло быть никакого сомнения, что это же лицо играло видную роль и в исчезновении индийского принца.

Не скрывает ли от него Пискарь еще какой-нибудь тайны?

— Хорошо, — сказал Гарри, — я заложу булавку. Но где? Теперь уже поздно, в это время, вероятно, закрыты все ломбарды.

— Верно. Нам лучше всего провести ночь вместе, а завтра утром мы сообща оборудуем это дельце. Кстати, ты познакомишься с одним моим закадычным приятелем, который понадобится для разделки с моей женой.

Гарри вынужден был во что бы то ни стало остаться с Пискарем, чтобы разузнать, какие планы намерен негодяй осуществить при помощи своего приятеля.

— Я согласен, но куда же мы денемся на ночь?

Пискарь немного задумался.

— Сегодня делать больше нечего, — решил он, наконец, — притом же я должен непременно повидаться с моим другом. Для этого надо попасть в ночлежный приют у Обуховского моста.

Гарри Таксон был не прочь ознакомиться с этим учреждением и с его посетителями, принадлежащими к низшим слоям «бродячего Петербурга».

Когда они пришли к ночлежному приюту, он был уже переполнен. Однако, Пискарь ухитрился каким-то способом попасть туда и провел своего спутника.

Многие ночлежники перед сном чинили свои пожитки. У одного из них Гарри Таксон заметил измятый, но не использованный бланк открытого письма; молодой агент по-

спешил перекупить открытку и набросал несколько успокоительных строк Шерлоку Холмсу. Проходивший мимо сторож вызвался бросить письмо в почтовый ящик.

Несколько минут спустя, Пискарь познакомил Гарри со своим «закадыкой» Сенькой Бочарем. Сенька оказался мужчиной лет пятидесяти, внешностью своей напоминавшим не бочаря, а мясника. Толстая красная шея его упиралась в широкие плечи, которым позавидовал бы любой из атлетов, подвигающихся в чемпионатах.

Пискарь и его приятель поместились на двух смежных койках, а Гарри Таксон — непосредственно над ними, чтобы насколько возможно подслушать их переговоры.

Когда приятели убедились, что умышленно громко храпевший Гарри крепко заснул, они стали шепотом совещаться.

Гарри удалось подслушать, что они намерены подстеречь гадалку в ее квартире на Васильевском острове. Пискарь проберется туда под предлогом получить обещанные в виде отступного пять тысяч рублей. Что хотят они сделать с мнимой маркизой, расслышать юному сыщику так и не удалось.

Глава IX

В сысской полиции

Было уже около часа ночи, когда дежурному чиновнику сысской полиции Скалкину сообщили, что его хотят видеть по неотложному делу какой-то господин с дамой.

— Чего им приспичило в такой поздний час ночи!

— Какая-то мошенница обманула этого господина.

— Ах, Господи! Точно нельзя подождать с заявлением до утра? Делать, однако, нечего; раз уж они пришли, впустите их.

Шерлок Холмс и его спутница вошли.

— А, «Нина-Вертушка»! — воскликнул Скалкин, когда свет электрической лампы упал на лицо молодой девушки.

— Неужели вы узнали меня? — удивилась она.

— Еще бы, — не без самодовольства возразил чиновник, — лет пять тому назад я несколько раз допрашивал вас по делу Трынкиной. Вы были задержаны по подозрению в соучастии, но потом освобождены...

— Трынкиной! — радостно перебила «Нина-Вертушка». — Да, это ее фамилия; из-за нее то мы и пришли к вам...

— Извините, что мы поздней ночью потревожили вас, — заговорил в свою очередь Шерлок Холмс, прерывая болтовню своей спутницы. — Дело не терпит никакого отлагательства.

— Видно, красивая мошенница снова принялась за старое ремесло, — смеясь, заметил Скалкин. — Я уверен, что она, под видом графини или баронессы, опять опутала какую-нибудь доверчивую жертву.

— Просьба моя состоит в том, чтобы вы позволили мне и этой молодой девушке просмотреть вместе альбом, в котором собраны фотографические карточки преступниц. Эта девушка полагает, что мой друг встретился с Трынкиной в кафе «Фантазия» и уехал оттуда вместе с преступницей. После этого он исчез без вести. Чтобы устранить возможность всякой ошибки, моя спутница хотела бы еще раз взглянуть на фотографию, которая была снята с обманщицы в сыском отделении.

— Вы желаете невозможного, — возразил чиновник. — Наши альбомы — это тайна.

Шерлок Холмс улыбнулся и вынул из бумажника визитную карточку градоначальника, предлагавшего, по просьбе посла, оказать содействие секретарю посольства Бертону.

Чиновник узнал почерк генерала и сделался любезным.

— Хорошо. Прошу вас следовать за мной.

Чиновник повернул кнопку электрического освещения; Шерлок Холмс увидел перед собой на полках смежной комнаты ряд альбомов, в которых собраны «человеческие документы» столичной преступности. Скалкин снял с полки один из альбомов и положил его на стол перед посетителями.

Затем он стал перелистывать страницы альбома; Шерлок Холмс и «Нина-Вертушка» внимательно всматривались в каждую фотографию.

Вдруг девушка воскликнула с радостным возбуждением:

— Вот она! Ошибки никакой быть не может, она совершенно так же выглядела в тот вечер, когда увезла из «Фантазии» индийца!

— Как видите, я не ошибся, — с улыбкой заметил чиновник, вынимая из альбома карточку и читая надписи на ее обороте. — Это Евдокия Иванова Трынкина; вскоре после отсидки она вышла замуж за вора Андрея Пискарева.

Шерлок Холмс внимательно всматривался в фотографию.

Чиновник положил ее обратно в альбом и спросил посетителя:

— Насколько я понял вас, дело касается одного иностранца, родом из Индии, которого опутала Евдокия Пискарева?

— Вы правы, речь идет об атташе британского посольства, принце Шунги.

— Я не веду этого дела, — сказал Скалкин, — но случайно слышал о нем. Если не ошибаюсь, вы сами англичанин?

— Нет, вы не ошибаетесь, — смеясь, подтвердил Шерлок Холмс, — я действительно англичанин.

— В таком случае, я попросил бы вас, в свою очередь, сделать мне большое одолжение.

— Располагайте мною, я весь к вашим услугам, — любезно ответил сыщик.

— Одного молодого человека, лет 18-ти, задержали в казенном ломбарде, когда он представил для заклада осыпанную бриллиантами и рубинами драгоценную булавку. Я могу вам показать эту вещь, она как раз при мне.

С этими словами чиновник вынул из кармана футляр и показал Шерлоку Холмсу лежащую в нем булавку.

— Это галстучная булавка, украденная у исчезнувшего принца Шунги! — воскликнул сыщик. — Я узнал ее по выведенным камнями буквам надписи «Сагиб».

— Ну вот, — обрадовался чиновник, — я так и думал, что с булавкой нечисто. Теперь мы поговорим с юношей иначе. Он бросит ссылаться на несуществующего незнакомца.

Шерлок Холмс внимательно прислушивался к словам Скалкина.

— Чем же я еще могу помочь вам в этом деле? — спросил он.

— Задержанный — молодой англичанин. Несмотря на то, что при нем нашли превосходные отмычки, тонкие стальные пилки и электрический карманный фонарь, свидетельствующие, что обладатель их — профессиональный вор, он упорно заявляет, будто получил булавку для заклада от какого-то незнакомца. Будьте любезны поговорить немного со своим соотечественником: быть может, вы усовестите его и убедите, что он только ухудшает свое положение, утаивая истину.

— Сделайте одолжение, прикажите привести этого человека.

Чиновник и Шерлок Холмс вернулись в дежурную комнату.

Раскрылась дверь и ввели арестованного.

— Гарри...

— Мистер Холмс!

Оба онемели от изумления. Чиновник первый прервал наступившее молчание.

— Не ослышался ли я? — воскликнул он. — Мистер Шерлок Холмс? Знаменитый английский сыщик? Я никогда и не мечтал, что мне придется лично познакомиться с вами!

— Извините, что я сразу не представился вам. Я, действительно, сыщик Шерлок Холмс, а это — мой помощник, Гарри Таксон, такой же порядочный человек, как и мы с вами.

— Значит, таинственный незнакомец, он же «Пискарь», вовсе не мифическая личность? — изумился чиновник.

— Он столь же мало похож на вымысел, как и его сотоварищ по ремеслу, Сенька Бочар.

— Сенька Бочар? — живо переспросил Скалкин. — Принесите-ка мне папку с делом Семена Иванова Прохорова,

— обратился он к своему помощнику.

— Сейчас мы узнаем, кто такой «Пискарь»...

— Можно подумать, что все складывается, точно нарочно, — просматривая дело, произнес Скалкин, — этот «Пискарь» не кто иной, как Андрей Степанов Пискарев, счастливый супруг хорошо известной нам красавицы Евдокии Трынкиной...

— Которая, в качестве гадалки, живет на седьмой линии Васильевского острова, — досказал за него Гарри Таксон, — и, кроме того, имеет вторую квартиру на Моховой улице, где выдает себя за маркизу.

— За маркизу Сенца ди Борго! — воскликнул пораженный Шерлок Холмс. — Теперь я все понимаю. Следовательно, она знала вчера, когда я пришел к ней, кого она принимает.

— Вы, вероятно, ничего не будете иметь против того, чтобы я увел с собой моего молодого друга? — обратился он к чиновнику. — Дело с булавкой можно считать достаточно выясненным

Возвращаясь домой, Гарри Таксон рассказал Шерлоку Холмсу все свои приключения.

— Да, все дело объясняется как нельзя более просто, — сказал сыщик, выслушав приключения Гарри.

— Ты полагаешь, — спросил он, немного помолчав, Гарри Таксона, — что принц Шунги еще жив?

— Я совершенно уверен в этом. Мне кажется, что он находится в квартире мнимой маркизы Сенца ди Борго. Я не могу только понять, почему этот человек никуда не показывается?

Шерлок Холмс загадочно засмеялся.

— Он не может, — пояснил он, — но, по-видимому, также и не хочет.

— Этого я не понимаю. Вы сказали мне, что принц Шунги сам обокрал себя в ту ночь, когда вы чуть не захватили вора на смежном балконе. Полагаете ли вы и теперь, что им украдена булавка, из-за которой мне пришлось познаться с петербургской сыскной полицией?

— Дорогой Гарри, — заговорил Шерлок Холмс, самодовольно потирая руки, — мы разбираемся теперь в совершенно своеобразном случае: все лица, причастные к делу, замечательны в своем роде. Главную роль играет, конечно, маркиза Сенца-ди-Борго. Если мы сделаем малейший промах, принц Шунги и важные документы все-таки выскользнут у нас из рук в последнее мгновение. Преступная красавица не задумается уничтожить их, если увидит, что ее накрыли.

— Я также уверен в этом; выработали ли вы уже план, как обезвредить эту женщину?

— Конечно. Я буду бороться с ней ее собственным оружием. Я тебе повторяю: это исключительно интересный случай, какого еще не бывало в моей долголетней практике. А теперь, любезный Гарри, нанимай извозчика и поезжай домой; ты выглядишь таким усталым, что я больше не хочу сегодня утруждать тебя.

Глава X

Разоблачение

Салон маркизы Сенца-ди-Борго на Моховой улице утопал в томном, мечтательном освещении. Серебристо-сиреневые абажуры скрадывали слишком яркий свет электрических ламп.

Лорд Роберт, согласившийся представить «сэра Эдуарда Бертон» очаровательной маркизе, предсказал правильно: сын посла и Шерлок Холмс застали прекрасную хозяйку дома наедине.

— Вы очень интересуетесь исчезнувшим принцем Шунги? — спросила мнимая маркиза Шерлока Холмса.

— Действительно, — ответил сыщик, улыбаясь, — я поставил себе цель спасти исчезнувшего.

— Мне кажется, что вы напрасно утруждаете себя, — беззаботно промолвила красавица, — несчастный вряд ли

остался в живых.

— Это мне безразлично, — ответил Шерлок Холмс, — я разыщу его следы, чтобы узнать, отчего он погиб. Не провалился же он сквозь землю? Да и несчастья с ним, по-видимому, никакого не приключилось, не то обнаружили бы его труп. На основании моих розысков я пришел к убеждению, что принц еще жив.

— Можно узнать, почему вы так думаете? — спросила маркиза.

— К сожалению, я еще не могу сообщить ничего определенного. Притом же мне доставит удовольствие поразить вас, также знавшую пропавшего принца, приятной неожиданностью. Могу сказать вам лишь одно: меня навела на верный след одна старая гадалка.

Самозваная маркиза вздрогнула.

— Старая гадалка? — прерывающимся голосом повторила она. — Быть может, та самая, к которой постоянно ходил принц Шунги? Мне говорил о ней лорд Роберт, — пояснила она.

— Та самая. Она живет на Васильевском острове и хорошо известна в лучшем обществе.

— Какая же причина могла заставить индийского принца скрыться так неожиданно? — спросила мнимая маркиза.

— Он исчез вовсе не добровольно, — возразил сыщик резким голосом, — его заставили исчезнуть, так сказать, изъязв из обращения.

— Возможно ли это? Подумайте сами: разве мыслимо похитить сильного молодого человека? Ваше предположение фантастично.

Шерлок Холмс странно засмеялся.

— Представьте себе, что принц увлекся красивой женщиной, обаянию которой противиться невозможно. Я легко могу поставить себя на его место. Женская красота так же производит на меня потрясающее впечатление. Вам, маркиза, я могу сознаться в своей слабости, потому что уверен, что не злоупотребите моей откровенностью. Насколько тверд и решителен я по отношению к мужчинам, настолько же слаб и податлив с представительницами прекрасного пола.

Судя о других по себе, я полагаю, что и принц Шунги подпал под влияние красивой, энергичной женщины.

Мнимая маркиза, по-видимому, обдумывала слова Шерлока Холмса. В ее уме назревало смутное решение. Взволнованная грудь вздымалась тяжело и нервно.

— Коли это правда, — произнесла она наконец, пристально устремляя свой взор в глаза сыщика, — я, пожалуй, соблазнюсь проверить на деле, так ли вы восприимчивы!

Шерлок Холмс поднял свои руки, как бы защищаясь.

— Прошу пощады, — воскликнул он, смеясь, — смилуйтесь, прекрасная маркиза, умоляю вас не подвергать меня никакому испытанию. Если вам вздумается, вы превратите меня в раба, беспрекословно выполняющего ваши повеления: я должен признаться, что и теперь ваши чудные глаза приковывают меня с волшебной силой.

Шерлок Холмс, по-видимому, тщетно старался сбросить с себя очарование пламенных глаз маркизы.

— Как странно, — внезапно воскликнул лорд Роберт, бывший до тех пор безмолвным слушателем бойкого диалога, — наша маркиза форменно магнетизирует вас!

Шерлок Холмс при этих словах точно проснулся. Он явно утратил сознание действительности, когда взоры мнимой маркизы погрузились в его восхищенные глаза.

Красавица поднялась с места и провела рукой по лбу, как бы вспомнив что-то.

— Ах, — воскликнула она, — я совсем позабыла, что граф Рене д'Аврикур ждет у себя на квартире моего ответа по одному делу. Дорогой Роберт, — обратилась она к юному лорду, — окажите мне большую услугу, отвезите к нему эту записку! Простите, что я затрудняю вас, но я не могу доверить этого дела посыльному. А свою единственную служанку я не могу послать: она мне необходима.

Молодой человек с крайним неудовольствием смотрел на изящный конверт.

— Но граф, если я не ошибаюсь, — возразил он, — живет у Египетского моста. Едва ли я успею сегодня вернуться к вам.

— Что за беда, мой милый? В виде награды, я приму вас завтра вечером наедине и обещаю терпеливо выслушивать

все ваши жалобы и признания.

— Ах, маркиза, — вздохнул молодой лорд, собираясь откланяться, — если бы вы, в самом деле, наконец, выслушали меня! Я все опасаясь, что граф уже оставил меня за флагом.

— Не ревнуйте, мой друг, — улыбнулась красавица, — вы знаете, что я не отдаю предпочтения никому из моих поклонников.

Когда молодой лорд ушел, мнимая маркиза оставила Шерлока Холмса на несколько минут одного в гостиной.

— Я сейчас вернусь, — извинилась она перед гостем, — мне надо сделать несколько распоряжений.

Сыщик посмотреть ей вслед задумчивым взором.

«Ручаюсь чем угодно, что она попадет в мою ловушку, — подумал он. — Если бы она хладнокровно всмотрелась в меня, у нее непременно возникли бы подозрения. Но опасение, что я нападу на следы индийца и лишу ее любви обожаемого Рене, ослепило ее. Она махнула рукой на все предосторожности.

Вскоре молодая красавица вернулась; она успела переодеться в роскошный вечерний туалет, соблазнительно обрисовывавший ее роскошные формы. Все ее существо дышало изнеженной женственностью: всякий мужчина, не обладающий сдержанностью и твердостью воли Шерлока Холмса, неминуемо попал бы под очарование опытной соблазнительницы.

— Теперь, — сказала она, садясь против сыщика, — мы совершенно одни. Я отослала мою девушку, так что никто не потревожит нас.

— Прекрасная маркиза, — возразил Шерлок Холмс, — вам не следовало бы подвергать меня, слабого смертного, такому искушению: я ни на мгновение не оспаривал, что ваша красота неотразима.

— Внушаю ли я вам чувство симпатии? — спросила молодая женщина вполголоса. — Если да, то смотрите пристально в мои глаза и старайтесь не шевелиться.

Шерлок Холмс долго всматривался в темные глаза красавицы, сделавшиеся неподвижными; он принужден был

напрячь всю свою силу воли, чтобы не прийти в изнеможение. Чем более всматривался он в блестящие зрачки, чем более заволакивалось перед ним туманом все остальное лицо молодой женщины. Но такой упадок сил длился лишь несколько секунд.

— Смотрите и вы на меня, — тихо шептал он, — думайте о том, что перед вами преданный друг, который вас искренне любит. Старайтесь заглянуть в самую глубь его души. Вот, так! Хорошо. Ах, как упоителен, как нежен ваш сладостный взор! Какая отрадная нега разливается по телу! Теплая волна вздымает, убаюкивает вас. Душа просит забытья, утопает в бесконечном блаженстве покоя... Вы очень утомлены, вам надо уснуть! Вы должны спать долго и крепко, потому что будете чувствовать себя все более усталой. Ваши глаза смыкаются. Спите! Откиньтесь удобнее на спинку кресла. Спите! Спите! Крепче! Здесь, около вас, — Рене!

Голос сыщика все более замирал, а серые, со стальным отливом глаза, почти не мигая ресницами, с непреодолимой силой впивались в зрачки мнимой маркизы; во всем ее существовании происходило, вместе с тем, необычайное превращение.

Глаза ее становились все более тусклыми; они как бы застыли.

Он продолжал делать ей внушения своим вкрадчивым, монотонным голосом; затем поднял руки и начал производить перед ее лицом магнетические пассы. Вся энергия загадочной женщины исчезла.

— Она в моей власти, — подумал сыщик, — я победил ее собственным оружием, — тем самым оружием, которым она превратила в игрушку своей злой воли несчастного принца Шунги. Теперь остается довершить начатое дело.

— Возлюбленная моя, — произнес он тихо, — слышишь ли ты меня? Я твой Рене!

— Да, — с трудом произнесла она костенеющими губами, — я слышу тебя, милый.

— Куда спрятала ты тайные документы, которые отобрала у принца Шунги?

— Я спрятала их в моей спальне.

— Ты должна свести меня туда и отдать мне эти бумаги; ты знаешь, что наше счастье зависит от этого.

— Да, я передам их тебе.

Шерлок Холмс осторожно взял заснувшую за руку. Она, не раскрывая глаз, поднялась с кресла и уверенными шагами прошла через комнату.

Не колеблясь ни мгновения, мнимая маркиза открыла одну из находившихся в коридоре дверей. За ней оказалась роскошная, с изысканным вкусом убранная спальня.

Усыпленная красавица, по-прежнему не раскрывая глаз, подошла к своей кровати, откатила изголовье от стены и нажала скрытую под обоями пружину. Послышался легкий треск, распахнулась небольшая, всего в квадратный фут, дверца потайного ящика. Мнимая маркиза вынула из него длинный сверток и послушно вручила сыщику.

Несмотря на все самообладание Шерлока Холмса, сердце его усиленно забилося, когда он увидел в своих руках документы, которые угрожали такой огромной опасностью послу и Англии. Дрожащими от волнения руками он спрятал у себя на груди драгоценные бумаги.

«Слава Богу, — подумал он, — самое трудное уже выполнено!»

«Надо еще раз испытать мою власть над ней», — решил Шерлок Холмс и, отпустив руку молодой женщины, повторил над ее лицом магнетические пассы.

— Видишь ли ты меня? — вдруг спросил он. — Я — твой Рене!

— Я вижу тебя, мой Рене! — тихо прошептала она.

— Сведи меня в то помещение, куда ты спрятала принца Шунги.

Не колеблясь ни мгновения, она вышла из спальни в коридор, в противоположном конце которого остановилась перед дверью.

До слуха Шерлока Холмса донесся странный шум, точно от работы железными инструментами.

Не очнувшись от гипнотического усыпления авантюриста вынула ключ из-за обивки двери и открыла замок.

Сыщику показалось, что перед ним распахнулась дверь слесарной мастерской. Посередине небольшой комнаты стоял стол, к которому были прикреплены тиски с винтом. Работавший за ними человек, казалось, не обращал никакого внимания на вошедших.

Его темное, смуглое лицо обросло черной, густой бородой.

«Это, несомненно, принц Шунги, — радостно подумал Шерлок Холмс, — злоумышленница, очевидно, воспользовалась своей магнетической силой и внушила несчастному, что он преступник».

— Скажи ему, чтобы он последовал за нами, — приказал он своей спутнице.

— Пойдем со мной, — сказала она индусу, который тотчас же присоединился к ним.

Шерлок Холмс снова взял за руку молодую женщину и повел в салон. Здесь он усадил как мнимую маркизу, так и индийца.

— Евдокия Пискарева, — громко воскликнул сыщик, сделав движение рукой снизу вверх по направлению к ее лицу, — проснись!

Молодая красавица тотчас же открыла глаза и равнодушно посмотрела на Шерлока Холмса.

— О чем говорили мы, мистер Бергон? — спокойным тоном спросила она.

— Об индийском принце Шунги, которого вы преступно погрузили в гипнотический сон и заставили служить своим честолюбивым замыслам.

— Что? Как осмеливаетесь вы...

— Евдокия Ивановна Пискарева, жена вора Андрея Пискарева, урожденная Трынкина, ваша игра кончена. Посмотрите в эту сторону!

Пораженная авантюристка невольно посмотрела в указанную сторону. Она хотела встать, чтобы поговорить с индийцем, но Шерлок Холмс насильно усадил ее обратно в кресло.

— Ни слова, не то я позову полицию, — произнес он угрожающим голосом, — вы, вероятно, не забыли, что ваш пор-

трет украшает в сыском отделении альбом преступниц?

— Все пропало, — простонала молодая женщина, — я погибла!

— Документы, которые вы отняли у принца, в моих руках! Я задам вам несколько вопросов, от ответов на которые зависит, передам ли я ваше дело на усмотрение судебных властей, или...

— О, нет, не делайте этого! Все, что хотите, только не это!..

— Хорошо, слушайте же. Внушили ли вы принцу, что он преступник?

— Да, — созналась разоблаченная обманщица.

— Откуда он добыл тайные документы?

— Под влиянием моего внушения он пробрался в свою квартиру и украл их оттуда.

— Вы узнали о секретных дипломатических переговорах от молодого лорда Роберта?

— Да, но он и не подозревал, что я способна злоупотреблять его доверием. Умоляю вас, пощадите его!

— Вы посылали принца вторично выкрасть у самого себя кредитные билеты и драгоценные вещи?

— Да, — я страшно нуждалась в средствах, потому что мой муж постоянно вымогает у меня деньги.

— Это все, что я хотел узнать от вас. Обещаю вам, что английский посол предаст дело забвению и не будет жаловаться на вас, — но для этого вы должны еще освободить от гипноза принца Шунги.

Колеблющимися шагами молодая женщина подошла к индийцу, который стал смотреть ей в глаза, как хорошо выдрессированная собака.

— Принц Шунги, проснитесь! — произнесла она, делая руками те же обратные пассы, которыми за несколько минут до того разбудил ее сыщик.

— Где я, что со мной? — заговорил индеец, как бы пробуждаясь от долгого сна.

— Успокойтесь, — ободрил его Шерлок Холмс, — я отвезу вас к вашему послу, лорду Спенсеру.

— Я все еще не понимаю... — бормотал принц Шунги.

— Прощайте, — сказала вдруг молодая красавица, точно очнувшись от обморока, и решительными шагами направилась в другую сторону комнаты.

— Что хотите вы сделать? — спросил Шерлок Холмс. — Теперь мой служебный долг выполнен, я охотно помогу вам.

— Теперь вы предлагаете мне свою помощь? После того, как вы разорили меня, отняли человека, которого я люблю безумно, уничтожили плоды стараний навсегда упрочиться в тех кругах общества, к которым я чувствую непреодолимое влечение? Я должна снова погрузиться в грязь, из которой выбралась с нечеловеческими усилиями, снова продавать свое тело для мошенника, который называет себя моим мужем. Нет, — воскликнула она, — лучше умереть!

Шерлок Холмс вскрикнул от изумления и стремглав бросился к недавней сопернице. Он опоздал... Молодая женщина вскочила на стул, оттуда на подоконник. Окно, к несчастью, не было закрыто... Послышался глухой стук падения... Все было кончено: мнимой маркизы Сенца ди Борго не стало.

Принц Шунги, спустя несколько недель, вышел в отставку. Молодой лорд Роберт возвратился в Англию; он заканчивает курс в Оксфордском университете и готовится к карьере дипломата.

Шерлок Холмс отказался от ордена, который ему предложили на память о пребывании в Петербурге: он сохранил лишь подаренную ему принцем Шунги булавку, — ту самую, из-за которой Гарри Таксон познакомился с порядками петербургской сыскной полиции.

Аноним

ШЕРЛОК ХОЛМС В МОСКВЕ

Шерлок Холмс в Москве

Предлагаемая рукопись поступила в распоряжение редакции при несколько загадочных условиях:

14-го марта получена нами отправленная из Москвы (13-го марта, в 2 ч. дня) телеграмма следующего содержания:

«Шерлок Холмс в Москве. Посылаю заказным повествование об его московских приключениях. Ставлю условием напечатать в ближайшем номере “Огонька”».

Телеграмма без подписи.

Через день редакцией, действительно, получена в закрытом пакете рукопись, отпечатанная на пишущей машине, — и опять без обозначения фамилии автора.

Редакция приглашает анонимного автора снять маску.

I

своей официальной истории подвигов Шерлока Холмса доктор Ватсон совершенно умалчивает о некоторых делах, связанных преимущественно с периодом пребывания Шерлока в России.

Мы говорим не о громких делах, как например исчезновение семьи С., или пропажа фамильных бриллиантов баронессы К., по которым он и был приглашен, а о двух-трех мелких, оставшихся потомству неизвестными только потому, что Шерлок оказался в них не вполне на высоте положения.

Мы полагаем, что, умышленно умалчивая об этом из чувства национальной гордости, Ватсон делает ошибку.

Прوماхи великого человека так же поучительны, как и его подвиги, и не умаляют его славы.

Наша цель – пополнить этот пробел.

В Москву, как известно, Шерлок Холмс попал в конце августа 19** года, по приглашению мучника-миллионера И-ова. Это скандальное дело, о котором москвичи в свое время говорили не иначе, как с улыбкой, благополучно закончилось почти без участия Шерлока.

Маленькая кафе-шантанная певичка, исчезновение которой подняло всю полицию на ноги, была найдена в одном из грязнейших притонов близ Сухаревки, живой и совершенно невредимой, но пьяной до бесчувствия.

Люди посмеялись и стали забывать.

Шерлок Холмс собирался покинуть Москву.

Вот в это-то время, когда он так томился своим вынужденным бездействием, подвернулось дело, которое возбудило впоследствии столько самых разноречивых толков в обществе.

Однажды в ясный сентябрьский день Шерлок Холмс, смотревший из окна гостиницы «Метрополь» на Театральную площадь, услышал стук в дверь. Шерлок Холмс быстро принял позу беззаботного денди, позу, которая так к нему шла.

— Войдите!

Вошедший был высокий, худой, мешковатый человек с болезненным лицом и тусклыми, усталыми глазами.

Очевидно, он сейчас же узнал знаменитого сыщика, ибо, сделав общий, немножко старомодный поклон, он вторично поклонился Шерлоку и сказал с изысканной, тоже немножко старомодной вежливостью:

— Если не ошибаюсь, сэр...

Шерлок встал.

— Да, я — Шерлок Холмс!

И вскользь бросил на незнакомца один из своих быстрых, но пронзительных взглядов, от которых никогда еще не ускользала ни одна мелочь.

II

Шерлок Холмс и вместе с ним приехавший неотлучный его друг доктор Ватсон прослушали рассказ незнакомца.

— Моя фамилия Псищев, и по профессии я — сыщик. История, которую я буду иметь честь вам рассказать — история, господа, не совсем обыкновенная, и я попрошу у вас особого внимания... Господа, может быть, вам неизвестно, что профессия, подобная моей, никогда еще не создавала друзей. И я не исключение. Два раза меня пытались убить и, как видите, безуспешно. Один раз меня затащили уже в пустой дом, но не успели повесить только потому, что там скрывались мои помощники. Могу сказать, что я обделал тогда это дело довольно чисто. Четверо молодцов, которые жаждали моей смерти, были-таки расстреляны, но это не избавило меня от преследования. Шайка, к которой они принадлежали и членов которой я знал наперечет — разбойничья шайка анархистов-экспроприаторов — еще с большим ожесточением и упорством принялась меня ловить. Нужно вам сказать, что во главе этой шайки стоял человек, который имел со мной личные счеты, по его мнению, достаточно большие, чтобы не упускать меня из виду. Помимо ненависти, которую он чувствовал ко мне, как зверь к своему ловцу, он ненавидел меня еще за смерть брата, в которой считал меня повинным. И, скажу прямо, я был повинен в ней, в этой смерти! Как видите, господа, я от вас ничего не скрываю. Я это делаю для того, чтобы ни одна нить не могла от вас ускользнуть. Ибо я сказал себе, как только услышал про то, что вы здесь: «Вот люди, Псищев, которые должны все знать, до последних мелочей, все, и они тебе помогут!» Прав ли я, господа?

— О, yes, — сказал Шерлок, не спуская с него глаз. Продолжайте ваш рассказ!

Псищев продолжал.

III

— Господа! — Голос его как бы окреп вдруг, и он первый раз взглянул прямо на своих собеседников. — Господа! Четыре недели тому назад я получил маленькую бумажку, маленькую несчастную бумажку, насчет характера которой я <не> мог ошибиться. Перекрещивающиеся берцовые кости наверху, а внизу всего несколько слов. Несколько слов всего, и бумажка не стоит ни гроша, но, господа, за свою долгую жизнь я не знал ни одного случая, чтобы человек, получивший такую бумажку, выжил дольше обозначенного там срока. Такая бумажка — это значит, что маленькая кучка людей отказалась от родных и близких, от личных интересов, от жизни, и пойдет на все; для нее не будет ни замков, ни стен, она проникнет сквозь железо, пройдет через огонь и воду, будет смеяться над опасностью и над самой смертью, но добьется своего. Маленькая кучка людей без имени и положения, маленькая кучка презренных бродяг, отщепенцев, проходимцев — подписали мне смертный приговор, и я знал, что спасенья нет. Я знал это так же верно, как знаю то, что я сейчас гляжу на вас... Господа, я получил эту бумажку и просидел над нею час, три, может быть, целый день, не помню — сколько. Я глядел на буквы, не отрывая глаз и не двигаясь. На меня нашел столбняк... Я знаю, господа, что значит опасность, я умею смотреть ей в глаза; мне случалось висеть на волоске от смерти, но не помню, чтоб меня охватывал такой ужас. Видеть смерть лицом к лицу, но знать, что есть один, хотя бы один шанс против тысячи за то, что вы спасетесь — ничто. В решительных людях это пробуждает отчаянность, отвагу, желание борьбы... Но знать, что смерть неотвратима, знать, что вы можете переплыть океан, бежать в прерии, в сильвасы, к черту

на кулички, и все-таки она, невидимая, будет где-то около вас, ждать ее и не знать откуда, вот от этого рока, от этой неотвратимости, от чего не спасают ни люди, ни Бог — седеешь в один час, сходишь с ума, цепенеют руки, ноги, воля, энергия, человек делается живым мертвецом. Господа, меня поцеловала тогда смерть. И я говорю вам: сто лет буду жить — сто лет буду помнить эту минуту.

IV

Псищев перевел дыхание.

Не отрывая глаз от его лица, Шерлок Холмс быстро спросил:

— Надеюсь, вы не уничтожили записку?

— Нет, она у меня с собою.

— Дайте ее сюда.

Шерлок Холмс пробежал записку глазами и потом прочел вслух:

— «Через месяц (день в день) с тобой будут сведены счёты. Готовься к смерти, собака, и поищи священника, который согласился бы отпустить тебе грехи». Записка помечена 17-м августа. А какое сегодня число?

— 14-е сентября.

— Значит, осталось три дня?

— Точно так, сэр.

Шерлок Холмс что-то пробормотал про себя и, нахмурившись, углубился в изучение почерка. Прошло, вероятно, не менее четверти часа, прежде чем он вернул записку Псищеву. Его прояснившееся лицо говорило за то, что он утомлял глаза даром. Так, действительно, и было.

— Если графология что-нибудь значит в нашем деле, — сказал он, задумчиво улыбаясь, — то, кажется, я составил себе маленькое понятие о человеке, который писал это. Будьте добры, господин Псищев, опишите мне подробно наружность главаря шайки.

— Хорошо, сэр.

Глядя куда-то в сторону, Псищев сильно прищурился, очевидно, стараясь мысленно нарисовать себе портрет.

— Это блондин... очень светлый блондин... рост его... да... он, пожалуй, выше среднего... да, я думаю так, что выше... У него резкие черты лица, прямой нос, лоб очень крутой и синие глаза... довольно смелые, сказать правду.

Грудь немножко впалая, зато плечи очень широки... Чуть-чуть прихрамывает на левую ногу... Кажется, все... Нет, сэр... Чуть не забыл. На правой щеке, ниже глаза, у него родимое пятно, величиной с горошину.

V

Шерлок Холмс кивнул головой и сказал:

— Скажите мне теперь, господин Псищев, не приходило ли вам в голову, что эту записку мог написать именно этот смелый молодой человек, удачное описание которого вы только что сделали?

— Я именно так про это и решил сразу. Это написал не кто иной, как он сам. Можете не сомневаться, я его руку хорошо знаю.

— Превосходно... Теперь другой вопрос: после того, как вы оправились от потрясения, вы внимательно осмотрели свою квартиру?

— Точно так, сэр. Я осматриваю ее всегда.

— Замки на дверях были целы?

— Точно так.

— Задвижки на окнах?

— На местах, сэр.

— Может быть, вы скажете, что получили эту записку по почте?

— Нет, сэр! Надо полагать, что если уж посылают такие вещи, — хотят быть совершенно уверенными в том, что они попадают по назначению. Тут ведь вся штука в том, чтобы прежде, чем убить человека, хорошенько его помучить.

— Вы правы! В таком случае, не думаете ли вы, что человек, который доставил эту записку, мог пробраться к вам по трубе?

— По совести, сэр, — нет! Думаю, что не таким манером.

— Ваша квартира в нижнем этаже?

— Точно так.

— Что вы скажете тогда относительно маленькой разборки пола и легкого подкопа?

— Нет, сэр, не подходит.

— Через оконную или дверную щель?

— Нет, нет!

— Каким же тогда образом вы могли ее получить?

— О сэр, если бы вы меня прямо спросили, — я бы давно вам ответил. С вашего позволения, сэр, я получил эту записку от того человека из рук в руки.

— От этого человека из рук в руки? — медленно переспросил Шерлок Холмс, делая большие глаза.

— Точно так, сэр.

— Ну, так почему же вы его не задержали?

Псищев усмехнулся.

— Не годилось. Нельзя задерживать человека так, без всякого повода. Помимо того, сэр, они, эти люди, умеют хорошо устраивать такие дела. Меня встретили лицом к лицу в пустынном переулке, и тот человек был вооружен с головы до ног. У него, сэр, были большие преимущества.

— В таком случае, не понимаю, почему он там сразу не покончил с вами!

— Я сам об этом думал, сэр. И пришел к той мысли, что тут все дело в психологии. Им прежде нужно замучить меня. Я так именно и решил, что если бы я был, скажем, зарезан, — это бы их не удовлетворило. Не иначе, сэр!

Наступило непродолжительное молчание. Шерлок Холмс сидел с нахмуренным лицом. Видно было, что голова его отчаянно работала.

— Ватсон, — сказал он вдруг, подымаясь и потирая рукою лоб, — займите чем-нибудь этого человека. Я пойду в следующую комнату и сыграю на скрипке мазурку Венявского.

Лишь только дверь за Шерлоком закрылась, Псищев наклонился к Ватсону и с угрюмо-довольным лицом прошептал, указывая одной рукой на дверь, а другой на свою голову:

— О, сэр, я думаю, что у него здесь много... Я хочу сказать, сэр, что у вашего друга хорошая голова на плечах. Это видно!

Шерлок Холмс играл недолго. Слышно было, как он все сильнее и сильнее рвал смычком струны. Звуки неслись, как бешеные, и вдруг на резкой ноте все оборвалось.

— Ну-с, господин Псищев, — сказал он, появляясь в дверях, — потолкуем теперь с вами еще немного.

— Слушаюсь, сэр.

— Скажите мне, можете ли вы указать, какую часть города этот человек особенно часто посещал?.. Ну где, например, он чаще всего скрывался?.. Разумеется, его теперь там нет... Но по следам мы, вероятно, получим некоторое понятие о том, где он может теперь скрываться.

— Я знаю, где этот человек находится в настоящую минуту.

— В настоящую минуту? И вы не ошибаетесь?

— Никак нет, сэр.

— Так почему же вы молчали до сих пор? В таком случае...

И, весь преображенный, Шерлок Холмс схватил свою шляпу.

— О, сэр, — Псищев не тронулся с места, — я боюсь, что это будет лишнее. Этот человек не убежит, сэр, говорю вам это наверняка.

Острым взглядом Шерлок Холмс вонзился в Псищева.

— Потому что он мертв, сэр, совершенно мертв и никуда не годится: он лежит на Ваганьковском кладбище. В этом я могу вам поклясться.

Нужно отдать справедливость великому Шерлоку: он мастерски владел собою. Ни одного движения. Только молния вспыхнула и погасла в его глазах.

— В таком случае, — тихо произнес он, — вы боитесь мести остальных членов шайки. Правильно я вас понимаю?

— Нет, сэр. Не могу сказать, чтобы я и этого боялся... — И, опустив голову, Псищев произнес с видом сожаления: — Боюсь, вообще, сэр, что вы немного на ложной дороге!

Шерлок бросил шляпу на стол и сказал довольно резко:

— Прошу вас, господин Псищев, объяснитесь.

VII

— Видите ли, господа, — начал Псищев, немного смущенно подымая на слушателей глаза, — эти мелкие недоразумения происходят оттого, что меня перебили. С вашего позволения, моя история еще не совсем закончена и, если у вас хватит терпения, я ее доскажу. Я уверен, многое станет тогда для вас яснее... Господа, как я говорил уже, об участии, которую мне готовят, я узнал впервые четыре недели тому назад. Решение мне тогда было передано на бумаге из рук в руки. Но я с трудом могу себе объяснить, почему в следующие две недели я еще несколько раз находил у себя на столе такие же точно записки. Все они были писаны одной и той же знакомой мне рукой и заключали одни и те же слова, — ни словом больше, ни словом меньше. Я находил записки в одно и то же время утром после того, как вставал с постели, и на одном и том же месте, на круглом столе приемной. Каждый день перед тем, как ложиться, я осматривал все двери, окна, все закоулки, все щели — и все-таки я находил их на том же столе, и все оставалось кругом нетронутым. Два раза я пробовал совсем не ложиться. Я усаживался около того стола с револьвером в руках и ждал. Проходили длинные ночные часы — я сидел. Тело ныло и валилось от смертельной усталости, веки делались тяжелыми, как свинец — я не подымался. Тут же, на какой-

нибудь час-два, я забывался тревожным сном... Господа! Это не принесло никакой пользы и ничего не разъяснило. Один раз я ничего не нашел, во второй я нашел записку на том же месте. За какие-нибудь два часа кто-то успел ко мне проникнуть, сделать свое неслышное и страшное дело и бесследно, совершенно бесследно, исчезнуть... О, о н и это хорошо придумали! Тут было от чего с ума сойти...

— Одна минута, — тихо перебил Шерлок Холмс, слушавший очень внимательно. — Вы говорите только о двух неделях после 17-го августа. Только о двух. Должен ли я вынести такое заключение, что по истечении этих двух недель тот человек и умер, как вы говорили?

— Совершенно правильно, сэр, — медленно сказал Псищев. — Спустя две недели человек тот умер.

— Хорошо. Но не значит ли это, что и его посещения вместе с тем прекратились?

Псищев изменился в лице и пристально посмотрел куда-то в сторону.

— С вашего позволения, сэр, — задумчиво протянул он, — я сначала доскажу, чтобы опять не вышло досадной путаницы... А потом уже ваша милость будет предлагать вопросы.

VIII

После некоторого молчания Псищев продолжал:

— Недели две тому назад, т.е. во время вашего пребывания в Москве и, значит, на вашей памяти, случилось дело, о котором в тот же день узнали все города Европы. Я говорю о знаменитом покушении на Н-ский банк. Днем на шумной улице, кишасей народом, около двух полицейских постов, шайка молодых людей произвела открытое нападение на банк. Оттого ли, что сигнализация не была своевременно испорчена, или служащие ввиду участвовавших за последнее время экспроприаций держались наготове, но шайка была вся захвачена на месте. Сторожа и подоспевшая

полиция, несмотря на отчаянное сопротивление и пальбу из револьверов, отлично справились со своим делом и даже не потерпели урона. Всего-навсего с их стороны были ранены два сторожа и один городской, да и то не тяжело. Из нападавших же трое были убиты наповал, двое сами покончили с собой, остальные были задержаны. Через день был суд, а через два — от шайки не осталось в живых ни одного человека. Я был в числе тех, которые опознавали преступников, убитых и живых. Не стану томить вас, господа, это была моя шайка. Это он лежал передо мною с пробитым виском, это был его лоб, такой крутой и чистый, это его глаза, теперь уже мертвые, смотрели на меня... Господа! Жизнь дала мне мало радостей, но из тех, что она дала, я не могу припомнить ни одной, которая могла бы сравниться с чувством огромного бешеного счастья в ту минуту, когда я увидел его мертвым... Его и его товарищей... Я вздохнул всей грудью, свободно, широко, со страшным облегчением. Поймите, господа, две недели я жил среди непрерывного ужаса, в две недели у меня прибавилось больше седых волос, чем за целый десяток лет. Кажется, это была первая ночь, единственная за всю мою жизнь, когда я заснул так же безмятежно, как ребенок.

Псищев сделал маленькую паузу, потом большими, пристальными глазами посмотрел на своих слушателей.

— Господа! — прошептал он, придвинувшись к ним. — Это ни к чему не привело, ни к чему! Они были мертвы, как камни, я их видел лицом к лицу, так же, как и вас. И это ни к чему не привело! Вы меня понимаете?... На другое же утро на столе я увидел страшную бумагу. Вы можете смеяться надо мной, можете считать меня сумасшедшим... но это была его рука, его, его...

Псищев тяжело перевел дыхание.

— С тех пор я находил их у себя еще несколько раз: я нашел ее сегодня... Осталось всего три дня... Я не знаю, кто меня преследует, дух или живой человек... Я перестал доискиваться, перестал принимать меры, перестал думать... Все равно ничего не выйдет... И устал я, страшно устал, господа! Я решил обратиться к вам. Помогите мне!

Так Псищев закончил свой рассказ.
Наступило продолжительное молчание.

IX

Шерлок Холмс сидел, задумавшись. Он барабанил пальцами по столу, и видно было, что в его голове еще определялось что-то, но не вполне определилось.

— Во всяком случае, — сказал он вдруг, подымая глаза, — я не могу допустить, чтобы мы, действительно, имели дело здесь с какими-нибудь сверхъестественными силами. За время моей практики — мне, признаться, не случалось с такими вещами встречаться. Духи вообще редко вмешиваются в дела людей. Скажите, господин Псищев, нельзя ли предположить, что тот человек, пускаясь в очень опасное предприятие, которое легко могло повлечь за собою смерть, мог приготовить известное число записок и поручить все дело своему приятелю-единомышленнику?

— Я уже думал об этом, сэр. Быть может... но, по правде сказать, не могу этого допустить. Не могу потому, что, во-первых, все его единомышленники участвовали вместе с ним в предприятии, и все потерпели одну участь. Близких же, таких близких, которые решились бы, рискуя своей жизнью, мстить за него, так сказать, по завещанию — у него совсем не было. Это был одинокий, совершенно одинокий человек. Во-вторых, и это главное... Даже предположив, что такой человек нашелся, — я не могу допустить, решительно не могу допустить, господа, чтобы нашелся такой второй, который был бы в состоянии с таким же искусством, так же неслышно и невидимо, и так же не оставляя никаких следов — выкидывать подобные вещи. Нет, если это дело рук человека, — то одного человека!

— Да, — пробормотал Шерлок Холмс, хмурясь, — мы это исследуем! Меня очень интригует путь, который о н и выбрали. Согласиться с вами в том, что они не оставляют н и к а к и х следов — я не могу. Очевидно, вы их не так и, мо-

жет, не там ищите. Люди обыкновенно ходят по земле, по полу, и земля, и пол что-нибудь да отпечатлевают. Это, может быть, ничтожный след, но все-таки след. А имея в руках какую-нибудь нить — не так уж трудно идти дальше... Скажите, вы сохранили все записки?

— Все до одной, сэр!

— А ну, давайте их сюда!

Псищев вытащил целую пачку бумажек и положил на стол. Долго Шерлок Холмс перебирал их в руках, вглядывался, сличал, смотрел на них в лупу.

— Да, — сказал он наконец, задумчиво, — это писал один человек... Интересно, Ватсон, что на всех клочках в нижней стороне левого угла даже сохранился отпечаток одного и того же пальца с бороздкой от ногтя...

— О, сэр, — поспешил заметить Псищев, очевидно, боясь, чтобы следствие опять не пошло по ложному пути, — не извольте обращать на это внимания. С вашего позволения, сэр, это — след от моего пальца. Я всегда беру бумагу за одно и то же место и одними и теми же пальцами.

Шерлок Холмс посмотрел внимательно и ничего не ответил.

— Вот что, господин Псищев, — сказал он через некоторое время, придя, вероятно, к какому-то решению, — вы пойдите к себе домой. Конечно, вы постараетесь выйти отсюда незаметно. К сожалению, меня здесь знают, и нет ничего невероятного в том, что за вами следят. Я вас проведу черным ходом. Двор «Метрополя», кстати, проходной, и вы можете выйти прямо на Никольскую. А мы вас навестим. Вероятно, сегодня же вечером. Думаю, вас незачем предупреждать, что мы придем не так уж открыто. Маленький маскарад не должен вас изумить.

— Понимаю, сэр, благодарю вас.

— Ну, значит, можете пока идти.

Псищев ушел.

Оставшись одни, Шерлок Холмс и Ватсон некоторое время молчали.

Потом Шерлок сказал, покачав головой:

— Ватсон, мне что-то не нравится это дело!

На что Ватсон ответил:

— Да, Шерлок, этот малый, кажется, порядочная бестия!

Х

Были уже сумерки, когда Шерлок Холмс и Ватсон, оба заgrimированные в мелких третьегильдейских купцов, отправились в дорогу.

Псищев жил в районе около Трубной площади, в одном из старых, неказистых на вид, но обширных домов, население которых нередко превосходит население небольшого провинциального городка. В этих домах с двумя-тремя дворами, выходящими на разные улицы, всегда кишмя кишит народ. Жизнь здесь бьет ключом, и характер оживленной, движущейся и вечно галдящей толпы усиливается еще тем, что тут же, во дворах, помещаются трактиры, чайные, лавки старьевщиков, переносные лари.

Шерлок Холмс и Ватсон довольно скоро нашли квартиру Псищева. Она помещалась в небольшом двухэтажном деревянном флигельке, стоявшем почти особняком в глубине двора.

Шерлок Холмс прошелся по фасаду, потом внимательно осмотрел флигель со всех сторон. Этот наружный осмотр продолжался недолго. Были осмотрены крыша, выступы; по привычке, Шерлок Холмс сосчитал окна. Их было четырнадцать во всем флигеле: семь — сверху, семь — внизу; все они находились на стороне, обращенной к воротам. Задняя стена была слепая, вход один. Четыре окна Псищева помещались внизу, налево от входа, и снаружи закрывались ставнями.

Удовольствовавшись пока этим осмотром, Шерлок Холмс и Ватсон пошли дальше по двору, смешиваясь по дороге с толпой.

Шерлок с любопытством вглядывался во встречавшиеся лица, очевидно, изучая новые для него русские типы. Но мало-помалу лицо его стало выражать нечто вроде досады

и разочарования.

— Знаете, Ватсон, — сказал он, — я пришел к убеждению, что бродяги интернациональны. Что в Лондоне, что в Москве — они одни и те же. Посмотрите, например, на этого молодца и скажите, какая разница между ним и первым разбойником с какой-нибудь Брикстонской дороги? Это — родные братья!

Шерлок говорил о типичном представителе Хитрова рынка, медленно приближавшемся к ним, пошатываясь из стороны в сторону, словно бы его качало сильным ветром. Это был здоровенный, рослый парень с рябым, безволосым лицом, в таких отрешках, что сквозило голое тело, в лихо заломленном картузе с полуоторванным козырьком и в опор-

ках на босу ногу. Поравнявшись с Шерлоком, он вдруг пьяно улынулся во весь рот и сдернул с головы картуз.

— Почет и уважение именитым иностранцам! — сказал он, подмигивая одним глазом. — Желаю счастливой охоты, — и, прежде чем пораженный Шерлок Холмс мог ему что-нибудь ответить, побрел, пошатываясь, дальше.

— Вот тебе раз! — пробормотал Шерлок, останавливаясь. — Я думаю, Ватсон, что этот проходимец нас великолепно знает!

— Похоже на то.

— Да, да... не может быть сомненья... Но вот... объясните, ради Бога, зачем он нас остановил? Вот этот фортель мне еще не ясен.

Шерлок стал что-то насвистывать, что у него всегда служило признаком особенно напряженной работы мысли.

— Если предположить, — задумчиво сказал он через некоторое время, — что этот малый действительно, может быть, замешан в чем-то — а мне это, черт побери, начинает, наконец, сильно казаться — то по всем законам логики ему нужно бы всячески избегать нас. Так ведь?

— Я думаю, Шерлок.

— Однако, он не только этого не делает, но прямо лезет на рожон. И... — Шерлок загадочно вдруг улынулся, — и вот в этом-то и заключается особенность русской психологии. Я не удивлюсь, Ватсон, если мне скажут, что этот молодец подвергался здесь, на дворе, тысячам опасностей, прятался где-нибудь в навозной куче и только с тем, чтобы взглянуть в глаза еще страшнейшей опасности, — то есть столкнуться с нами... Да... Да... Это — особенное, специфически русское чувство. Русского неудержимо тянет к бездне... Русскому нужно заглянуть в нее, испытать это головокружение, этот холод, этот сладкий смертный ужас. Где я читал про это, Ватсон? Какой это русский писатель любил описывать такие вещи?

— Достоевский, Шерлок.

— Вот, вот... Литература всегда была моей ахиллесовой пятой... Ну, Ватсон, мы можем сказать, что сделали полезную прогулку.

Сумерки заметно сгущались. Потолкавшись еще немного, приятели пошли обратно. Теперь они шли довольно быстро, почти не обращая внимания на толпу и сутолоку. Только перед самым входом Шерлок на секунду оглянулся, чтоб убедиться в том, что за ними никто не следит. И... он поневоле приостановился и сжал Ватсону локоть.

Шагах в десяти от флигеля полубоком к ним стоял только что встретившийся им бродяга и о чем-то говорил с человеком, похожим на разносчика. На него падал свет фонаря, и его рябое лицо с глазами, затененными козырьком, было хорошо видно.

Некоторое время Шерлок Холмс и Ватсон молча наблюдали. Потом Шерлок прошептал:

— Удивительно, Ватсон! Эта каналья только что валилась с ног, а теперь он так же трезв, как я с вами.

XI

Псищев встретил своих гостей без малейшего вида изумления: очевидно, такие маскарады не были для него новинкой.

Прежде всего занялись осмотром квартиры. Она состояла из трех комнат: кабинета или приемной, спальни и темной комнаты без окон, которая вела прямо в прихожую. Все комнаты сообщались меж собой, так что в приемную — среднюю комнату — можно было попасть или из спальни, или из прихожей.

Осмотр окон, дверей и т.д. никаких результатов не дал.

Шерлок Холмс вошел в приемную и сел за тот самый круглый стол, который и служил для таинственного посетителя складочным местом записок.

— Скажите, господин Псищев, эти записки появляются обыкновенно на одном и том же месте стола, или место для вашего гостя не имеет значения?

— Почти на одном и том же, сэр. Вот здесь!

Стол стоял у окна, и от того места, на которое Псищев указывал, можно было провести прямую линию к узкой щели, где сходились обе половинки окна. Ставни — Шерлок Холмс заметил — были всюду одностворчатые и замыкались стержнем, который от наружной стены проходил через отверстие внутрь и тут перехватывался чем-то вроде болта.

Шерлок осмотрел и потрогал болт: он держался крепко.

Тогда он приступил к осмотру пола, т. е. лег, как всегда это делал и, поставив рядом с собою лампу и двигая ею во все стороны, принялся вглядываться во что-то невидимое. Потом продолжал исследование с помощью лупы. Это тянулось довольно долго.

— Неясно... — бормотал он, — да, да... совсем слабо... гм... тут теряется след... гм... гм... а вот еще... ах!

Шерлок вдруг быстро наклонился к самому полу, почти припал к нему лицом, что-то измерил сантиметром, потом осторожно, не выпуская лампы, пополз по направлению к спальне, ежеминутно останавливаясь и не переставая что-

то разглядывать в лупу, вполз в спальню, дополз до постели и встал. Глаза у него блестели.

— Ну-с, господин Псищев, — весело сказал он, — ваш таинственный гость может схватить здоровую простуду, если он в такие погоды рискует бегать босиком. Во всяком случае, можете успокоиться, — это не дух. Я только что слишком ясно видел на полу следы больших босых мужских ног, а духи — бесплотны!

Псищев стол пораженный.

— Впрочем, — быстро спохватился Шерлок, как бы вдруг озадаченный новой мыслью, — может быть, вы сами ходите так дома? Вы не последователь Кнейпа?

— О нет, сэр.

— Может быть, ваш слуга?

— У меня, сэр, приходящая женская прислуга, которая на ночь не остается. Но и ее босой я никогда не видел. Босых людей я вообще у себя не помню, сэр.

— Ну значит, милейший, э т о от вас ускользнуло! Да, да... кажется, у вас есть такая пословица: на всякого мудреца довольно простоты?

— Точно так, сэр, — пробормотал Псищев растерянно, — однако, сэр, я теперь еще меньше понимаю... Что оставить след, сэр... ведь нужно раньше пройти?

— Я думаю.

— Но мне кажется, сэр, что я обследовал это дело со всех сторон...

— Значит, не со всех сторон, — нетерпеливо перебил Шерлок. — Т е п е р ь, я думаю, вы не станете убеждать меня, что ваши записки появляются на столе сами собой... Могу вас уверить, что их приносит живой человек. И даю вам слово, г. Псищев, если о н не отказался от намерения навестить вас и сегодня, каким бы путем он ни постарался это сделать, мы его накроем. А пути его, — тут Шерлок Холмс развел руками, — я, действительно, пока не знаю. Не хочу от вас скрывать!

— И вы уверены, сэр, что вам удастся это дело?

— Уверен, господин Псищев!

— Благодарю вас, сэр, — Псищев с чувством протянул Шерлоку Холмсу руку. — Вы подаете мне надежду. Теперь я тоже думаю, что если вам уже удалось найти след, то вам, вероятно, удастся и найти человека, которому он принадлежит. Я — бедный человек, сэр, но неблагодарным меня нельзя назвать.

— Ну, — сказал Шерлок, — это пустяки... Впрочем, одну услугу вы можете мне оказать. Ради Бога, не возвращайтесь больше к вашему делу. Поговорим о другом.

И Шерлок Холмс с увлечением стал говорить о преимуществах скрипок Страдивари перед скрипками Амати.

XII

Было уже очень поздно, когда Шерлок Холмс и Ватсон тихо вышли. Псищев потушил огни. Была светлая лунная ночь, и на пустынном дворе был виден каждый угол. Все спало.

— Ну, что вы скажете, Ватсон? — тихо спросил Шерлок, скользя, как тень, вдоль задней стены флигеля. Ватсон пробирался за ним.

— По совести, Шерлок, дело это кажется мне очень темным!

— Темным?.. Черт меня побери, если тут есть для меня что-нибудь темное!

— Значит, для вас, Шерлок, дело уже ясно?

— Я не говорю — ясно! В картине, которую я себе рисую, есть еще пробелы. Но многое вне сомнения. Во-первых, это — дело рук удивительно смелого, наглого и ловкого человека. Старый плут сам слишком хитер, чтоб с ним можно было бороться обыкновенными средствами. Я себе представляю дело так: человек прокрался босиком и прежде всего направился к постели. Да, Ватсон, следы кончаются у самой постели. Я не говорил этого Псищеву, так как старик и без того умирает от страха. Следите за нитью, Ватсон... Человек остановился у постели. Он, видите ли, должен написать свою

записку тут же, в квартире. Он пишет ее тут же, Ватсон, в этом я убедился... Он пишет ее чернилами Псищева и на его бумаге... Объясняю это простой осторожностью. Дело в том, что, если бы он попался, при нем ничего бы не нашли: его стали бы судить за простое покушение на кражу. Таким образом, ему нужно время, Ватсон, ему нужно несколько спокойных минут; он должен быть уверен, что в течение такого-то и такого-то срока хозяин не пошевелится; не пошевелится даже тогда, если скрипнет пол, что-нибудь упадет, стукнет стул... И, стоя у постели, он ч т о — т о делает... Гипнотизирует ли он Птищева или усыпляет каким-либо снотворным средством, я еще не решил, я склонен даже думать, что снотворного средства, пожалуй, тут нет, ибо это могло бы оставить за собой след в виде запаха. Таким образом, остается вероятие гипноза. О, это ловкий мошенник, Ватсон, можете мне верить! Все дело теперь в том, чтобы проследить его! Это будет тем легче, что в последние три ночи он вряд ли захочет оставить старика в покое, — я уверен в этом!

Тихо разговаривая так, приятели обошли кругом флигель.

Было по-прежнему светло от луны, и около не виднелось ни одной души. Прямо через двор, против той стороны флигеля, где находились окна, зиял открытый вход, который вел на лестницу каменной постройки. Шерлок предложил притаиться там. Сидя на нижних ступеньках лестницы, они могли хорошо видеть лицевую сторону флигеля и, будучи сами невидимыми, наблюдать за всем, что происходило на дворе.

Так и сделали.

Ночь медленно ползла. Никто не появлялся. Было холодно. Прислонившись к плечу Шерлока, Ватсон стал дремать. Почти брезжило утро, когда он почувствовал вдруг сильный толчок в бок. Он открыл глаза. Шерлок с страшным напряжением в лице, посветлевшими, немигающими глазами смотрел на двор.

— Видите? — прошептал он.

Ватсон видел... Высокая фигура бродяги в отрепьях, в картузе с полуоторванным козырьком и в опорках на босу ногу — тихо прокрадывалась к флигелю... Вот он подошел к окнам... Вот он оглянулся и осторожно прищелкнул глазом к узенькой щели ставня.

Бродяга смотрел секунды три и, сняв опорки, крадучись, пошел вдоль окон босиком... Он миновал вход, дошел до угла и скрылся. Очевидно, он был теперь у задней стены. Вот он показался снова, но у другого угла, вот он опять кра-

дется по фасаду... до угла... и опять скрылся на задней стороне. И не показывается больше.

Выждали минуты три.

— Ради Бога, Шерлок...

— Ни одного движения, Ватсон!.. Вы погубите все дело!

Ватсон дрожал от нетерпения, и Шерлок Холмс должен был почти силой удерживать его.

— Дайте ему поработать... Еще не пора... сейчас... Еще минута... сейчас... вот сейчас...

И вдруг шепнул: «Марш!», и оба быстрыми скачками понеслись через двор с револьверами в руках.

У задней стены никого не было. И весь двор был пуст.

XIII

Некоторое время оба стояли в недоумении.

Ватсон посмотрел на Шерлока.

— Мы спугнули его?

— Возможно, Ватсон. Но возможно, что он еще т а м. Однако...

Шерлок смотрел, не отрываясь, на стену.

— Непостижимо! Я вижу на земле следы босых ног, но я не вижу, чтобы здесь, у стены, работали...

Говоря это, Шерлок Холмс пробовал то крепость досок, то плотность земли вдоль всей стены.

— Ничего! Ни подкопа, ни какого-нибудь взлома... Непостижимо!.. Если он успел уже сделать свое дело, — это дьявол, а не человек. Прямо скажу вам, Ватсон, я такой работы не видел!

Стали ждать. Прошло пять минут, десять, пятнадцать... Никто не появлялся. У Шерлока потемнело лицо.

— Мы ждем напрасно, — сказал он, — этот негодяй или вовсе не работал сегодня, или давно уже сделал свое дело. Пойдем... на нас начинают смотреть...

Настало утро, и дом, действительно, начал уже просыпаться. Открылась чайная, дворники начали шаркать метла-

ми, и по дворам стали шмыгать какие-то люди.

Ватсон и Шерлок Холмс тихо постучались.

Уже по утрюмому и расстроенному лицу, с которым Псищев открыл им дверь, Шерлок понял, что таинственный гость успел побывать, и дело обстоит по-старому.

Действительно, Псищев протянул им только что найденную записку.

— Вот, господа, это я взял со стола, проходя мимо.

Достаточно было беглого взгляда, чтобы убедиться в том, что записка была написана той же рукой, теми же чернилами и на той же бумаге.

Шерлок Холмс наклонился к полу. Были видны те же, только свежие следы босых мужских ног и, как прежде, они вели в спальню.

— Изумительно! — пробормотал он про себя. — Прямо непостижимо! Я — Шерлок Холмс — ничего не понимаю! Он — гений — этот мошенник! Что вы скажете, господин Псищев, — громко добавил он, — если все дело происходило у нас на глазах?

— Не понимаю, сэр...

— Я говорю вам, что этот человек у нас на глазах пробрался к вам на квартиру.

— У вас на глазах?

Псищев замер на месте от изумления.

— Да, у нас на глазах!

— И вы, господа, видели, как?

— Н-да... Вот в том-то и горе, что мы не видели, как. Впрочем, это принесло свою пользу. Ручаюсь вам теперь головой, что не позже, чем в нынешнюю ночь, он будет у нас в руках... Сегодня мы сделали маленькую ошибку, но завтра мы ее не повторим... Можете быть спокойны!

После этого Шерлок приступил к обсуждению плана, который моментально созрел у него в голове.

— Чтоб не возбуждать подозрений, — сказал он, — так как нет сомнения, что за нами непрерывно следят, я нынешнюю ночь провожу у вас. Я приду к вам в сумерки и уйду к ночи. Но уйду не я, а вы, только в моем платье и в моем гриме. Можете тогда спокойно отправляться ко мне и ночевать.

вать у меня в номере — вас примут за меня. Там к моим маскарадам привыкли, а на всякий случай я предупрежу. Ватсон займет тот пост, который мы занимали сегодня оба, и по-смотрим, что из этого выйдет. Итак, до вечера! Как бы то ни было, — закончил он, — я нынешнюю ночью доволен. Мы поработали не напрасно. Идемте, Ватсон! Я думаю, что мы заслужили право на завтрак и отдых!

XIV

Сделали так, как решили. Псищев в одежде и гриме Шерлока ночью отправился в гостиницу и, никем не оставленный, заперся в номере, который Шерлок занимал. Шерлок расположился на квартире у Псищева, а Ватсон встал на вахту у знакомой лестницы.

Эта ночь была еще холоднее прошлой, и Ватсон, у которого зуб на зуб не попадал, проклинал свою страсть к приключениям.

— Черт меня впутал в это дело! — брюзжал он. — Замерзнешь еще здесь ни за что, ни про что! И, как на грех — забыл фляжку с коньяком!

Кутаясь в пальто, он уселся на одну из нижних ступеней и прижался к стене.

Впоследствии он рассказывал, что совершенно не помнит, сколько времени он просидел до того момента, когда одна из половинок полуоткрытых дверей стала медленно отходить. Может быть, час, может быть, три часа...

Показалась чья-то голова в картузе с полуоторванным козырьком, и два глаза, осторожно скользнув по лестнице, нащупали его и уставились ему прямо в лицо. Два острых сверкающих глаза встретились с его глазами. Не было сомнения, что два человека хорошо видели друг друга, и минута, когда один не мог оторваться от другого, прошла в страшной тишине.

Бродяга первый пришел в себя.

— Караулите? — тихо спросил он, улыбнувшись. — Ну, хорошо, сидите здесь!.. Это хороший пункт!.. А я-то вас искал, искал... по всем дворам искал. Прошу прощения!

Ватсон рассказывал, что ужас, который охватил его, какой-то животный, нечеловеческий ужас, был так велик, что он остался как бы пригвожденным к месту.

Когда он долго спустя после этого решился выйти, на дворе, конечно, уже никого не было.

До утра Ватсон был, как в лихорадке. Он еле дождался условленного часа и в шесть уже стучался к Шерлоку.

— Шерлок... — начал он тут же, на пороге.

Но Шерлок перебил его:

— Представьте, Ватсон, этот негодяй знал, что я здесь! Бьюсь об заклад! Вы видите? Ни следов, ни записки... Ничего нет!.. Его не было. Я всю ночь не смыкал глаз.

Ватсон мрачно посмотрел.

— Зато, Шерлок, он говорил со мной.

— Он говорил с вами?

— Он говорил со мной, вот, как я теперь говорю с вами.

И Ватсон подробно описал ночную сцену.

— Но как же, как же вы не задержали его! — в отчаянии воскликнул Шерлок. — Вы не могли ни в каком случае его упускать. Вы должны были вступить с ним в борьбу, вы должны были криком дать мне знать! Ведь знали же вы, что я не сплю всю ночь.

— Знал, Шерлок, но я окаменел. Говорю вам, что я окаменел. Я сам не знаю, что со мною было.

— О, черт!..

Шерлок в волнении стал прохаживаться по комнате.

— Он смеется над нами, эта каналья! Это явно!

Оба замолчали.

В восемь отправились в гостиницу.

Псищев уже поджидал их. Он сидел в глубоком раздумьи у письменного стола, и лицо у него было желтое, осунувшееся, с очень странным выражением.

Увидев, что у Псищева в руках, Шерлок Холмс побледнел.

Он сейчас же вышел в коридор и долго исследовал двери, окна, половик. Потом стал расспрашивать прислугу. Все были ночью на своих местах, и никем не было замечено, чтобы кто-нибудь проходил.

— Непостижимо, непостижимо! Нет, нет, я схвачу этого человека, хотя бы только для того, чтобы он научил меня, как это делается... Покажите! — обратился он к Псищеву.

Взглянув на бумажку, Шерлок Холмс покачал головой.

— Так и есть! Этот лоскут оторван от моей бумаги. Он писал ее здесь. Но... скажите, ради Бога, неужто вы ничего, и ч е г о не слышали?

Псищев поднял на Шерлока глубоко запавшие глаза и некоторое время смотрел, как бы не понимая.

Потом с рассеянным видом пробормотал:

— Кто-то из вас разбил вчера, господа, стекло. Нужно распорядиться, чтобы прислуга убрала осколки.

XV

Оставалась последняя ночь.

Было решено, что Шерлок и Ватсон, как и прежде, возьмут на себя наружный караул, причем при первом же появлении таинственного бродяги, не выжидая, пока он проникнет в квартиру, бросятся на него.

Ночью между Шерлоком и Ватсоном возник спор: дело шло о выборе места для засады.

Ватсон решительно не допускал, чтобы можно было воспользоваться старым местом, где он сыграл такую жалкую роль. Шерлок же утверждал, что потому-то его и следует выбрать, так как негодяю вряд ли придет в голову, что люди могут вторично спрятаться там, где их уже накрыли.

Конечно, мнение Шерлока восторжествовало.

В эту ночь приятелям пришлось, по обыкновению, очень долго ждать.

Было уже около пяти часов утра, когда вдали, на втором дворе, показалась, неизвестно откуда вынырнувшая, стра-

шная и знакомая им фигура.

Прошла томительная, полная неизвестности минута, когда бродяга шел, невидимый ими, за длинным выступом стены. Покажется он или нет? Это решало для них все. Он показался.

Против обыкновения, он шел довольно спокойно. Вот он прошел мимо них, скрытых за дверью, и не взглянул на дверь, — Шерлок ликовал — круто свернул и направился к флигелю.

Вот тут-то Шерлок Холмс сразу показал свою поразительную ловкость, которая прославила его на весь мир, пожалуй, не меньше, чем его нюх.

В два огромных прыжка он был уже около, и руки боксера, страшные руки, похожие на стальные рычаги, уже сделали свое дело.

— Ни с места! — прошептал он зловещим шепотом, и прежде, чем бродяга мог опомниться, — щелкнули ручные кандалы.

Бродяга казался только слегка изумленным. Он поднял на Шерлока глаза, в которых, быть может, только на секунду мелькнуло недоразумение, как будто он не мог что-то сразу сообразить, а потом появился какой-то даже насмешливый огонек, — и его первый вопрос был довольно странный для его положения:

— Скажите, Шерлок Холмс, и вы, Ватсон, приехавший из Афганистана, сколько вы можете выпить за ночь вашего английского виски?

Бродяга, очевидно, сильно хотел произвести впечатление, показаться молодцом, сорвиголовой, которому все ни почем.

Он стал болтать всякий вздор. Он расспрашивал Шерлока об английских законах, о том, имеют ли право в Англии без письменного приказа накладывать на кого-нибудь кандалы, бывшие на нем, изобретения самого Шерлока Холмса и, уже явно глумясь, спросил у Ватсона, начал ли он уже отчет о настоящем деле.

Оставив обезоруженного бродягу на попечении Ватсона, Шерлок зашел к Псищеву один. Ему хотелось самому насладиться первым впечатлением.

Старик, оказывается, давно уже проснулся. Он встретил Шерлока немножко возбужденный, и это было особенно заметно по его рукам, которые слегка дрожали.

Посмотрев ему в лицо, Шерлок улыбнулся:

— Ну-с... вижу, милейший, что вас не о чем спрашивать. Можно побиться о заклад, что эту ночь вы провели спокойней.

— Благодарю вас, сэр. Вы угадали!

— Хе-хе-хе! У вас было-таки довольно тихо, господин Псищев. Сознаетесь...

— Совершенно тихо, сэр!

— И чего-нибудь... этакое... не было уже? А?

— Не было, сэр. Что правда — то правда!

— Да, да... Нетрудно угадать... Но скажу вам, господин Псищев, откровенно, я и м недоволен. Этот мерзавец был бы великолепен на подмостках, но — тысяча дьяволов! — роль, которую о н играет, портит мне кровь. Вы сейчас е г о увидите.

По мере того, как Шерлок говорил, у Псищева все больше и больше менялось лицо. Шерлок даже серьезно обеспокоился и счел нужным его пожурить:

— Черт возьми, господин Псищев, будьте же мужчиной! О н обезоружен, и ручаюсь вам, что он не может вам повредить. Сядьте в кресло!

И, выйдя в прихожую, Шерлок широко распахнул двери.

— Войдите!

Ватсон впоследствии уверял всех, что при следующей сцене Шерлок Холмс вел себя так, как должен был вести себя Шерлок Холмс, т. е. сохранил полнейшее хладнокровие. Но, кажется, почтенного доктора заставляло говорить так только чувство историка, увлеченного героем своего повествования и, может быть, отчасти самолюбие англичанина.

Факты подтверждают, что Шерлок Холмс совершенно растерялся, да, он совершенно растерялся, когда Псищев при первом же взгляде на бродягу сказал:

— Господа! Я боюсь, что вы опять пошли по ложной дороге.

А бродяга спокойно заметил:

— Я говорил, Псищев, что иностранцы тебе не помогут.

Да, он страшно растерялся, когда Псищев добавил:

— Господа, снимите с него эти английские штучки! Уверю вас, этот человек менее виновен в моем деле, чем я сам!

Псищев — нужно отдать ему справедливость — не считал даже нужным томить обескураженных англичан. Когда кандалы с бродяги были сняты, он объяснил:

— Этот человек, господа, занимает такое же положение, как и я. А в моем деле играл такую же роль, как и вы. Но... господа... помочь себе, очевидно, мог только я сам.

— Что?!

На всех лицах разом выразилось крайнее изумление.

— Да, господа, — повторил Псищев, любуясь произведенным впечатлением, — я сам себе помог!

— Вы накрыли?

— Я е г о накрыл, господа, окончательно накрыл сегодняшней ночью.

Шерлок через плечо Ватсона бросил быстрый взгляд в спальню.

Псищев усмехнулся.

— О, сэр, вы напрасно стали бы е г о там искать.

И, обратившись ко всем, добавил:

— Если у вас хватит терпения, я расскажу вам, как все произошло.

И он стал рассказывать.

— По вашему настоянию, господа, — начал он, — я провел прошлую ночь в «Метрополе». И этой услуги я никогда не забуду вам, господа! Если вы помните, господа, я указал вам на другой день на осколки стекла, валявшиеся на полу. Вы не изволили тогда обратить на мои слова большого внимания; между тем, не будь тех осколков, мы, вероятно, до сих пор терялись бы в догадках. Дело в том, господа, что в прошлую ночь я внезапно проснулся от сильной боли в ступне. Я проснулся, господа, полусидящим на постели, — хотя, проснувшись, решительно не мог припомнить, когда я сел — и ноги мои были на полу. Тогда это меня страшно поразило, и могу вам сказать, господа, что только в ту минуту, именно только в ту минуту, у меня впервые родилось слабое подозрение, что вы, быть может... продолжаете идти по ложному следу!.. Подозрение это было очень слабое, и мне нужна была для проверки еще одна ночь... Вчера я приобрел вот этот плоский бак... Как видите, господа, он имеет форму корыта, но края его еще ниже... Я наполнил его водою перед сном и поставил у стола... Я не хотел его ставить у постели, так как важно было — вы понимаете — уличить преступника на месте преступления... Господа! Я проснулся оттого, что м о и ноги были в воде... Я проснулся на стуле около стола с рукой, из которой только что выпало перо... И вы, конечно, понимаете теперь, что если кого-нибудь нужно винить в этом деле — то только м е н я. Ибо этот преступник — я, я с а м.

Все, пораженные, молчали.

— Видите ли, господа, — продолжал Псищев, оглянув всех, — я объясняю дело так! В детстве — мне говорили, — я был немножко нездоров. От луны ли такие вещи происходят, или нет, но меня часто видели гуляющим по двору и крышам и выделяющим такие штуки, которых я никогда не в состоянии был бы выкидывать наяву. Мне не раз говорили об этих подвигах, я же, проснувшись, ничего о них не знал и не помнил. Я думаю, господа, что или болезнь моя

никогда не проходила — хотя за последние несколько десятков лет я о ней ничего не знал — или она вернулась ко мне в тот день, когда я, действительно, получил записку от того человека. Нет ничего невероятного в том, что от сильного потрясения она могла вернуться и не только вернуться, но и принять такую странную и страшную форму. И чем ближе подходил роковой день — тем чаще повторялись припадки. Здесь все дело в ужасе, который сразу захватил меня целиком и потом не выпускал уже ни на минуту. Я весь был полон им. И если я во сне, господа, бессознательно писал его рукой, то я думаю, это происходило от того же ужаса, оттого, что каждая буква, выведенная им, врезалась и выжглась у меня в мозгу, и в припадке болезни я не мог не повторять их всех точно такими же, какими я их всегда видел перед глазами. Лунатизм ли это, самовнушение или что-нибудь другое — я не знаю. Сэр Ватсон, если я не ошибаюсь — доктор, он лучше объяснит вам, как такие вещи происходят. Теперь же благодарю вас всех за участие, которое вы во мне принимали... Я думаю, что мне нужно-таки серьезно лечиться.

* *
*

Так кончилось это неудачное для Шерлока Холмса дело.

Аноним

ШЕРЛОК ХОЛМС В ОДЕССЕ

Шерлокъ Холмсъ въ Одессѣ.

Таинственный автор продолжает интриговать редакцию и читателей журнала «Огонек».

Из Одессы получено нами открытое письмо следующего содержания:

«Посылаю редакции тем же путем и на тех же условиях, что напечатанные в номере 12-м “Огонька” похождения Шерлока Холмса в Москве, повествование “Шерлок Холмс в Одессе”. Анонима своего пока не раскрываю. Имею на это основательные причины».

В этот же день доставлена редакции в закрытом пакете рукопись, отпечатанная на пишущей машине, тем же шрифтом и на такой же бумаге, что и предыдущий рассказ.

Редакция еще раз убедительно просит анонимного автора снять свою маску.

I

Незадолго до знаменательных июньских дней 1905 года в одесском порте, в складах Н-ского общества транспортирования кладей, обнаружились громадные хищения.

Шайка ловких аферистов очень умело прятала концы в воду, и правление общества, имея на руках одни только подложные квитанции, по которым расхитили товары, решительно не знало, как взяться за дело.

Убытки грозили крахом, и на общем собрании было единогласно решено обратиться к Шерлоку Холмсу, которого тогда только начали приглашать на гастроли в Россию.

Шерлок прибыл с доктором Ватсоном в Одессу в начале июня и, устранив всех, сейчас же сам принялся за дело.

Так как, прежде всего, нужно было найти владельцев квитанций, т.е. тех таинственных бродяг, которые в течение всего марта, апреля и мая так беззастенчиво являлись в контору и увозили товары — Шерлок решил в первые же дни основательно ознакомиться со всеми клоаками города.

Все, конечно, помнят, какие сцены разыгрывались в Одессе в июне 1905 года, и что было особенно характерным в объёме паникой городе.

Бастовавшие рабочие, после столкновения с войсками у завода Гена, останавливали фабрики, типографии, закрывали магазины, за городом останавливали пассажирские поезда и разрушали дорогу.

Разрывались бомбы, ахало в воздухе, наперебой трещали ружейные выстрелы, люди валились, и некому было убирать трупы, а в море, в полной боевой готовности, грозной громадой высился только что пришедший из Тендровского залива броненосец «Князь Потемкин Таврический».

Мирным жителям как будто некуда было деться и, тем не менее, известно, что никогда Одесса не была так бешено и слепо охвачена азартом, как в те страшные дни.

Притоны вырастали и размножались с невероятной быстротой, как поганки после дождя, и никто за ними не следил.

Играли все, начиная с разбогатевших скопидомов-армян ростовщиков и кончая простыми амбалами, спасавшимися от тифлисской резни и искавшими работы в порту.

Ранним утром в разных местах города находили мертвых ограбленных людей, но в общей кровавой сумятице все эти преступления не останавливали внимания и оставались нераскрытыми и ненаказанными.

II

12-го июня, на Портовой улице, в недавно открытой кофейной, сделавшейся известной портовым завсегдатаям под странной кличкой «Спрут», было особеннолюдно.

Тому, кто заглянул бы в нее с улицы, представилась бы странная картина: в обширной комнате со стойкой-буфетом было совершенно пусто. Стояли незанятые столики, да за стойкой сидели два гиганта-перса, молчаливые и таинственные, как сфинксы.

Знающие люди входили со двора; здесь с лестницы они попадали в небольшую, темную прихожую, где по случаю ливня висела масса дождевых накидок, и которую также охраняли два рослых перса, и уже оттуда, по внутренней лестнице, могли пройти в громадный, с очень низким потолком полусарай, полузал, где происходила игра.

12-го июня здесь царило небывалое оживление.

Метал Аристид Мавротокис, очень темного происхождения грек, Бог весть какими путями недавно разбогатевший, и его сменял, как банкومت, один из крупнейших игроков, считавшийся в колоссальном выигрыше, комиссионер-армянин Аршак Джабаров, человек с широким и темным, тупым лицом.

Пробивались к столу не только потому, что здесь отвечали на какую угодно ставку, но и прямо из любопытства. Разгорались лица и глаза при виде огромных денег, которыми небрежно перебрасывались два молчаливо игравших человека.

Один здоровенный татарин, в холщовых портах и холщовой расстегнутой на груди рубаше, неподвижно, как очарованный, стоял около и не отводил глаз от стола. Быть может, в первый раз он видел такую грудку денег.

Хозяин заведения, молодой армянин Аракел Макданьянц, получавший десять процентов с каждого снятого банка и сам редко принимавший участие в игре, теперь тоже играл. Он сидел около Мавротокиса, насторожившись, гибкий и хищный, как пантера, и изредка что-то отрывисто говорил стоявшей за его стулом девушке-армянке.

В обыкновенное время эта хорошенькая смуглянка, которую звали Урсулой, занимала место в углу зала за особой стойкой, где продавались сласти и прохладительные напитки, и служила главной приманкой заведения.

Макданьянц выдавал ее за сестру, но ее родословной никто серьезно не интересовался. На нее можно было тратить, но было известно, что ее ни за какие деньги нельзя было купить.

Теперь у нее тоже было бледное и напряженное лицо, и время от времени ее тонкая, обнаженная до локтя рука, украшенная какими-то восточными змеевидными браслетами, тянулась к столу с зажатыми в пальцах деньгами.

Играла ли она за себя или за брата, выигрывала или проигрывала, среди толкотни и шума нельзя было заметить.

III

Было около десяти часов вечера. Народ прибывал.

Игра была в полном разгаре, и с каждой минутой становилось яснее, что Мавротокис, которому раньше везло, напрягает последние силы.

А перед Джабаровым куча денег все росла и росла.

Теперь Джабаров видел, что Мавротокис при последнем издыхании. Грек хватался за карман, рылся в каких-то бумажных свертках и, совершенно поглощенный игрой, то забывал их на столе, то принимался лихорадочно комкать и совать в огромный, похожий на портфель, бумажник, то снова вышвыривал их с деньгами на стол. Деньги таяли.

И Джабарову было жаль его.

Видел еще Джабаров, что два каких-то подозрительных типа, один рыжий, высокого роста и плечистый, другой тоже рыжий, но тоньше и пониже, — все время вертелись около стола, ничего не ставили и для чего-то разыгрывали пьяных.

Видел еще Джабаров, что промотавшийся грузин Виношвили, которого все называли «князем», два раза снимал свою ставку. Ставки были очень ничтожны, но все-таки Джабаров счел нужным оба раза пристально посмотреть на молодца, давая ему понять, что все видит. И когда Вино-

швили, не смущаясь этим, в третий раз протянул руку к своей ставке, которая была бита, Джабаров задержал ее и тихо прошептал:

— Уйди, князь! — нехорошо будет!

И так внушителен был этот шепот, что грузин немедленно же юркнул в толпу и исчез.

Сцена эта продолжалась, вероятно, не больше полминуты, но за эту полминуту две руки, мужская и женская, быстро, как мыши, скользнули по столу и быстро исчезли.

Заметил ли что-нибудь Джабаров, — неизвестно: но некоторое время спустя, когда он взглянул случайно на Урсулу, хорошенькое личико армянки помертвело, и глаза сделались огромными и испуганными.

IV

В одиннадцать часов Мавротокис сделал свою последнюю ставку.

Джабаров посмотрел и призадумался на минуту; потом спокойно, как прежде, стасовал карты и положил их для съемки соседу справа. Но в то время, как съемка производилась, он незаметно для других снял с пальца странного вида перстень, украшенный редкой ценности солитером, и опустил его в жилетный карман. В этот перстень, приобретенный где-то в глубине Индии, он, суеверный, как всякий игрок, верил, как в талисман, и никогда с ним не расставался. Добивать грека ему не хотелось, и теперь, снимая перстень, он как бы отказывался от счастья, которое упорно не хотело его оставить.

Ставка была бита.

Что-то вроде сожаления мелькало у Джабарова в глазах, когда он стал, пожимая своими широкими плечами, медленно собирать деньги.

— Уходишь, Аршак? — беззвучно вырвалось у Мавротокиса.

Джабаров остановился.

— Не ухожу... Если слово поставишь — слово приму. Я не такой... Ты честный — я честный... Отыгрывайся...

— Подожди... Не надо слов...

Мавротокис жестом подозвал к себе татарина, который не отходил, как и прежде, от стола, и что-то шепнул ему:

— Подожди!.. Человек придет, и игра будет... Ты наличными — я наличными...

Собрав деньги, Джабаров с шумом отодвинул стул и встал.

— Выпить пойду! — сказал он, не обращаясь ни к кому. — Ты же, Аристид, не думай ничего... Играть захочешь — кликнуть вели...

Но по дороге его перехватили.

Первый — Виношвили. Грузин выскользнул откуда-то незаметно из угла и тихо коснулся его плеча.

— Большое тебе счастье, Аршак! — сказал он, и вдруг краска залила его лицо, и глаза сделались умоляющими. — Дай на счастье!.. Не помни зла... Князь Виношвили тебя просит... Много взял — еще возьмешь! Дай, ради Бога!

Джабаров ничего ему не ответил, но молча полез в карман, вынул несколько золотых монет и со злостью швырнул их на пол.

Монеты были сейчас же кем-то подобраны.

Виношвили закусил губы и долго и пристально смотрел Джабарову вслед.

У самого входа в буфет Джабарова остановила Урсула.

— Что у тебя в мыслях, Аршак? — спросила она дрожащим голосом, — за что порочишь нас? Худо тебе сделали, говори?..

Джабаров нахмурился.

— Оставь, пожалуйста! Зачем спрашивать? Худо — не худо. Никто худа Джабарову сделать не может...

И, не слушая ее больше, он прошел в буфет.

Два человека следили за ним непрерывно. Два рыжих, странных на вид человека, и один из них, тот, что был выше, тихо сказал теперь другому:

— Бьюсь об заклад, что не далее, как сегодня, этот армянин дорого заплатит за свою глупость! Думаю, что из че-

ловеколюбия его даже следовало бы предостеречь!

V

Усевшись за один из столиков в буфете, Джабаров пересчитал деньги.

Отделив большую пачку, — он запрятал в кредитки снятый во время игры перстень и вместе с какими-то бумагами тщательно завернул в обрывок газеты.

Через двадцать минут татарин, посланный Мавротокисом за деньгами, вернулся, и Джабарова кликнули.

Джабаров, расплатившись, почему-то пошел через прихожую, сообщавшуюся как с залом, так и с буфетом.

Побыл он в прихожей не больше двух-трех минут и стал подниматься по темной лестнице вверх.

Подымался он в самом мрачном настроении духа. Сейчас только у нижней ступеньки с ним столкнулся высокий, рыжий субъект, которого он видел за столом. Два острых глаза впились в него, и Джабарову даже показалось, что он услышал шепот: «Берегись!»

Через полчаса игра возобновилась.

Теперь счастье как будто изменило Джабарову. Первые удары еще выходили вничью, но потом он стал отдавать.

Мавротокис отыгрывался. Возле него уже лежали порядочные деньги.

— Бери, бери — не жаль! — говорил Джабаров, уплачивая ему по ставкам.

Был момент, когда три раза подряд три ставки Мавротокиса взяли. Глаза грека потеплели, и он шутливо спросил:

— Где твое счастье, Аршак?

Джабаров показал ему руку, на которой не было перстня, и ответил тоже с улыбкой:

— Спрятал счастье. Для тебя сделал. Вот какой я тебе друг!..

Было около часа ночи, когда в зале произошло вдруг какое-то движение. Кто-то, пришедший с улицы, с встрево-

женным лицом, рассказывал, что видел огромную толпу рабочих, спускавшихся в порт.

Бросили игру и стали прислушиваться.

Шумело море, и некоторое время ничего, кроме этого шума, не было слышно. Но вот, заглушая море, стал проникать сквозь стены глухой ропот приближающихся голосов. Гул разрастался все шире и шире, уже захлестывал дом, уже слышны были отдельные голоса.

Вбежали снизу испуганные персы-сторожа. Вламывались в кофейную. Кто-то крикнул:

— Спасайтесь через двор!

В ту же минуту послышался бешеный топот скакавших в опор лошадей... Он замер наверху, у широкой лестницы, ведущей к порту, и мгновение спустя со звоном посыпались стекла. Грохнул залп.

Игроки в рассыпную бросились к дверям.

VI

14-го июня, рано утром, в час, когда все еще спят, Шерлок Холмс имел визитера.

Это был высокий, атлетического сложения человек, но с утрюмым и решительным лицом.

Шерлок вежливо попросил своего гостя сесть и обратился к нему с традиционным вопросом:

— Чему обязан?

— Свинству, душа мой... Вот чему... Большому свинству...

Незнакомец говорил с сильным армянским акцентом.

— Деньги мне обобрали! Вот чему обязан!

— Расскажите, пожалуйста, подробно ваше дело.

— Расскажем, не беспокойся... Джабарова знаешь? Не знаешь? Джабарова не знаешь? Джабарова всякая собака в Одессе знает! И умный, и глупый, все к Джабарову идут. Купить — продать — все Джабаров! Вот какой он человек! Не понимаешь? Ну посмотри, пожалуйста, на меня! Еще не по-

нимаешь?

— Вероятно, это вы и есть Джабаров? — догадался Шерлок.

— Ну да... Сам Джабаров и есть. Аршак Джабаров!

— Как же вас обокрали, и когда это случилось?

— Обокрали мене, душа мой, третьего дни, а как это случилось — у тебе пришел спросить. Знал бы — не пришел. Понял? Вот ты послушай и подумай, ради Бога. Убытка тебе не будет!

Джабаров сел ближе к Шерлоку и начал рассказывать:

— Знаешь, какие теперь дела? Совсем нет дел! Торговли нет, фабрик нет, купли-продажи нет!.. Ложись — умирай... вот какие дела!.. Ну, и шибко народ играет... Макданьянца Аракела знаешь? Опять не знаешь! Важная персона стал — «мельницу» на откуп взял. Понимаешь, душа мой?

Шерлок кивнул головой.

— Человек он такой — грош дать — много будет, а игра у него шибко большая. Много денег проиграть можно... Ничего, что всякий шушера играет... С большим капиталом люди ходят. Мавротокиса Аристида знаешь? И его не знаешь?! Смотри, какой ты! Совсем ничего не знаешь! Бо-о-льшой капитал, душа мой!

Останавливаясь на мелочах и часто уклоняясь на сторону, Джабаров дал, наконец, понять, в чем дело.

Третьего дня в притоне Макданьянца он выиграл двенадцать тысяч. Деньги эти, вместе с очень дорогим бриллиантовым перстнем и некоторыми чрезвычайно важными документами, он завернул в бумагу и во время перерыва в игре вышел в прихожую и спрятал пакет в потайном кармане своего пальто.

На вопрос Шерлока, почему он не оставил пакета при себе, Джабаров объяснил, что в прихожей пакет был в большей безопасности, чем в зале, среди подозрительных людей, следивших за его игрой.

Далее Джабаров рассказывал, что во время наступившего потом переполоха он, как и все, бросился бежать. Вследствие давки он в прихожей не мог одеть пальто и держал его на руках. Когда же он вернулся, наконец, домой — то с

ужасом увидел, что среди толкотни и шума пальто ему успели подменить.

Но это был только остов, и Шерлок Холмс стал его облекать в плоть и кровь.

VII

— Может быть, — начал он, — кто-нибудь следил за вами из зала? Припомните хорошенько!

— Отлично помню, душа мой. Один был — это верно. Был, был...

Шерлок поднял слегка брови.

— Рыжий, как черт. Все время глазом не моргал — смотрел на мене. И у стола вертелся волчок-волчком, и снизу подымался — по дороге попал, чтоб ему подавиться!

— Значит, вы и его подозреваете? — спросил Шерлок.

— Понимаешь дело? По дороге попал — толкнул меня в бок, глазом вертит, — пугать Джабарова хочет!.. «Берегись!» — говорит... Понимаешь?

— А не думаете ли вы, что этот человек вас просто хотел предостеречь?

— Оставь, пожалуйста! Зачем ему мене караулить? У Макданьянца народ, понимаешь, какой? Там таких нет! Что ты — глупый, не понимаешь?

Шерлок чуть заметно усмехнулся.

— А это что у вас?

— Это?

Джабаров снял с колен предмет, который Шерлока интересовал.

— Тебе принес показать. Это старый пальто... Мой взяли — этот дали!.. Вот, смотри, пожалуйста, как Джабарова дураком сделали!

Шерлок посмотрел. Это было что-то вроде грубого дождевого летнего плаща. Он накинул плащ на себя, пошарил в карманах и небрежно бросил плащ в угол дивана.

— Я оставлю его пока у себя!

— Бери, пожалуйста!.. Дарю тебе!.. Понимаешь дело? Не денег жаль — документ, перстня жаль! Деньгам наживем — плюем на это! Документ большой, душа мой... Пропадем без него... И перстень... Заговоренный перстень!.. Очень мне, понимаешь, даль! Поищи, пожалуйста: будем тебе благодарны!

— Какой же это был перстень?

Джабаров подробно описал свою потерю.

— Скажите, пожалуйста, — спросил Шерлок, внимательно выслушав, — вы наведывались туда после кражи?

— Куда, душа мой, туда? «Мельницы» нет больше, понял? Пришла полиция — думала, сходка, — заколотили Макданьянца!

— Значит, Макданьянц свое дело бросил?

— Ах, какой ты смешной! Зачем не понимаешь? Зачем глупое говоришь? Разве можно, чтобы люди не играли? Разве Макданьянц такой человек, чтоб свою выгоду бросить? Там заколотили, — в другом месте «мельницу» завертел. Понял?

— И вы там были?

— Ну да, душа мой, был; как же я не буду? Вора искал — карты играл. Дорого вор стоит!

— Ну и что же? Нашли что-нибудь?

— Нашел бы — к тебе не пришел! Что он — глупый, чтоб придти? Мавротокис был, Касим Наме был... Абахадзе знаешь? И он был. Виношвили был. Сам Макданьянц играл...

— И крупно играл Макданьянц? — перебил вдруг Шерлок, разглядывая свои ногти.

— Крупно играл, душа мой. Денег шибко накрал — играть можно.

— Скажите: говорили вы там кому-нибудь о своей пропаже?

— За кого ты меня считаешь, скажи, пожалуйста? Что мы, глупые? Сами понимаем дело! Как рыбы, молчим!

Шерлок расспросил Джабарова о новой «мельнице» Макданьянца. Она находилась на одной из дач Малого Фонтана. Записав еще адрес самого Джабарова, Шерлок отпус-

тил, наконец, своего посетителя.

VIII

Но лишь только Джабаров скрылся за дверью — Шерлок весело расхохотался.

— Ну-с, Ватсон, — крикнул он, раздвигая портьеры, скрывавшие следующую комнату. — Признайтесь, что вы не ожидали, чтоб это воплощенное простодушие м е н я - т о и приняло за вора! Рыжий черт — это недурно! Посмотрим, что-то он сегодня скажет, увидев снова рыжего черта?

— Вы пойдете в том же гриме?

— Да... Видите ли, Ватсон, дело это, собственно говоря, слишком просто, и я не знаю даже, стоит ли оно того визита, который мы собираемся сделать. Эти кавказцы способны на самые жестокие преступления, но я не видел народа, который бы так мало заботился о том, чтобы хоть сколько-нибудь сносно замести следы. Возьмите хотя бы настоящий случай! Люди видят, что один шутя выигрывает у них на глазах колоссальные деньги, которые разом могут создать положение, спасти от нищеты, самоубийства. Почва создана! Но на план не хватает терпения. Соблазн так велик, деньги так близки, а кровь так кипит... Где же тут думать? И совершается самое простое, грубое воровство. Чтоб выкрасть деньги, только деньги, — конечно, не я один понял, зачем Джабаров пошел в прихожую — не хватает ни ума, ни выдержки. Я говорю ума — потому что они не могли найти сразу потайного кармана, а нащупав карман, не догадались его вырезать. И вот они волокут целый груз — пальто и взамен этого подсовывают такую штуку!

Шерлок достал и развернул плащ и вывернул карманы.

— Так и есть, — сказал он с брезгливым и каким-то презрительным выражением в лице, разбираясь в грязных, вывалившихся из карманов бумажках. — Какие-то клочки... гм... цифры... этого мало... еще цифры... не годится... гм... Эге!

Шерлок свистнул.

— Кажется, господин Джабаров этого не изволил заметить. Посмотрите, Ватсон, свеженькая бумажка, свернутая в трубочку. Свернута в трубочку, чтоб обратить на нее внимание. Но бедненькая застряла в этом углу картуза от орехов и как раз не была замечена. Посмотрим, что это такое?

Шерлок развернул бумажку, посмотрел, прочел про себя и вдруг засмеялся и хлопнул по бумажке рукой.

— Ничего себе штучка!.. Я уж боялся, не по-грузински ли написано... Нет, по-русски... Писал сам Аракел Макданьянц, а адресовано князю Виношвили. Посмотрите, что тут написано!

Шерлок прочел вслух:

— «Пожалиста, оставь мене в покое... Что денег просишь? Разве я с тобой в доле? У меня для всех ишаков-князей нет денег! И что ты мене пугаешь все, скажи, пожалиста? Коли кинжал — Виношвили это умеет. А мене оставь в покое».

Набросано карандашом и, вероятно, спешно. И заметьте, Ватсон, не подписано. Но, к счастью, Шерлок Холмс видел во время игры записи Макданьянца мелом на сукне, и ему этого достаточно. Итак, это плащ Виношвили! Ну-с, что вы на все это скажете?

Доктор Ватсон засмеялся.

— Недурненькое дельце для Шерлока Холмса!.. Что же сказать?! Кажется, как на ладони, все ясно!.. Сегодня же вечером можно уловить момент и с доказательством в руках уличить этого грузина!

— Виношвили?

— Ну да!

— Грузина Виношвили? — тихо повторил про себя Шерлок, опустив глаза, и вдруг задумался. — Дело в том, Ватсон, — сказал он после некоторого молчания, — что сегодня вечером я хотел бы понаблюдать у Макданьянца вообще!.. И не знаю, удобно ли будет отвлечься!.. Мне впало в голову... не взять ли вам этот пустяк на себя? А?

— Ну, что же? — Ватсон улыбнулся. — Я не прочь выступить раз в вашей роли! Идет!

— Значит, по рукам!

В 10 часов вечера Шерлок Холмс и Ватсон были уже в новой «мельнице» Макданьянца. Это было обширное помещение, где раньше находились какие-то склады. Оба приятеля благополучно прошли, сказав пароль, сообщенный Джабаровым.

Джабаров, стоя, понтировавший против Мавротокиса, увидев высокого, рыжего незнакомца, сейчас же сосредоточил на нем все свое внимание. Он еле дождался результата удара и, кое-как скомкав деньги, сунул их наскоро в карман и стал тихонько пробираться к тому месту, где стоял Шерлок.

Шерлок стоял около стола, где метал Макданьянец и, глядя на него, никто бы не сказал, что он мало заинтересован в игре. Он даже сделал две ставки и оба раза удачно. Теперь он следил за судьбою третьей и время от времени глядел на Урсулу, которая, как и в прошлый раз, сидела за стулом Макданьянца.

— Богатый делался, — услышал он вдруг за собой насмешливый шепот. — Картам деньги ставишь! Много денег картам ставишь!

Шерлок не повернул головы, не показал даже вида, что слышит что-нибудь, и с невозмутимым лицом взял со стола деньги: третья ставка тоже была дана.

— Зачем молчишь?.. Джабаров с тобой говорит! Знакомиться хочет...

Шерлок Холмс, словно бы не к нему обращались, молча, как прежде, сделал новую ставку. Джабаров не преувеличивал: Макданьянец, действительно, играл довольно крупно и теперь раздавал.

— Послушай! — Джабаров с гневом сжал Шерлоку руку. — Зачем глупым мордам делаешь — не понимаешь? К тебе говорю! Пойдем, пожалуйста, два слова хотим сказать...

Шерлок Холмс быстрым взглядом охватил толпу, теснившуюся в зале. Сцена уже обратила на себя внимание. Смотрел Макданьянец, пристально смотрел Мавротокис. Тогда

он повернулся всем телом к Джабарову и громко, на весь зал, сказал:

— Какая кража? Как вы смеете говорить, что я крал? Я вас в первый раз вижу!

Голос был настолько громкий, что его слышали во всех углах. Многие с любопытством повскакали со своих мест. Крутом сразу сделалась давка.

Джабаров, с налитым кровью лицом, прошипел:

— Молчи! Зачем кричал?.. Зачем неправду сказал? Кто говорил — крал? Молчи, пожалуйста!.. Идем в угол — два слова хотим сказать...

Джабаров не выпускал руки Шерлока, и тот сделал, наконец, вид, что уступает силе. Двое-трое поплелись за ними. Джабаров цыкнул на них.

— Прежде всего, — спокойно сказал Шерлок, лишь только они достаточно отошли от стола и за ними перестали следить, — отпустите мою руку. А потом скажите, ради Бога, сколько времени вы намерены еще преследовать меня? Тише... Не изумляйтесь слишком громко!..

Шерлок Холмс, бывший к публике спиной, чуть-чуть сдвинул бороду и усы. Джабаров узнал его и почти присел от неожиданности.

— Ну, скажи, пожалуйста, — вырвалось у него громким шепотом, — ну, скажи, Бога ради...

Искреннее восхищение засияло у него в глазах.

— А-ах, какой ты умный! Ай, ай, ай... Так ты, с таким мордам, и первый раз ходил, и Джабарова дураком сделал... Ах, ах... Ну, скажи, пожалуйста! И мы тебе ворами примал... Ну, скажи, пожалуйста...

Джабаров в себя прийти не мог от изумления и восторга.

— Как видите, — сказал Шерлок, — вора вы искали не совсем там, где бы следовало. Но не огорчайтесь: не сегодня-завтра он у нас в руках. Это покамест все, что я могу вам сказать. Теперь же, разговаривая, отходите со мной к окну... ближе... вот так... Делайте вид, что очень разгорячены беседой... Сердитесь... Машите руками... Так... Сейчас я выскочу в окно... Все это увидят... Вы должны сделать вид, что страшно растерялись... Можете даже крикнуть... Помните:

о краже никому ни слова... И не ходите сюда пару дней... Вас будут расспрашивать обо мне... Отделяйтесь молчанием... Все это необходимо... Потом я вам объясню... Еще ближе к окну... Вот так... Куда оно выходит?... Благодарю вас... Еще шаг... А теперь, до свидания!

В мгновение ока окно было распахнуто настежь, и видно было, как сейчас же вслед за этой темной массой мелькнула в рамах и исчезла.

Джабаров так и остался с разинутым ртом. Он действительно растерялся, ибо такой ошеломляющей быстроты не ожидал.

Х

Теперь посмотрим, что делал в это время доктор Ватсон. Он сейчас же по приходе в зал сыскал Виношвили и стал с ним рядом.

И ставки свои они делали вместе.

Мало-помалу, на почве взаимных одолжений, когда нужно было через чужие головы и плечи тянуться к столу, чтобы ставить или брать деньги, завязался разговор.

Ватсон не переставал удивляться выдержке грузина: несмотря на значительные деньги, которые, вероятно, были с ним, он делал ничтожные ставки, и боязнь чем-нибудь обнаружить свое богатство и выдать себя была в нем так сильна, что при удаче, когда приходилось брать какие-нибудь два или три рубля, он разыгрывал необыкновенно счастливого человека. Пальцы начинали дрожать, глаза остро и жадно блеснуть.

Когда стал разыгрываться скандал с Шерлоком, Ватсон отошел от стола и увлек с собою Виношвили.

Не меняя ни тона, ни выражения лица, словно бы продолжая интересную беседу, Ватсон сказал:

— А вот ваш плащ, князь!

И развернул сверток. И, уже не сдерживая себя более, словно иглами, впился глазами Виношвили в лицо.

— Мой плащ у тебе? Каким манером у тебе? Ну, скажи, пожалуйста... Я думал, окончательно пропал вещь! А ты подобрал! Ну спасибо, душа мой, спасибо тебе! Зачем молчал до сих пор?

Виношвили встряхнул плащ и накинул на себя.

— Боялся шибко — без головы бежал! Плащ и остался, душа мой. Я вспомнил — назад идти не желал. Жизнь дороже. Понял? Пропадай, думаю, совсем... А ты и принес! Ну спасибо тебе, спасибо!

Ватсон диву давался. Виношвили не только, по-видимому, не растерялся, но прямо неподражаемо вел свою игру, если это была игра. Вещь могла стоить пять рублей, и радости было, как будто отмерено ровно на пять.

— Скажи, пожалуйста, душа мой, как же мой плащ к тебе попал?

Не сморгнув глазом, Ватсон ответил:

— На улице поднял. Человек один бросил его.

— Человек бросил?

— Да... Человек, который возвращался третьего дня, как и я, с Портовой улицы. Он шел в ту ночь впереди меня и вдруг, рассердившись, швырнул эту вещь на панель. Я поднял. Случайно я узнал, что вещь ваша.

— Скажи, пожалуйста, какой человек?

Виношвили притворился очень заинтересованным. Тогда Ватсон, не сводя с него глаз, резко сказал:

— Джабаров!

— Джабаров?.. Ничего, душа мой, не понимаю... Зачем Джабаров? Почему Джабаров? Откуда Джабаров?

Ватсон еле сдерживался от негодования. С жесткой усмешкой он проговорил:

— Если вы действительно не знаете, при чем тут Джабаров — я могу вам объяснить. Я слышал, что третьего дня ночью на старой «мельнице» Макданьянца Джабарова обокрали. Взяли его пальто и подменили вашим!

— Ха, ха, ха! Ах, ха, ха, ха!

Виношвили расхохотался.

— Джабарова пальто крал? Ха, ха, ха!.. Какой же мошенник дурак крал? У Джабарова деньгам красть надо, не паль-

то! Грош цена — пальто! Ах, какой он дурак!.. Ха, ха, ха!..

Ватсон, бледный, не говоря ни слова, встал и пошел в зал.

— Постой... Куда ты? Зачем уходишь уже?.. Ну, спасибо, спасибо тебе... Насмешил мене...

XI

Ночью Ватсон, очень злой и недовольный, говорил Шерлоку:

— Целый час я бился с этим Виношвили и не мог добиться никакого толку.

— Но при чем тут Виношвили, милейший Ватсон?

Шерлок засмеялся и полуприсел в постели.

— Вы от него и не добьетесь никогда никакого толку. Кажется, дружище, моя шутка вообще немножко затянулась!

И, перестав смеяться, он уже серьезно сказал:

— Видите ли, милейший, идя по вашему следу, обязательно приходится упереться в стену. По совести говоря, я ведь вначале не думал, что вы серьезно можете принять Виношвили за виновника всей этой чепухи. А когда увидел — прямо признаюсь — хотел вас немножко проучить. Ведь записка с головой выдавала виновника!.. Помните сцену среди зала, помните, когда Джабаров, в ответ на просьбы Виношвили, швырнул на пол деньги? Эту сцену все видели и, конечно, можно было сейчас же предположить, что Виношвили не останется Джабарову другом и захочет ему отомстить. И вот на этом-то предположении настоящий вор и построил пока весь свой план, план, конечно, очень нехитрый.

— Макданьянц? — нерешительно произнес Ватсон.

— Ну да, Ватсон. Я думаю, что никто другой. Слишком очевидно. Может быть, ему помогла еще Урсула, но это уже неважно. Важно то, что мысль обокрасть Джабарова была у них давно. Помните, как бледнела Урсула, когда Джабаров на нее глядел? Ведь свое предположение о том,

что Джабаров обязательно будет в ту ночь обокраден, — я строил только на этом!..

Шерлок с значительным видом посмотрел:

— Подсовывают именно плащ Виношвили: он — мелкий игрок, человек почти забитый, и из-за пропавшего плаща шума не поднимет. А почему именно его вещь, а не кого-нибудь другого, — само собой понятно. Виношвили Джабарова ненавидит, Виношвили деньги нужны до зарезу, Виношвили из-за денег способен на все, Виношвили, наконец, туп, как бревно, и не сумеет выпутаться. Чтоб не могло быть ни малейшего сомнения в том, что это дело рук Виношвили, в карман его плаща предупредительно опускается еще свернутая в трубочку записка самого компрометирующего свойства. Эту записку новый владелец плаща обязательно должен найти, ибо по ней он увидит, во-первых, что плащ принадлежит Виношвили, во-вторых, что Виношвили и раньше искал денег довольно темными путями... Вот и все... Между прочим... эта записка у вас?...

— Да, я ее оставил.

— И хорошо сделали. Она нам пригодится... Конечно, вся штука рассчитана для человека недалекого ума. Но ведь это правда — Джабаров таков!.. Теперь, конечно, вы сами поймете, для чего я разыграл сегодня в зале комедию. Ведь нужно во что бы то ни стало усыпить Макданьянца, показать ему, что он прав, что Джабаров бросился по ложному следу, пусть этот вор даже не Виношвили. Значит, Джабаров не рылся еще в карманах и записки не нашел!.. Тем лучше... Это еще более запутывает дело! Лишь бы сыск его, Макданьянца, не захватил!

В настоящее время он совершенно спокоен, и это пока нам только и нужно. Впрочем, утро вечера мудренее!.. Теперь же спать, спать и спать!..

И с этими словами Шерлок отвернулся к стене и с головой завернулся в одеяло.

На следующий день, перед тем, как идти на Малый Фонтан, Шерлок развил перед Ватсоном план, который казался ему лучшим для скорейшего достижения цели.

— Я думаю, что нам следует теперь приналечь не столько на Макдэньянца, сколько на его сообщницу, Урсулу. Этот армянин зол, как черт, и упрям, как осел!

Шерлок Холмс и Ватсон пришли на «мельницу», когда игра была уже в полном разгаре.

Теперь Шерлок Холмс был загримирован молодым черноволосым человеком и производил впечатление не то приказчика, не то мелкого подрядчика.

Позицию он занял у того стола, где сидел Макдэньянец с сестрой. Он стал влево от банкмета, как раз около того места, где случайно уже стоял Виношвили. Ватсон стал направо.

Кивком головы и дружелюбной улыбкой, открывшей белые и острые, как у волка, зубы, грузин поздоровался со своим вчерашним приятелем. Ватсон ответил.

Понтировали почти вместе. И понтировали молча до тех пор, пока старая талия Макдэньянца не кончилась и не стали готовить ему новых карт. Тогда наступил коротенький перерыв.

Вот в это-то время легкого затишья Ватсон вдруг перегнулся через стол и протянул Виношвили развернутую бумажку. Он протянул ее перед глазами Макдэньянца, медленно и неловко, как бы не дотягиваясь до нужного места и так, что Макдэньянец легко мог видеть и даже успеть прочесть текст.

— Я забыл вам вчера передать, князь, эту бумажку; она выпала из вашего плаща!

Шерлок мог быть доволен номером.

Было слишком заметно, что Макдэньянец к этой мимоletной сцене не остался равнодушен. Он слегка побледнел и прежде всего бросил быстрый взгляд на Ватсона, но тотчас перевел его на Виношвили и с таким злым и жестоким

выражением, что бедный грузин, ничего не понимая, очень смущенный, отошел от стола.

Шерлоку больше ничего не нужно было.

Некоторое время спустя он тихо беседовал с Ватсоном.

— Вы говорите, что дело мастера боится, но, милейший Ватсон, это даже не половина, даже не четверть дела! Нам нужно во что бы то ни стало переговорить с Урсулой.

Шерлок говорил и в то же время не отводил глаз от стола. Там делалось что-то такое, что внезапно сильно привлекло его внимание.

— Клянусь честью, Ватсон, — прошептал он вдруг с сияющим лицом, — мы родились под счастливой звездой! Назовите меня дураком, если Макданьянц не посылает теперь Урсулу объясниться с Виношвили. Кажется, он лакает теперь свое кахетинское в конюшне, которую они называют буфетом. Идите за мной в проход. Она не может миновать его.

Шерлок не ошибся. Не прошло и двух минут, как в полутемном проходе появилась легкая женская фигура.

Шерлок решительно выступил из угла.

— Не пугайтесь! — Он слегка коснулся руки молодой девушки и говорил тем мягким голосом, который так нравился в нем женщинам. — Если вы желаете добра вашему брату, вы должны сделать то, что я вам сейчас скажу.

— Кто ты? — пробормотала Урсула, робко пятясь назад.

— Друг ваш... Не бойтесь меня... Укажите место, где нам не помешают говорить... Это нужно сделать сейчас же...

Урсула большими и недоумевающими глазами смотрела на Шерлока и не двигалась с места. Голос незнакомца подкупал. Она и верила, и не верила, и боялась.

— Ты не сделаешь Урсуле зла?.. Урсула никому не делает зла...

— Нет, нет... только ради Бога скорее!..

Любопытство превозмогло.

— Хорошо... Урсула верит тебе...

И, решившись, девушка быстро повела их вперед. Через узкую дверь они вышли на узенький, заросший травой двор.

XIII

Отойдя на несколько шагов вглубь, Урсула остановилась. Теперь со двора их нельзя было заметить.

— Говори скорей, — прошептала она, — брат ждет... сердиться будет.

Шерлок с минуту подумал. Нужно было сейчас же вырвать признание и тут же покончить с делом. Может быть, более удобного случая не выпадет. Но почему-то ему жаль стало вдруг молодой девушки. Может быть, она служит только слепым орудием в руках брата.

Все это мелькнуло у него в голове, когда он обдумывал, с чего начать. Наконец, он решился.

— Боюсь огорчить вас, Урсула, — начал он, — мне кажется, что вы сами по себе хороший человек и действуете больше по чужому наущению. Но вы должны знать, что вас и вашего брата обвиняют в тяжелом преступлении... Постойте... Не отвечайте мне, не обдумав. За вами непрерывно следят все эти дни... Следят с той ночи, когда заколотили ваше старое помещение... Все было замечено, взвешено и оценено, и ваша игра в ту ночь, и крупная игра, которую теперь ведет ваш брат. Все улики против вас... Вас почти накрыли... Я не спрашиваю, знаете ли вы, о чем я говорю. Вы знаете. Было бы бесполезно теперь отрицать. Ведь знаете, Урсула?.. Скажите мне... Я не желаю вам зла. Я помогу вам спастись. Теперь еще не поздно... Скажите!..

Некоторое время Урсула молчала, и слышалось только ее прерывистое дыхание.

Вдруг она чуть слышно пролепетала:

— Знаю...

— И прекрасно... Вам не придется жалеть о том, что вы признались.

Голос Шерлока стал мягче.

— Вижу, что вы честная девушка. Теперь нам будет легче говорить. Ваша вина ведь только в том, что вы слишком подпали под влияние брата...

— Макданьянц не брат Урсуле! — угрюмо перебила девушка.

— Ваш... друг?

— У Урсулы нет друга... Он муж мне!

— Жаль, — пробормотал Шерлок, — очень жаль...

Тихий, зовущий шепот ворвался в темноту.

Урсула встрепенулась.

— Ур-су-ла!...

— Это Аркел...

И в отчаянии молодая женщина вдруг бросилась к ногам Шерлока.

— Послушай... Не губи нас... Зачем пришел отнимать счастье у бедной Урсулы?.. У Урсулы никого нет... Жалей нас... На коленях прошу... Я говорила: «Идем, Аркел, в Армению... будем жить как все люди». Аркел не слушал, смеялся... «Пустяк», — говорил он... Ну, спаси нас, спаси ради Христа... Урсула за тебя всегда будет Бога молить... Послушай...

— Ур-су-ла! — снова донесся шепот.

— Ну, говори же, зачем молчишь?.. Мне страшно, что ты молчишь!

Шерлоку стоило труда оторвать Урсулу от своих ног. Он поднял ее.

— Выслушайте, что я вам скажу... Вы сейчас попадете к мужу и приведете его сюда... Попытка бежать вам не удастся... Вы окружены агентами со всех сторон... Можете мужу ничего не говорить... Но приведите его сюда и, если вы это сделаете, я обещаю вам, что употреблю все силы на то, чтоб спасти вас... И знаю, что мне это удастся... Я сам буду говорить с Джабаровым!

— Джабаров? — быстро переспросила вдруг Урсула. — Джабаров видел?.. Ах, я знала, знала, что он видел... Я говорила... Джабаров ненавидит Аркела... Джабаров погубит Аркела и Урсулу...

— Нет, нет... Джабаров вам ничего не сделает... Ручаюсь вам...

В третий раз настойчивее и громче послышался зов:

— Ур-су-ла!

— Бегу!

— Помните же, — шепнул ей Шерлок вслед, — мы ждем вас на этом же месте.

Урсула кивнула головой и исчезла.

XIV

Через несколько минут слышались легкий треск и шорох в кустах, и она предстала перед Шерлоком вместе с мужем.

Было по-прежнему темно, и Шерлок не мог видеть лица армянина.

Он решил теперь действовать прямо.

Твердыми шагами подошел он к Макданыянцу и опустил ему руку на плечо.

— Вы — Макданыянц Аракел?

— Я!

— Я — Шерлок Холмс!

Молчание было ответом.

— Если мое имя известно, то известно и то, о чем я буду с вами говорить.

— Понимаю, душа мой!

— Значит, и толковать долго нечего. Вы сейчас же вернете все до последней бумажки.

— Верну, будь спокоен!

Судя по спокойному, даже немного насмешливому тону, с которым Макданыянц говорил, было несомненно, что Урсула уже успела переговорить с мужем.

— Быть может, у вас это с собой?

— С собой не имеем. Не беспокойся, пожалуйста! До последней бумажка вернем... У приятеля схоронил... Верные руки — не беспокойся!

— Зачем же вы у себя не спрятали?

— Не желаем такой вещь держать... Понимаешь?.. Компрометирует нас... не желаем!..

Шерлок не мог не улыбнуться.

— Где же ваш приятель живет?

— Портова улица — знаешь?.. Заведение Макданьянца был? Ну, совсем близко — рядом... Порт пойдем — мигом достанем. Не беспокойся!

— В таком случае, пойдем туда сейчас же!

— Пойдем, пожалуйста!

Шерлока стало немного коробить отношение армянина к делу. Одно из двух — или Макданьянц не видел в краже никакого проступка, или он слишком был уверен, что это легко сойдет ему с рук.

Шерлок резко сказал:

— Закон сурово наказывает за кражу!

— Какая кража? — В голосе армянина послышалось искреннее негодование. — Какая кража, скажи, пожалуйста?.. Что фальшивый вещь взял?.. Зачем говоришь так?.. Что фальшивый вещь взял — не вором, — дураком ругай!

— Как фальшивые? — Шерлок страшно изумился. — Джабаров говорит...

— Джабаров?.. Много твой Джабаров понимает. Баран — Джабаров! Думает, деньгам наиграл — умный стал. Джабаров все скажет. Джабаров рад погубить Макданьянца.

— Послушайте, Макданьянц!

Шерлок даже стал немного волноваться.

— Теперь дело кончено, и нам нечего друг перед другом хитрить. Что я обещал — то все равно выполню. Объясните же мне одно... Джабаров вас и не подозревает, и ему никакого расчета нет лгать. Вы говорите: фальшивые! Хорошо... Пусть будет по-вашему! Но объясните мне, на какие средства вы ведете теперь игру?..

— Что?.. ха-ха-ха! Ты думал: краденое?.. Нет, душа мой. У Макданьянца свои деньги есть... Спроси! Все знают. Ты думаешь, мой клуб мало дает? Может, Макданьянц Джабарова богаче!.. Не думай! Макданьянц языком не болтает, — а про себя много понимает... Нет, душа мой, мы фальшивый бумажки не даем. Дураков мало — не берут! Понял?.. Мы и сами думали прежде — настоящее... И Виношвили думал. Денег просил мене, чтоб молчал... За что деньги? Ничего не дали.

— Вы про это и писали ему?

— Писал... Откуда знаешь?

— Это и есть та записка, которая так смутила вас сегодня и которую вы опустили ему в карман плаща?

— Зачем плащ? Зачем карман пускать? С женой посылал... В руки дали... Пусть не пугает ишак-дурак. Вот как... А ты скандал подымал... Зачем бедный женщина пугал?.. Зачем скандал подымал? Отдадим так... Все отдадим. Нам не надо... Ну, душа мой, хочешь порт ходить — сейчас пойдем. Только шляпу захватим. Не бойся — не убежим, сейчас придем!

И Макданьянц с Урсулой спокойно пошли к дому.

Некоторое время после их ухода приятели молчали.

— Знаете, Ватсон, — угрюмо сказал потом Шерлок, — вы, пожалуй, правы. Эти кавказцы, действительно, ужасные каналы!... Вора, правда, мы нашли — но должен сознаться, черт возьми, что я перестал что-то ясно понимать дело.

— Ну, — с улыбкой ответил Ватсон, — у меня перед вами преимущество. Так как я — не Шерлок Холмс, — то могу прямо сказать, что решительно ничего не понимаю.

XV

Было около одиннадцати часов вечера, когда все вчетвером отправились в порт.

Весь день в городе было тревожно.

Уже с раннего утра, с той минуты, когда к молу пристала шлюпка с «Потемкина» с телом убитого депутата-матроса, народ валом валил в порт.

Говорились речи, пелись песни, кричали «ура». В пять часов за трупом пришел катер с броненосца, и вот с этого момента начался тот дикий, фантастический разгул толпы, который навсегда останется в памяти одесситов. Люди, как бешеные, бросились в порт, и в мгновение ока были взломаны все пакгаузы, склады, магазины... Стали грабить... Тащили и уничтожали все, что попадалось под руку; шли и

ехали перегруженные узлами, а то, что не успевали уносить, рвали в клочки и бросали в море. Высушали шелком лужи шампанского и посыпали чаем, как опилками. И пьянели не столько от водок и вин, сколько от того страшного безудержа, который охватил всех.

В 9 часов в разных местах заколыхались факелы.

Когда наша маленькая компания очутилась на улице, было темно, но народ кишмя кишел, как вспугнутый рой. Тени людей сливались, и все тонуло в черном бурлящем потоке, который неудержимо стремился к одному месту — в порт. Здесь в предместье кричали, что путь в город отрезан, так как вся Одесса уже охвачена огнем. И это могло казаться: гигантское зарево, охватившее полнеба, ширилось, клубясь, росло, надвигалось и уже бросало кровавые отблески на надвигавшуюся толпу. Это был тот трагический момент, когда догорал уже внутренний порт каботажного плавания, с которого начался пожар, и вместе с бесчисленными пакгаузами и угольными складами занялась эстакада на моле.

Чем ближе подходили к городу — тем становилось все светлее и светлее. Стекла домов по пути горели отраженным огнем. И с каждым шагом людской поток делался шире и бурливее. Здесь и там попадались отряды пехоты, идущие быстрым, форсированным маршем. Проезжала конница... И вместе с клубившимся дымом и фонтанами огня и искр гул и звон стояли над городом.

Шерлок и Ватсон, как истые англичане, большие любители сильных ощущений, чувствовали себя превосходно и с жадным любопытством стремились вперед. Впрочем, картина захватывала всех, и даже потом, когда стали доноситься характерные звуки сигнального рожка, и в воздухе залп трещал за залпом, — никто не повернул назад.

Макдэнианц служил чичероне. Теперь Шерлок имел возможность убедиться, что армянин не только не хочет воспользоваться случаем и увильнуть от прогулки, которая не могла быть ему приятной, но как будто сам спешил развязаться с делом.

Около самого порта, где почти нельзя было пробиться, он ловко провел всех Нарышкинским спуском, и вскоре вся компания, вместе с толпой, двигалась по территории порта.

В это время на море, сверху донизу, как гигантские факелы, горели уже подожженные пароходы, и далеко-далеко, между этими стройными столбами огня, виднелся пустынный берег Пересыпи, залитый светом.

Крутом царили ужас и смерть. Среди трещавших балок и рушившихся стен, освещенные колеблющимся пламенем, вопили, метались и падали обезумевшие люди. С гиканьем и дикими криками проносилась толпа и — трах-та-тах... сейчас же рассеивалась, оставляя скомканным живым копошившиеся массы.

Трах-та-та-тах... Трах-тат-та-тах...

XVI

Макданьянц повернул в Портовую улицу, и словно все вырвались из пекла. Вздохнули свободно. Похоже было на то, будто волны доходят только до этого места. Вспыхнула электрическая станция, и весь народ бросился туда.

И глядя на красную от огня, но тихую, словно вымершую улицу, не верилось, что это рядом, в двух шагах, звучат выстрелы и валятся люди.

Но горело и здесь. Пламя медленно ползло вдоль улицы и точно тихо слизывало жалкие домишки.

Около какого-то деревянного строения Макданьянц остановился.

— Ну, слава Богу! — сказал он. — Думал, уже пропал дом, и Макданьянц пропал. И ты говорил бы: «Вор Макданьянц, мошенник». Ну, слава Богу!.. Подожди, пожалиста, здесь... Я мигом сейчас... Я знаю, где лежит...

И он скользнул в ворота, но в воротах на секунду приостановился и, покачав головой, показал рукой на противоположную сторону, где, в нескольких шагах от них, только-

только занималось какое-то здание. Все посмотрели туда и поняли, в чем дело. Горела та самая старая «мельница» Макданьянца, где и заварилась вся каша.

Подошли поближе.

Очевидно, около нее, а может быть, и в ней, сегодня уж кто-то распоряжался. Доски от окон и дверей и сами двери были оторваны, и зияли огромные черные дыры.

Огонь охватывал здание сзади. По стене пламя медленно поднялось вверх, лизнуло крышу и поползло вперед.

Все смотрели.

Тонкий огненный язычок выбежал вперед, перегнулся, заглянул, струясь, в темное нутро, осветил на секунду какую-то пустынную каморку, вырвал из мрака призрак фантастической фигуры в глубине и побежал обратно.

Шерлок узнал это место и лесенку в несколько ступенек и самую каморку: это была прихожая.

Снова выбежал язычок и еще один сбоку, встретились по дороге, мигнули друг другу и скрылись.

И вдруг тысячами таких язычков все пламя, шипя, перегнулось через крышу, и разом темные отверстия стали ярко-красными, и все осветилось до последней щели. Урсула вскрикнула не своим голосом. Сам Шерлок побледнел.

Стало несомненным, что внутри спал человек. То, что им померещилось, — было в действительности. Человек, очевидно, мертвецки пьяный, спал почти стоя, навалившись грудью на стену и упираясь головой в угол. Через минуту он должен был обратиться в факел.

И лишь только мелькнула эта мысль, — Шерлок, не думая, бросился вперед, но... Ватсон его предупредил.

— Стойте, Шерлок!.. Ваша жизнь нужнее моей!

И прежде, чем могли опомниться, он пропал в огне.

Две или три минуты протянулись, как вечность. За это время дом уже кругом охватило огнем, и он весь пылал, как один огромный костер. Ватсон не показывался.

Подоспевший Макданьянец, со свертком в руках, тронул было Шерлока за плечо, но Шерлок сурово отбросил его руку.

— Черт возьми!.. Не лезьте ко мне теперь!..

Уже слышался треск, уже шатались стены, уже крыша грозила падением... Еще секунда... и вдруг, весь черный от дыма и сажи, с тлеющими волосами, закрывая руками лицо, выскочил из пламени Ватсон. В руках у него ничего не было.

— Ну? — разом вырвалось у всех.

— Поздно! — ответил Ватсон, отнимая руки от лица.

Глаза у него были смущенные, и он избегал смотреть прямо.

С огромными трудностями, только к часу ночи, им удалось вырваться из порта.

XVII

Дорогой некогда было говорить. Пробираясь сквозь волнующиеся сплоченные массы людей, они могли только думать о том, как бы добраться целыми до гостиницы.

Вне порта толпа бурлила еще сильнее.

В гостинице перевели, наконец, дух.

Оказалось, что Шерлока давно уже ждал Джабаров. Армянин был очень взволнован.

— Пришел! — воскликнул он, просяив. — Ну, душа мой, очень пугал нас! Думали — совсем тебе конец! Шибко страшно ходить!.. Ну, говори... Ждем тебе — спать не можем! Говори — благодарить тебе нужно, или нет!..

Шерлок снисходительно усмехнулся.

— А вы слышали, Джабаров, чтобы Шерлока приходилось когда-нибудь ругать?

И с легким, небрежным кивком головы он сказал, обращаясь к Макданьянцу:

— Ну-с, Макданьянц, давайте-ка сюда!.. Да не копайтесь там!..

И он взял из рук Макданьянца бумажный сверток.

Он взял... и вдруг отступил на шаг... и сделал большие, невероятно большие глаза.

Словно молния, пронеслось воспоминание... Где-то он видел уже этот сверток.. Да... да... Память не могла ему изменить... Где бы это было?.. Да, да... На той же «мельнице» Макданыянца... и... в ту же ночь... Его вынимал тогда из кармана Мавротокис... вместе с деньгами вынимал! На столе валялся...

Ах, так вот что они принесли, так вот у кого они совершили кражу!.. Так вот почему Мавротокис так пристально смотрел на него, когда он разыгрывал пойманного вора!..

А пакет Джабарова? Где же он?

— Что здесь? — спросил он упавшим голосом.

— Как, душа мой, что? Сам понимаешь, что! Посмотри — что!

Шерлок посмотрел.

Это был пук подложных квитанций N-ского общества транспортирования кладей, тех самых квитанций, владельцев которых уже сама полиция разыскала и которым — Макданыянц был прав — цена, действительно, была теперь грош!

Шерлок сделался бел, как мука.

Джабаров посмотрел на него, он на Джабарова.

Вот тут-то и разыгралась неожиданно маленькая сцена, которая никем, даже великим Шерлоком, не была в тот момент понята.

Мягко приподнявшись, Ватсон выхватил вдруг из кармана и бросил на стол толстый пакет, обернутый в газетную бумагу.

Из него вывалились деньги, бумаги, кольцо. Шерлок невольно вскрикнул слегка.

— Тут все, господин Джабаров?

— Душа мой!..

Джабаров бросился к столу.

— Все ли тут?

— Ах, душа мой... душа мой...

Дрожащими пальцами Джабаров стал считать. Все молчали. Шерлок глядел, ничего не понимая и не веря своим глазам.

— Все, все!..

И, захлебываясь от восторга, армянин воскликнул:

— Бери деньги... Деньгам — плюем!.. Бери, пожалуйста... все бери... За перстень, за документ... Ради Бога, просим тебе... бери!..

— Это может быть делом Шерлока Холмса! — холодно заметил Ватсон и, бросив на Шерлока быстрый взгляд и опустив потом улыбнувшиеся на миг глаза, скромно добавил:

— Я тут ни при чем.

Как найден был пакет, никому не было объяснено, и через десять минут нумер был свободен от гостей.

И вот тогда, именно только тогда, Шерлок поднял низко опущенную голову.

— Благодарю вас, Ватсон, — тихо сказал он, — вы спасли мою репутацию!

И, краснея, добавил еще тише:

— Может быть, вы будете также добры объяснить мне... в чем дело?

— В чем дело?

Морщась от смеха, Ватсон с забавной гримасой обезьяны почесал себе нос.

— Видите ли, Шерлок... Дело довольно-таки простое, нужно признаться... Представьте себе: этот тупоголовый баран, этот кретин взбаламучивает всех, подымает на ноги самого Шерлока Холмса и только потому, что... второпях хватает чужое пальто, а свое оставляет на вешалке... Да, да. Шерлок... Не делайте таких глаз... И, когда я бросился в огонь спасать человека, то не мог его спасти по той простой причине, что человека не было, а было только пальто, которое можно было принять за человека... Да, да... Оно преспокойно висело там все это время на вешалке... И вот того, как мы сразу не напали на мысль, что пальто среди поднявшегося переполоха просто-напросто могло остаться на вешалке, вот именно этого я действительно не понимаю!

— Ватсон!!!

Шерлок закрыл руками лицо.

— Ватсон!.. Ради Бога, Ватсон... Я и вы... Только я и вы... Европа тут ни при чем... Европа ничего об этом не должна знать!..

Вот почему, мы думаем, Ватсон в своей истории и не упоминает ничего об этом деле.

Аноним

ШЕРЛОК ХОЛМС В БАКУ

От автора рассказов «Шерлок Холмс в Москве» и «Шерлок Холмс в Одессе» мы получили и помещаемый ниже рассказ. Автором опять были приняты все меры, чтобы сохранить анонимность. Но конверт получен нами не из Баку, — как бы следовало ожидать, судя по содержанию рассказа, — а из Варшавы. Цель, которую преследует автор в этих рассказах, определяется совершенно ясно.

I

ревожные вести из Баку появились в начале 1905 года. Между съехавшимися из окрестных селений татарами и местными армянами произошло столкновение, столкновение перешло в битву, битва в погром, и это продолжалось четыре дня. Четыре дня царствовала полная анархия. Сжигали дома, вырезывали и сжигали живьем целые семьи. На промыслах, где только что кипела жизнь, стало тихо и пустынно, как на кладбище.

Мирные горожане запирались, дома были превращены в крепости и окружены баррикадами, и по опустевшим улицам с гиком носились татарские орды, опьяневшие от крови. В столицу полетели телеграммы за телеграммами. И это напряженное ожидание новых ужасов и пожаров продолжалось несколько дней.

Наконец, удалось повлиять на армянское и мусульманское духовенство, и была устроена торжественная процессия. На виду у всего волновавшегося народа шейх-уль-ислам поцеловался с армянским епископом, шейх-уль-ислам посетил армянский собор, а армянский епископ — мечеть. И здесь, и там были произнесены проповеди. И водворилось как будто спокойствие.

Но было очевидно, что спокойствие только наружное, что страсти не улеглись и под легким пеплом продолжают бурлить.

Каждую минуту можно было ожидать новой вспышки. И нефтепромышленники были настороже.

II

Настоящий мятеж вспыхнул в августе, в Шуше. Он начался разгромом и осквернением Акулинской армянской церкви. Татары завладели ею, обратили в крепость и, прочно засев, начали стрелять оттуда в мимо бегущих армян.

В церковь была брошена бомба.

Тогда татары ринулись на город, и в мгновение ока вспыхнули подожженные армянские дома и магазины. И в столбах дыма и огня среди рушившихся стен закипел отчаянный бой.

Попытки устроить, как прежде, примирительную процессию были безуспешны. Изрешетили вынесенные хоругви, и, не обращая ни на что внимания, люди, как бесноватые, метались и бросались друг на друга. Повсюду шмыгали какие-то люди с пучками воззваний, и мятеж, как пожар, разносимый ветром, стал перебрасываться с селения на селение, с уезда на уезд.

Уже целые полчища осаждали армянские поселки Хидзореск, Дигу, Арару, Зейву, Хознавар, Гарар... Все шире и шире раздвигалось кольцо, все ближе и ближе к центру, к Баку. Уже бакинские татары глухо волновались, а дашнакцутюны спешно заготавливали оружие для наемных кадров

зинворов-боевиков...

И вдруг в одну ночь словно плотина прорвалась. Разом в двадцати местах, на главнейших бакинских промыслах, в Балаханах, Романах, Сабунчах, в Забрате — взвились гигантские столбы огня. Вспыхнули вышки. Пропитанные нефтью, они вспыхивали, как порох, и в мгновение разгорались широким и страшным огнем, черпая все новую и новую силу из бивших фонтанов.

А на улицах уже творился ад. С воем и гиком носились черные массы людей, и каждый переулок выбрасывал все новые и новые массы.

Сейчас же выдвинутые войска были встречены градом камней. Толпа только на секунду расступалась перед налетавшими казаками, но сейчас же опять сливалась, и под трещащими залпами, волнуясь и грозно бушуя, несла дальше смерть и разрушение.

Город объял ужас. Ждали, что подожгут Черный и Белый города с их керосиновыми заводами и близлежащие вышки на Биби-Эйбате.

И все-таки нашлись смельчаки, которые рискнули броситься в этот ад, чтобы спасти не горевшие еще промыслы.

III

Маленькая кучка людей, переодетых татарами, осторожно пробиралась переулками по направлению к Биби-Эйбату. Это были рабочие Тер-Абовиана, только что начавшего выдвигаться нефтепромышленника. Его участки, на которых недавно забили чудовищные фонтаны, выбрасывавшие в день по 150 тысяч пудов нефти, оценивались в десятки миллионов, и их решено было во что бы то ни стало отстоять. Во главе экспедиции находился старший сын Тер-Абовиана, Григор, заведовавший отцовскими промыслами.

Несмотря на то, что его почти насильно удерживали отец и жена, он настоял на том, чтоб идти, как во время февраль-

ской резни настоял, чтобы дом их был открыт для беглецов-армян.

По дороге к ним присоединялись еще группы рабочих и служащих других промыслов; все они бежали к Биби-Эйбату, охваченные ужасом, что сейчас вспыхнут вышки.

На Баилове уже кишмя кишел народ. Гора шевелилась, как живая. Кричали, что вышки уже горят, что у берега зажглась нефть.

Молодой Тер-Абовиан первый увидел эту величественную и страшную картину. Горела плававшая нефть, но казалось, что зажглось море, и что разбегающимися волнами сейчас весь Каспий будет охвачен огнем. В то же время было видно, как занимались вышки одна за другой. Огонь с них не перебрасывался. Зажигаемые чье-то невидимой рукой, они вспыхивали в разных местах, словно разбросанные по полю гигантские свечи. И от них, и к ним бежал народ. Было несомненно, что их поджигали.

На маленьком мостике, который отделяет Баилов от промыслов, какой-то мимо бежавший армянин заглянул Тер-Абовиану в лицо и крикнул с ужасом по-армянски:

— Назад, Грикор, назад! Татарва прорвалась! За моей спиной смерть!

— Вышки? — еле выговорил Тер-Абовиан.

— Подожгли!

Абовиан со стоном схватился за перила. Миллионы, которые он бежал спасти, уже были в огне. И вдруг, с перекошенным лицом, прежде, чем его могли остановить, он ринулся вперед, увлекая за собою рабочих.

От дыма, огня и запаха нефти становилось все труднее и труднее дышать. Горячий воздух обжигал лица. Земля жгла ноги. И все-таки маленькая группа людей пробилась к тому месту, где горели вышки. Теперь, впрочем, горели уже не только вышки, но и амбары, и бассейны, полные нефти. С треском разрывались резервуары. Какие-то люди кучками носились от вышки к вышке, от бассейна к бассейну и бросали горящие факелы.

Вот двое остановились около нашей компании. Понюхали воздух, как гончие, что-то шепнули друг другу и скры-

лись. Где-то тихо свистнули, где-то ответили на свист... Метнулись какие-то тени, и вдруг целая толпа окружила ее тесным кольцом. Кто-то сказал по-татарски:

— Это армянские собаки!

Кто-то со странным безволосым лицом скопца пристальнее взглянул на Тер-Абовиана и добавил:

— Это собака, спасавшая других собак!

Какая-то женщина крикнула:

— Сжарить живьем!

И десятки голосов дико заревели:

— В огонь! В огонь!

Раздался выстрел, второй, третий... Груды тел сплелись и покатались по земле, борьба завязалась на жизнь и смерть, и вдруг над головами высоко взметнулась чья-то темная фигура и грузно упала в кипящее озеро.

Крик ужаса вырвался у рабочих.

Это был молодой Тер-Абовиан.

IV

Только под утро старый нефтепромышленник узнал о страшной участи, постигшей его сына. Весть об этом принес один из надсмотрщиков, Арменак Назарьянц, каким-то чудом спасшийся от татар. Он рассказал еще, что в огне погибли почти все вышки англичан, что в Кишлах, где у Тер-Абовиана тоже были участки, армяне окружены, но не сдаются, что в числе осажденных есть женщины и дети, что на рядом лежащих промыслах Мирзоева, Питоева и Манташева с минуты на минуту ждут прибытия войск.

Тер-Абовиан слушал молча. Он понимал, что теперь не время предаваться отчаянию. И он затаил свое горе, но дал себе клятву хотя бы ценою всего своего состояния найти убийц.

По рассказу Назарьянца он видел, что сын его сделался жертвой не толпы, а маленькой кучки людей, которая знала его в лицо, вероятно, искала уже и, наконец, бесчеловечно

отомстила за спасение нескольких армянских семейств в феврале.

Назарьянц говорил, что из всей шайки он узнал бы двух: женщину с темными глазами и мужчину с худым, безволосым лицом, похожим на лицо евнуха. Тер-Абовиан это запомнил. Пока же нужно было приниматься за дело.

У него были сношения с английскими нефтепромышленниками, и весь о том, что большинство английских промыслов погибло, а остальным угрожает опасность, навела его на какую-то мысль и заставила сейчас дать срочную телеграмму в Лондон. Телеграмма была шифрованная, обстоятельная и длинная. И она имела два важным последствия.

Во-первых, Лондон сейчас же потребовал, чтобы были приняты все меры к охране жизни английских подданных. Во-вторых — во всех английских и американских газетах на другой же день появилось гигантскими буквами объявление, в котором обещалось царское вознаграждение в 50 тысяч фунтов стерлингов всякому, кто разыщет главных виновников поджога бакинских промыслов. Высказывалось, между прочим, предположение, что это дело рук нескольких человек, вернее всего, членов какой-нибудь междunarодной шайки анархистов.

Таким образом, объявители как будто сами давали конец нити в руки.

Это объявление стало повторяться изо дня в день.

V

Один из негласных, но очень значительных пайщиков английских промыслов, хорошо известный всему лондонскому торговому миру, как владелец колоссальнейших мукомолен в Англии, мистер Эдвин Тор — в течение двух дней получил последовательно семь телеграмм из Баку.

В трех сообщалось, что приняты энергичные меры и есть надежда на спасение промыслов, которые еще не захвачены

мятежниками, и наводились справки о том, отозвались ли в Англии на объявление.

В одной подробно описывалась осада селения Кишлы, где армяне, соединившись с промысловыми рабочими, уже несколько дней отражают нападения многотысячных татар, несмотря на отсутствие хлеба и воды. Упоминалось о каких-то темных, вновь появившихся, никому не известных и даже между собою незнакомых людях, которые рыщут повсюду и что-то вынюхивают. А в конце снова вопрос об объявлении и просьба о наискорейшей присылке агентов.

Эти четыре телеграммы были получены в один день. Потом последовал перерыв в двадцать восемь часов, и только на другой день к ночи получились три телеграммы подряд почти с одним и тем же содержанием.

Читая их, мистер Эдвин Тор сильно хмурился.

В последней говорилось: «Подозрительные лица, о которых я упоминал, принадлежат к опаснейшим типам анархистов-одиночек. За два дня они перезнакомились меж собою. Составлен, очевидно, общий план. Есть вероятие, что они же тайно руководили движением, находясь за границей. Не захваченные промыслы в опасности. Каждый час дорог. Удвойте, утройте куш. Полцарства за ловкого агента».

Эта телеграмма получилась уже к утру, и мистер Эдвин Тор читал ее, лежа еще в постели. Но через пять минут он был на ногах, через десять — умыт и одет, а двадцать минут спустя, уже успев позавтракать, сидел в экипаже, запряженном парой рысаков, которых так же хорошо знали в Сити, как и на лондонском ипподроме.

VI

Шерлок Холмс только успел сесть за свой ранний кофе, как ему доложили о посетителе, который хочет его видеть. Было шесть часов утра. Очевидно, только очень важное и

неотложное дело могло кого-нибудь заставить явиться в такую рань.

Согласно своему правилу: дело прежде всего — Шерлок сейчас же встал.

Два часа после этого он не показывался. Два часа просидел он с кем-то, запершись в своем кабинете, и никто не видел потом, кого он провел потайной лестницей, которая начиналась у него же в кабинете.

Когда он явился, наконец, в столовую, на лице у него ничего нельзя было прочесть. Оно было невозмутимо, как всегда.

— Ну-с, Ватсон, — спросил он спокойно, — что новенького в газетах?

Ватсон, привыкший к тому, чтобы скрывать свое любопытство, небрежно ответил, не подымая от газеты глаз:

— Да все то же... Россия и Россия!..

— Есть телеграммы из Баку?

— Есть! Прочесть?

— Читайте!

— Вот последняя: «На промыслах, заводах и в городе положение ухудшается. Сильный норд, пожары, разгромы. Все рушится. Положение критическое».

— Больше ничего? А виновники?

— О виновниках ни слова!

Шерлок задумался.

Ватсон хорошо знал: великий английский маг и волшебник только потому не едет в Баку, что обратились не прямо к нему, а просто стали вызывать охотников через объявление. Ватсон знал, что дело это очень интриговало Шерлока помимо суммы вознаграждения, что он охотно взялся бы за него и даром, не сложись так обстоятельства. Но Ватсон знал также и то, что ни за что в мире Шерлок не поступится своим самолюбием, и поэтому избегал говорить с ним о Баку и бакинских событиях.

Каково же было его удивление, когда Шерлок поднял голову и вдруг просто сказал:

— Ватсон! Вы едете сегодня в Баку!

— Я?!

— О, yes!.. Вместе со мною!.. Вы давно жаждали видеть Кавказ, и я был бы подлецом, если бы не дал вам возможности познакомиться с ним!

Ватсон вскочил с места.

— Bravo! Наконец-то, Шерлок! Значит, 50 тысяч фунтов стерлингов не минуют-таки ваших рук!

— 50 тысяч?.. За кого вы принимаете меня, Ватсон? Это приманка для мальчишек! Шерлоку Холмсу предлагают вдвое больше!

— Сто тысяч?!

— Да, сто!..

VII

На Лалаевском проезде, одна против другой, окна против окон, помещаются две лучшие гостиницы Баку, «Гранд-Отель» и «Европа». Обе были рекомендованы Шерлоку, ибо обе могли доставить приезжему одинаковый комфорт и одинаковые удобства. Шерлок остановился во второй.

Это было в конце августа, когда мятеж был в разгаре и наскоро подсчитанные убытки определялись в колоссальную сумму — 50 миллионов.

Город окутывал густой, черный дым; ветер, дувший с моря, вместе с тучами песку и пепла, приносил запах гари, нефти и жженных костей, ужасный смрад, от которого не могли защитить стены и от которого люди заболели. Где-то далеко слышались ружейные выстрелы, и через правильные промежутки, заглушая их, воздух прорывали густые бухающие звуки артиллерийских орудий. Но на улицах, где не было бойни, стояла тишина, такая страшная, что казалось, все люди вымерли.

Наскоро устроившись, Шерлок сейчас же принялся за дело.

Там, где упущение в минуту могло грозить опасностью, он не позволял себе отдыха и мог работать столько же часов, сколько их имели сутки.

Прежде всего, он слегка заgrimировался. Два искусных, едва заметных штриха вдоль щек, наложивших на лицо как бы первый налет наступающей старости, пенсне, небольшая заостренная бородка с легкой сединой, изящный, но не франтовской костюм, — преобразили его в пожилого француза-туриста, одного из тех, которых любопытство и свободные деньги гонят по всему свету.

— Вы, Ватсон, можете одеться мне под масть! Мы сделаем маленькую прогулку!

План города был уже тщательно проштудирован Шерлоком в дороге, и он мог смело пуститься в путь, никого ни о чем не спрашивая.

Был уже вечер, когда приятели вышли. Стоял тот же густой дым. Дувший ветер обвевал лицо тем же тяжелым, невыносимым смрадом и, как прежде, издали, вероятно, с Биби-Эйбата или более далеких промыслов — Балаханов или Сабунчей — доносилась канонада. Солнце заходило, и его путь обозначался в тучах дыма зловещим багровым отсветом.

На улицах кое-где попадались люди. Это были большей частью русские, которые менее других могли опасаться нападений.

Из отрывочных разговоров, схваченных на лету, Шерлок узнал, что накануне должно было состояться совещание представителей борющихся партий, но татары по чьему-то наущению не явились. Опасались, что ожидавшийся мир вряд ли будет теперь так скоро заключен. Между прочим, все сходились в том, что темные массы татар продолжают разжигать Бог знает откуда понаехавшие темные люди.

Шерлок жадно прислушивался. Оказывалось, что сведения, полученные им в Лондоне, совершенно согласовались с тем, что он случайно услышал на улице. И там, и здесь шла речь о кучке людей, которые пользовались разбойничьими инстинктами толпы для каких-то неведомых целей.

Но если о них говорили, — значит, их видели, значит, их пробовали ловить... Неужто же они так неуловимы?

Развивая план будущих действий, Шерлок шел очень быстро и через несколько минут незаметно очутился у чах-

лого скверика, называемого «Молоканским садом». Здесь он сразу остановился. Это была та часть Биржевой улицы, которую он искал. Бросив беглый взгляд на дома, он выбрал один из самых больших и солидных и подошел ближе к воротам. На их наружной верхней части была надпись: «Тер-Абовиан».

Тогда Шерлок кивнул Ватсону головой и оба скользнули в ворота.

VIII

Очевидно, старый нефтепромышленник был предупрежден относительно возможности прихода такого рода гостей, ибо, когда Шерлок и Ватсон представились ему, он не выказал ни малейшего изумления. Но в его грустных и потухших глазах блеснуло что-то похожее одновременно и на радость, и на жалость, и на тоску.

— Ах, дорогой мистер Холмс, — сказал он на прекрасном английском языке, — если б вы были здесь раньше, быть может, не случилось бы много такого, что уже безвозвратно потеряно! Ваш ум и энергия дали бы возможность предупредить...

Шерлок опустил на секунду глаза: он понял, что старик говорит о сыне.

— Но об этом тяжело говорить, да и поздно! Будем говорить о деле! Итак, вы хотите получить от меня необходимые сведения? Кстати, вы аккуратно получали телеграммы в дороге?

— Да, благодарю вас.

— Знаете вы, что Кишлы еще держатся?

— Знаю.

— Знаете вы, что сегодня могло состояться перемирие, но вчера кто-то опять взбунтовал татар?

— Да, я случайно уже слышал об этом.

— Это почти все. Все остальное, что вам необходимо знать, полнее даст вам один из моих служащих, который

был свидетелем всего.

И Тер-Абовиан велел позвать Назарьянца.

Надсмотрщик явился. Это был средних лет, высокий и сильный человек с темным, обветренным лицом; он был давнишний, испытанной верности слуга дома Абовиана, начавший здесь свою службу еще мальчиком. Очевидно, Шерлок мог смело доверять ему, но сведения, которые тот давал, были очень скудны. Назарьянец помнил только два лица, мужское и женское, и в своем рассказе упорно сводил все к этим двум лицам, словно они преследовали его, как кошмар.

— Это были татары? — спросил Шерлок.

— Не знаем! Мужчина, черный брюнет с совсим голым мордам! Волос, как у мене подошва. Совсим нэт волос!

— Высокий? Маленький?

— Ростом тебе шибко похожим!

— Вы узнали бы его?

— Зачем нэ узнать? Хорошо помним! Будь спокоен!

— Быть может. Вы встречали его еще после этого?

Глаза Назарьянца мрачно блеснули.

— Нэ понимаешь? Нэт? Встречал бы — кинжалом глоткам тыкал, кишкам выпускал, татарский котлет делал. Понял?

— Ну а женщина? Она была одна с ними или были еще и другие?

— Нэ скажу! Что видал — видал! Может, и другая! А ее, как все равно тебе, помним. Маленькая, с большим глазом, как у ишака!

— Темные глаза?

— Совсим темные, как сажа.

— Они говорили все по-татарски?

— Нэ слышали! На совесть нэ берем. Ругали по-татарски, били по-татарски, огнем жгли по-татарски, а говорили — нэ слышали. Может, по-татарски, может — нэт!

Шерлок Холмс слегка нахмурился и отпустил Назарьянца.

— Быть может, в недалеком будущем, — сказал он Тер-Абовиану, — нам и придется воспользоваться глазами вашего человека, но покамест ограничимся тем, что он дал.

— Во всяком случае, — сказал старик, — мой дом, мои люди, моя касса и я сам каждую минуту к вашим услугам. Шерлок поклонился.

IX

Не откладывая дела в долгий ящик, Шерлок решил в ту же ночь отправиться в Кишлы. В гостинице оба переменяли грим. Теперь их трудно было отличить от любых персидских купцов, которые наводняли Баку.

Был уже час ночи. Очевидно, обе воюющих стороны утомились за день; было тихо, и город спал. Светила луна, и мягкий свет падал на плоские крыши татарских домов. Можно было вообразить себя где-нибудь в азиатском городе: на крышах виднелись одинокие фигуры в халатах и чалмах. Это татары спасались от накаленных стен домов. Некоторые тут же спали, некоторые тихо шептались, глядя на полусожженный город. Кое-где попадались женские фигуры, с лицами, закутанными в чадры.

За лалаевским проездом по дороге к набережной наши приятели увидели высокое облако черной пыли, которое окутывало какую-то фантастическую группу и медленно двигалось к ним. Это был караван, который, пользуясь затишьем, снялся ночью и отправлялся теперь в Персию. Высокие одnogорбые верблюды, нагруженные тюками, протянулись мимо них гуськом один за другим, сонно уставившись в землю, и погонщики-персы с удивлением посмотрели на двух своих братьев, которые бодро шли к тому месту, откуда все бежали.

На больших улицах, Меркурьевской, Морской, Телефонной, с интернациональным европейским населением, тоже все спало. Получалось такое впечатление, будто все живое бросило на произвол судьбы свои жилища и бежало, куда глаза глядят. И дома стояли покинутые, грустные и одинокие.

Вступили в Черный Город, с его заводами, фабриками и мастерскими. Здесь — Шерлок знал — начинался знаменитый нефтепровод, который шел к Батуму на расстоянии более тысячи верст. Это сооружение, которое стоило таких колоссальных денег и произвело целый переворот в ходе русской нефтяной промышленности, начиналось скромным одноэтажным зданием, ничем не отличавшимся от простого обывательского дома. Но сюда по трубам, проложенным от всех промыслов, каждый день стекались миллионы. Теперь он бездействовал.

Шерлок и Ватсон долго стояли перед зданием, до тех пор, пока какая-то группа оборванцев, вынырнувшая из-за угла, не заставила их двинуться дальше.

Шерлок вскользь посмотрел на группу и задумался.

— Как много кругом сожженных домов! — сказал он про себя. — А нефтепроводная станция, которая стоит миллионы, цела! Тут есть над чем призадуматься, пожалуй; дело даже не в том, что она лучше охранялась. У бунтовщиков не было раньше общего плана. Они действовали совершенно слепо, не отдавая себе отчета. Дом так дом, завод так завод, ларек с яблоками — вдребезги и ларек. Теперь же начинает замечаться какая-то опасная планомерность. Появились, очевидно, руководители! Мне, например, Ватсон, сильно не нравится то, что кроме нас еще кто-то осматривал сейчас здание нефтепровода. Конечно, это может быть случайность, но все-таки...

Шерлок говорил все медленнее и медленнее и пристально смотрел вперед.

— Не нравится мне еще, Ватсон, — сказал он, весь как-то напрягаясь вдруг, но не ускоряя и не замедляя шага, — что эти люди остановились вон там, на перекрестке, и ждут, очевидно, пока мы не поравняемся с ними или не пройдем мимо... Не хватайтесь, Ватсон, за револьвер! Револьвер — это последняя инстанция! Будем спокойно приближаться и продолжать нашу беседу. Итак, я говорю, что раз есть руководители, мятеж может принять совершенно новые, опасные формы... Побольше хладнокровия — вы начинаете топиться!.. С появлением системы — борьба уже становится

ся труднее!.. Не смотрите так в их сторону! Сделаем вид, что считаем их такими же случайными гуляками, как и мы сами. Итак...

Х

Поравнялись и тихо прошли мимо.

Оборванцы стояли группой и молча встретили их глазами. В группе было, вероятно, человек шесть-семь. Впереди четверо пожилых мужчин, все густо обросшие бородами, в рваных татарских полуказакинах-полухалатах; широкими спинами они прикрывали еще каких-то двух или трех человек, которых трудно было рассмотреть.

Никаких враждебных действий никто из них не проявлял.

Тем не менее, когда наши приятели отошли настолько, что их уже нельзя было слышать, Шерлок сказал:

— По совести, Ватсон, мне все это не по нутру!

— Что именно?

— Хотя бы то, что они нас молча пропустили. Почему молча? Мне бы больше понравилось, если бы они заговорили с нами, даже напали! Право! По крайней мере, было бы известно, с кем мы имеем дело. Нет, Ватсон, это не то! Я бы дал сейчас пять фунтов стерлингов, чтобы иметь возможность оглянуться... Пойдите!..

Шерлок уронил платок и, наклонившись за ним, внимательно посмотрел назад в пространство, которое образовалось между его широко раздвинутыми ногами.

— Стоят еще... Следят... Вероятно, думают вернуться к нефтепроводу... А впрочем, может быть, они ждут, чтоб мы скрылись, а потом тихонько пойдут по нашим следам... Не ускоряйте, Ватсон, шага... Так...

Оба по-прежнему тихо подвигались вперед.

Они уже миновали Белый Город и вышли теперь в широкое поле, которое раскинулось на далекое пространство и вело к самым Кишлам. По земле, словно гигантские сказоч-

ные змеи, тянулись толстые нефтепроводные трубы, шедшие от промыслов к главному нефтепроводу в Черный Город. Некоторые уже были сломаны, но из черных впадин ничего не текло: по ним давно уже не бежала нефть. Кое-где, в поле, виднелись низкие постройки, выложенные камнями, которые Шерлок принял сначала за сакли. Это были запущенные колодцы. Около них шли полосы земли, недавно, очевидно, возделывавшиеся, но теперь затоптанные, с перемятыми и раздавленными остатками листьев и стеблей.

Прошли полем версты три, и Ватсон предложил сделать маленький привал. Это было кстати, так как оба порядочно устали. Выбрали широкий камень, лежавший недалеко от дороги.

Теперь они могли видеть и ту часть поля, которая лежала позади.

По-прежнему ярко светила луна, и в четверти версты от них, или даже ближе, в лунном свете отчетливо выделялись шесть фигур, которые медленно приближались по той же самой дороге, которую они только что прошли.

Случайно или нет, но характер был таков, что за ними не переставали следить.

— Хорошо, — сказал Шерлок, — теперь мы сделаем с ними то же, что они с нами! Мы пропустим их мимо себя! Подождем!

Долго ждать не пришлось. Спустя пять минут группа в том же порядке, как шла, приблизилась и прошла мимо.

Шерлок вздрогнул вдруг и крепко сжал Ватсону локоть.

— Женщина! — прошептал он. — Среди них есть женщина! Смотрите!

Ватсон видел. В хвосте шла маленькая фигурка, закутанная в клетчатый плащ. Из-под плаща виднелись шаровары, чулки и крохотные туфельки без задков, какие носят татарки. Женщина была без чадры и, когда она проходила мимо, можно было видеть молодое, смуглое лицо с темными, как ночь, глазами.

— Ватсон, верите вы в рок?

Шерлок спросил это, странно щуя глаза, и потом глубоко задумался.

— Говорят, Ватсон, — сказал он после долгого молчания, — что я ловок, проницателен, талантлив. Не знаю... Мне все кажется, что я просто человек, которому чертовски везет. Как объяснить, например, такую вещь? Мы только что приехали, мы сделали утомительнейший путь, и естественное всего было бы лечь и отдохнуть. Случайно мы этого не делаем и идем... Город спит, и тысячи шансов за то, что мы собаки не встретим на улицах. И, действительно, собаки не встретили, но зато мы случайно, в первую же минуту, наткнулись на людей, которые, быть может... Ватсон, верите вы в то, что существует рок, фатум?

Ватсон, пораженный, даже приостановился.

— Да неужто, Шерлок, вы думаете...

— Я ничего не думаю, Ватсон! Я просто говорю, я высказываю вслух свои мысли. Я ни в чем не уверен! Знаю только, что у меня почему-то екнуло сердце! А почему екнуло — не могу сказать. Может ли вам объяснить моряк, почему он чувствует будущий норд, когда смотрит на безоблачное небо? Разве какой-нибудь лягаш знает, почему он за версту чувствует дичь? Это что-то необъяснимое!.. Это только чувствуется... Так... какой-нибудь пустяк... движение... мимолетный взгляд! А внутри уже что-то создается. Повторяю вам снова, Ватсон, я ничего не могу еще утверждать. Да и смешно было бы. Но сложилось, вероятно, это чувство у меня так. Город полон татар, которые никого и ничего не щадят. Кроме пары сумасшедших, вроде нас, никто не рискнул бы высунуть носа на улицу. Но шесть человек расхаживают беспечно, словно по какому-нибудь парку. Кто они? Для армян они слишком смелы, для татар — слишком спокойны! Мы встречаем их глубокой ночью! Они осматривают нефтепровод! Для чего им нужно именно ночью осматривать нефтепровод? Если они бакинские уроженцы,

они его и так должны знать, если приезжие — для мирного осмотра может всегда найтись другое время! Значит, это делается с особой целью! Так? После этого они идут в Кишлы! Именно туда, где главный лагерь мятежников! Но допустим, Ватсон, что вся моя постройка никуда не годится, и все может быть совершенно иначе объяснено. Вы расхочетесь, если я скажу вам, что настоящая уверенность создавалась только тогда, когда я увидел среди них женщину. Даже не саму женщину, а только уголок ее глаза. Да, Ватсон! Именно этот пустяк!.. Можете смеяться теперь, сколько душе угодно... Пустяки создают события... Впрочем, дальнейшее покажет, прав я или нет! А теперь пойдете за ними!

Группа оборванцев виднелась уже очень далеко впереди. Они шли прямо, не сворачивая с дороги, значит, могли идти только к Кишлам.

Шерлок и Ватсон пошли за ними. Оставалось сделать еще три-четыре версты. Утомленные, они шли тихо, каждый углубясь в свои мысли, и встряхнулись только тогда, когда замелькали уже огоньки. Это были сторожевые посты. Но тихо было по-прежнему: обе стороны еще отдыхали.

— Бьюсь об заклад, Ватсон, — сказал вдруг Шерлок, — что эта тишина недолго будет продолжаться! Не таковские парни, чтоб даром шлаться по ночам. Помяните мое слово, что лишь только они придут, — а они придут раньше нас, — мы сделаемся свидетелями интересных событий. На всякий случай будем наготове!

XII

Шерлок оказался прав.

Когда он и Ватсон приблизились к Кишлам, татарские полчища, обложившие селения, уже были в движении, и весь лагерь гудел, как вспугнутый рой. Строились, разделялись на отряды, сверкало оружие.

Ждали, очевидно, какого-то знака, чтобы броситься на приступ. На Шерлока и Ватсона не обратили внимания. Таких, как они, среди татар было много.

Пользуясь этим, оба приятеля стали переходить от кучки к кучке и жадно смотрели и слушали.

Долгое время поиски их были безуспешны. Оборванцы словно в воду канули.

Было, вероятно, уже три часа ночи, уже брезжил свет, когда Ватсон увидел вдруг, что Шерлок с изменившимся лицом неподвижно смотрит куда-то. Он проследил за его взглядом.

В стороне стояла группа вооруженных татар, и с ними говорил какой-то высокий татарин в рваном халате. Около него, почти прислонясь к его плечу, стояла маленькая женщина, завернутая в плащ.

Разговор был оживленный, с выразительной жестикуляцией. Продолжался он недолго, и по окончании его вооруженные татары сейчас же примкнули к одному из отрядов. Женщина отошла, высокий татарин тоже отошел, и через некоторое время Шерлок уже увидел всех шестерых оборванцев вместе. Они стояли недалеко от него и, не обращая ни на кого внимания, тихо о чем-то шептались.

— Ватсон, — почти губами произнес Шерлок, — есть рок или нет? Вы все видели?

Лицо у него было очень бледное, и глаза горели лихорадочным блеском.

— Возьмите меня под руку и подайтесь немного назад! Еще! Слышите вы что-нибудь?.. Я не слышу ни слова!.. Еще немного!.. Тысячу фунтов стерлингов за то, чтобы знать, на каком языке они шепчутся! О, черт!.. мы поторопились... Смотрите, Ватсон!

Действительно, было на что смотреть. Вся группа растаяла у них на глазах. Все шесть человек разделились вдруг, разошлись в разные стороны и присоединились к шести различным отрядам.

И словно бы это было сигналом: татары с диким воем бросились на приступ.

Полетели камни, затрещали выстрелы, и сразу закипел бой.

— Это они, — сказал Шерлок. — Они, они, даю теперь голову на отсечение! Мне недостает только одной мелочи! Одной только мелочи, Ватсон, чтобы взять наряд полиции и забрать всех на месте!

Он широко перевел дух и за весь этот день в первый раз улыбнулся.

— Сердце — вещун. Мои историки, Ватсон, будут говорить о разных хитросплетениях, которые Шерлок Холмс пустил в ход, чтобы обнаружить виновных, но вы свидетель — их открыла одна минута вдохновения! Сердце екнуло, и я сказал: «Это они!»

— Да, это они! — повторил позади них чей-то тихий, незнакомый голос.

Оба сильно вздрогнули и разом оглянулись.

XIII

Около них стоял какой-то очень молодой человек, почти еще безусый, и пожилая женщина, оба одетые по-европейски.

Молодой человек мягко и приветливо смотрел на Шерлока и теперь повторил на плохом английском языке:

— Да, это они! Я уже давно так думаю!

— Вы знаете меня?

Легкая улыбка скользнула по губам незнакомца.

— Вы приехали сегодня из Лондона и остановились в гостинице «Европа». Я полагаю, что вы именно тот, кого Тер-Абовиан ожидал с таким нетерпением. Вы — Шерлок Холмс!

Шерлок Холмс и Ватсон быстро переглянулись. Но молодой человек поймал их взгляд и добавил:

— Не удивляйтесь тому, что мы подошли к вам так прямо. Это — моя мать! Оба мы потеряли здесь слишком много... Если бы они отняли у нас только состояние, это было

бы ничто. Они отняли у меня сестру и брата, а у матери сына и дочь!

— Вы армяне?

— Нет, мы русские!

И молодой человек, который назвал себя Черепановым, стал рассказывать историю своей семьи. Это была печальная история людей, которые мучились и бились всю жизнь, работали, как волы, сколачивали по грошам рубли и когда добрались, наконец, до скромного, обеспечивавшего их положения — в одну ночь потеряли все, с придачей двух дорогих человеческих жизней. Все это сделала толпа, которую кто-то на них поднял. Теперь они бродили одинокие, не в силах будучи уйти из города, где они схоронили свое счастье, и со страстной жаждой мести. Но что они сами могли поделать, такие незащитные, неопытные и слабые! Они следили, бродили, как кроты в потемках, находили какие-то нити, но кто бы им поверил, кто бы послушал их в этой сумятице?

— Мы слышали про ваш приезд, — закончил молодой человек взволнованным голосом (мать его давно уже плакала, закрыв лицо руками), — и случай помог нам узнать вас. Вся наша надежда теперь на вас. Мы поможем вам! Мы кое за кем уже следим. Остальное сделает ваш гений, который в одну минуту так много уже открыл. О, верьте: у нас одно желание с вами. Пусть злодеи потерпят заслуженное! Мы не успокоимся, пока не увидим этого! И... дайте нам быть около вас и идти с вами.

Шерлок был растроган.

— Итак, ваше мнение, что я не ошибся?

— Нет, нет! Мы уже неделю следим за этими людьми! Прежде они, скрываясь, мутили, теперь же, когда мятеж разгорелся, они уже показываются открыто! Но их трудно накрыть! Эти люди неуловимы!

Шерлок усмехнулся.

— Я имел дело, молодой человек, со многими людьми, которые считали себя неуловимыми!.. Ба! Кажется, наши молодцы потерпели неудачу!

С этими словами Шерлок вместе с Ватсоном и новыми знакомыми быстро подался назад. Татары, отхлынувшие в страшном беспорядке, могли их смять. Очевидно, отдохнувшие за ночь армяне и промысловые рабочие не только не хотели сдаваться, но дрались, как львы, и переходили в наступление. Среди выстрелов и криков слышались татарские проклятия.

— Ну, — сказал Шерлок, — я думаю, что у них этим днем дело не закончится! Слишком много пыла! Можем смело пока идти в город, в надежде, что мы застанем их еще здесь. Кстати же, в гостинице нам будет удобнее поговорить, чем тут, под выстрелами.

XIV

Путь был пройден незаметно, в оживленной беседе, и молодой Черепанов сумел понравиться не только своей скромностью и совершенно бескорыстной услужливостью, не только своей ненавязчивостью (он даже не зашел в гостиницу), но и сметкой, которую внезапно обнаружил.

По его совету Шерлок ничего не дал знать Тер-Абовиану, чтобы он и его слуга не вмешались в дело и не испортили бы его внезапно своей восточной горячностью.

Было решено известить их только в последнюю минуту.

Помимо того, по совету того же Черепанова, Шерлок решил как можно дольше не показываться у осажденного селения. Дело в том, что его появление там не прошло так незаметно, как ему казалось, и теперь требовалось некоторое время, чтобы усыпить всякие подозрения.

— Этому малому, Ватсон, — говорил Шерлок, укладываясь уже под утро в постель, — нужно дать ход! У него положительно голова!

Но Ватсон почти засыпал и только пробормотал:

— Обязательно, Шерлок! Подумайте: если бы не он, мы бы, пожалуй, и теперь еще не спали!

И, не слушая больше, он погрузился в глубокий сон.

В номере настала тишина.

Почти заходило уже солнце, когда Шерлок вскочил вдруг, словно от действия электрического тока.

Впоследствии он сам не мог объяснить, что именно заставило его подняться в ту минуту и сразу броситься к окну. Ему ничего не снилось, и его никто не будил. Это было какое-то внутреннее, ничем не объяснимое движение, пожалуй, тот рок, которому Шерлок придавал такое значение в своей жизни.

Он бросился к окну, как был, в нижнем белье, и сразу же застыл на месте. И уж не мог отойти.

Странную картину увидел он. Таковую странную и неожиданную, что он не сразу поверил глазам.

— Ватсон, — тихо позвал он, не оглядываясь, — ради Бога сюда! Никогда вы мне не были так нужны, как в эту минуту.

И, когда полусонный Ватсон сполз с постели, он добавил:

— Не прямо, не прямо! Наклонитесь так, чтобы вас нельзя было увидеть в окно, и сюда скорее. Теперь смотрите на противоположную сторону, в окна «Гранд-Отеля», и скажите, что вы видите?

Ватсон прильнул к уголочку стекла.

— Гм... Это интересно!..

Сон мигом слетел с него.

— Я вижу, Шерлок, двух бритых европейцев, которые... гм... обращаются в двух бородатых татар!.. Ого!

Ватсон хлопнул себя по лбу.

— Это они!

Шерлок нашел только в себе силу кивнуть головой.

Оба тихо отползли.

— Да, Ватсон, — сказал Шерлок, придя через несколько минут в себя, — это они! Но скажите мне, ради Бога...

Он морщил лоб, очевидно, усиливаясь что-то вспомнить.

— Но скажите мне, почему их лица мне так знакомы? Или через улицу это мне кажется... Нет... нет... На каком собрании анархистов я мог их видеть? Мне все мерещится, что я видел их где-то! Но где?.. Хоть убей меня Бог — не мо-

гу вспомнить!

— Вы правы, что-то знакомое... Может быть, где-нибудь в притоне?

— Нет, нет, — но все равно! Главное в том, что это они! Да, да, Ватсон!.. Я говорил, что мне недостает мелочи!.. Помните?.. Я ее теперь нашел. Мне нужно было найти человека с голым лицом! Того самого, который сыграл такую роль в убийстве молодого Тер-Абовиана. Все сходилось, только этого не было. И мне в голову не пришло, что он мог скрываться, прибегая к маскараду. Да, да! Одного я не понимаю, Ватсон, как Черепанов не проследил их пристанища. Бедняжке, очевидно, не пришло в голову, что содержателя гостиницы можно так же надувать, как простого смертного. Ну-с...

У Шерлока сразу появилось на лице выражение железной энергии.

— Теперь не показываться, я думаю, совершенно лишнее! Мы сегодня же их захватим! Нужно ковать железо, пока горячо! Сперва в полицию за нарядом, а потом можно будет дать знать и старику! Пусть сличит и удовлетворится!.. Подумайте только, Ватсон...

Шерлок даже глаза закрыл от ужасной картины, которую, очевидно, рисовал себе.

— Не проснись я случайно, не вскочи я и не бросься к окну, мы упустили бы все! Мы не пошли бы сегодня, по совету этого мальчика, и все получило бы другой ход! А теперь?.. Господи!.. Почти в одни сутки начать и кончить дело, почти в одни сутки заработать сто тысяч фунтов стерлингов!.. Нет, Ватсон, этого и мне не снилось! Ну, скажите теперь, есть рок или нет?

XV

В десять часов вечера целый маленький отряд отправился к Кишлам. Впереди Шерлок и Ватсон, а за ними в некотором отдалении наряд полицейских, переодетых в пар-

тикулярное платье.

Все шли бодро и уверенно, не опасаясь никаких осложнений, так как в эту ночь к Кишлам отправлялись значительные отряды войск.

По дороге их опережали роты пехоты, которые, грузно и четко отбивая шаг, проходили мимо с барабанным боем. Пронеслись казаки и прогрехотал взвод артиллерии. Было очевидно, что с татарами покончат.

И под прикрытием войска арест и захват всей шайки не представлялся ни трудным, ни опасным.

Когда наш маленький отряд подходил, уже разыгрывался почти последний акт драмы. Часть татар уже сдавалась и бросала оружие, часть еще держалась, но видно было, что это продержится недолго. Все реже и реже отвечали на залпы, все жиже и жиже становились ряды, и близка была минута, когда все дрогнет и побежит.

Шерлок и Ватсон смешались с татарами.

Почти в первой же группе отступавших они вдруг увидели Черепанова, который с неузнаваемым, бледным, злобным лицом отходил, сжимая револьвер.

Шерлок бросил ему на ходу:

— Сейчас будет конец! Держитесь!

Черепанов посмотрел, вздрогнул внезапно и пробормотал, махнув рукой по направлению к небольшой кучке людей, полускрытых насыпью:

— Идите туда! Там!

Шерлоку не нужно было объяснять, в чем дело. Быстро сделав знак полицейским, он бросился в указанную сторону.

Пуля прожужжала мимо самого его уха. Кто-то выстрелил.

Часть полицейских сейчас же отделилась, и позади себя он услышал бряцание оружия, проклятия и шум борьбы. Но глядеть ему было некогда. Он не отводил глаз от насыпи.

Он уже был от нее в двух шагах, как вдруг остановился, пораженный. Его внимание привлек молодой женский голос, который сказал по-английски, с видимым чувством бешенства:

— Вероятно, о н уже здесь, этот проныра, англичанин! Будь он проклят!

Густой мужской голос ответил:

— Да, здесь! Рушились теперь наши планы, чтоб ему ни дна, ни покрывки! Он-то поймает!

— Да, уж не упустит, — подхватил третий, — не таковский, чтоб е г о земля проглотила!

— Дьявол! Черт! Высочка! — слышались еще голоса.

Шерлок быстро прошептал Ватсону:

— Итак, это а н г л и й с к и е анархисты, и теперь нет сомнения, что видел я их именно в Лондоне... За мною!

И бросившись, полупригнувшись, за насыпь и сейчас же вытянувшись во весь рост, он крикнул весело и грозно:

— Вы не ошиблись: дьявол, черт и высочка — здесь!

В мгновение ока вся группа была окружена полицейскими и взводом солдат.

— Да, да, это я! И любезность за любезность — за добрые пожелания я каждому из вас дарю по паре браслетов моего собственного изготовления!

Щелкнули розданные полицейским кандалы.

Анархисты дико смотрели друг на друга, дико смотрели на Шерлока и не боролись.

Почти одновременно с этим татары всею массою отхлынули и обратились в беспорядочное бегство.

Две драмы слились.

XVI

— Итак, господа, вы окончательно отказываетесь называть себя? — в десятый раз переспрашивал Шерлок арестованных, когда они находились уже под стражей, в полицейском управлении.

Анархисты опять ответили отказом. Старший из них, загримированный, как все они, татарами, — тот самый, которого Шерлок и считал коноводом и главарем всей шайки, резко ответил:

— Мы это скажем только судебному следователю!

Шерлок иронически поклонился и отошел.

Ждали Тер-Абовиана, который дал уже знать, что сейчас явится с Назарьянцем.

Пока же Шерлоку нужно было еще кое о чем похлопотать. Дело в том, что среди общей сумятицы был захвачен случайно Черепанов с матерью. Двум полицейским показалось, будто это он стрелял в Шерлока, а его мать швырнула камень. Конечно, это могло только померещиться, и Шерлок рассказал, какую роль в действительности сыграли эти люди в поимке шайки.

— Можете их не только отпустить, — закончил он, — но и достойно наградить!

И, обернувшись к арестованным, которые были белы, как извесь, ласково и тихо, так, что только они одни могли слышать, прошептал:

— Это, впрочем, я беру на себя! Шерлок Холмс не забывает оказанных ему услуг!

По его настоянию, они были, наконец, отпущены. Бедняжки до того обрадовались своей свободе, что даже забыли поблагодарить его, забыли даже попрощаться: так прямо и бросились к выходу.

Ровно через три минуты в комнате раздался отчаянный возглас:

— Мистер Холмс!..

Это воскликнул Тер-Абовиан, который вбежал с лицом, в котором кровинки не было. За ним, прихрамывая, ковылял Назарьянц и прижимал платок к щеке, из которой текла кровь.

— В чем дело?

— Ах, мистер Холмс!.. Большое, большое несчастье!..

— Что такое?

— Сейчас отсюда вышли мужчина и женщина...

— Да...

— Они сели в экипаж, и их нельзя было задержать.

— Да, но их и не нужно было задерживать!

— Мистер Шерлок Холмс!

У Тер-Абовиана сверкнули глаза.

— Это были они!

— Что?!

— Это были они! Назарьянц их сейчас же узнал!.. Шерлок усмехнулся. Он был спокоен.

— Это могло показаться ему только с перепугу!

— Нет, нет! Он бросился к ним и получил сейчас же сильный пинок в ногу и удар ножом в щеку!

— Ну, это потому, что он бросился! Они не поняли, зачем!

— Нет, нет, они крикнули ему вслед... Назарьянц, что они тебе крикнули?

Назарьянц мрачно выступил вперед и сказал:

— Велели говорить: «Увидишь Шерлока Холмса — скажи: ишак!»

— Как?

— Ишак!

Шерлок сильно насупил брови и обернулся к Ватсону:

— Я не хочу знать, Ватсон, — пробормотал он, — что значит «ишак». Но этот старый болван мне перестает нравиться! Он, кажется, меня хочет скомпрометировать.

И уже громко, обращаясь ко всем, саркастически сказал:

— Если те — они, то кто же, господа, по-вашему — эти?

И он небрежно махнул рукой на группу в шесть человек, из которых каждый стоял неподвижно с равнодушным каменным лицом.

— Назарьянц! Идите сюда! Посмотрите!..

Шерлок указывал на старшего, на главаря шайки...

— Посмотрите внимательно!.. Не смущайтесь тем, что у него борода.. Это привязная штука; она упадет, лишь только придет следователь... Но посмотрите на глаза! Неужто вы не узнаете этих зверских глаз?.. Этот рост, похожий на мой?.. Что с вами?.. Назарьянц, Назарьянц, не стали ли вы пить?

Назарьянц открыл было рот, чтоб ответить, но дверь вдруг распахнулась и вбежал с лестницы запыхавшийся вестовой.

— Судебный следователь!

— Если не ошибаюсь — знаменитый Шерлок Холмс?
Следователь и Шерлок обменялись рукопожатием.

— Кажется, вам удалось сделать невозможное! Дважды счастлив видеть вас и познакомиться!

Шерлок слегка поклонился и сказал, как бы про себя, но сурово поглядывая на Тер-Абовиана и Назарьянца:

— Да... но есть люди, которые находят, что я ошибся!

— Вы, мистер Шерлок?

— Да, я... А теперь посмотрите на этих замаскированных негодяев! Видели ли вы когда-нибудь более типичные для анархистов лица?

С этими словами он заставил следователя обернуться в сторону арестованных. Как и прежде, все шесть стояли неподвижно, с равнодушными каменными лицами.

— Почему же они думают, что вы ошиблись?

Шерлок, улыбаясь, рассказал обо всем.

Против его ожидания, следователь выслушал его совершенно серьезно, даже стал немного утрюм, покачал головой и сказал с беспокойством:

— Итак, вы упустили ту пару... Боюсь, мистер Холмс, что это крупная ошибка!

— Как?.. И вы?.. Так кто же, по-вашему, эти?.. Вот эти, которых, вероятно, не одна русская полиция разыскивает?

— А это мы сейчас узнаем!

Все притихли и окружили шесть человек, которые продолжали стоять с равнодушными каменными лицами.

— Ваше имя и звание?

Этот вопрос был задан старшему, высокому мужчине с энергичными, темными глазами.

И впервые на равнодушном каменном лице заиграло что-то похожее на легкую улыбку... Упали на пол сорванные усы, борода, парик... и все, как один человек, тихо ахнули. В бритом мужественном лице узнали известного по тысячам снимков человека, которым гордилась вся Америка.

В то же время спокойный голос как бы подтвердил:
— Я — Нат Пинкертон, шеф нью-йоркской полиции!
— Ватсон, Ватсон... что он сказал?
— Нат Пинкертон, Шерлок!.. Он сказал, Шерлок, Нат Пинкертон!
— О, Ватсон... Ватсон... так вот почему... это лицо... так знакомо... О, Ватсон!.. станьте ко мне поближе!..
Между тем следователь, смущенный, обратился к следующему:
— Ваше имя и звание?
Снова упали на пол борода, усы и парик... И снова по комнате как бы впечатление грома.
— Ник Картер из Сан-Франциско!
Шерлок сделался еще бледнее и ниже ростом.
— Ватсон! Что со мною?
— Ваше имя и звание, сударыня?
— Этель Кинг из Филадельфии!
— Ваше?
— Дик Картер!
— Чарль Люк!
— Боб Руланд!

XVIII

Ник Картер за всю компанию дал ошеломленному следователю показания, которые все присутствовавшие выслушали, затаив дыхание:

— В начале августа, — начал он, — я впервые прочел объявление, которое было помещено во всех американских газетах английской нефтепромышленной компанией... Я решил, джентльмены, ехать, и не только потому, что меня соблазнили пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, но и потому, что дело это показалось мне не совсем обыкновенным... Я прочел объявление вечером в своем нью-йоркском кабинете, а наутро, вместе с моим двоюродным братом, Диком Картером, уже сел на пароход, отходивший в Европу...

Не стану утомлять вас описанием своего путешествия... Оно было неинтересно... За все время пути, быть может, самым замечательным было то, что я всюду натыкался на две пары, из которых каждая была неразлучна. Это были: двое мужчин и женщина с подростком... Я пересаживался с парохода на пароход, я переезжал с вокзала на вокзал... Эти пары ехали за мною... Я встретился, наконец, с ними в бакинском экспрессе, и меня охватило глубокое недоумение... Мы очутились в одном купе и широко раскрытыми глазами стали смотреть друг на друга... Конечно, это долго не могло продолжаться... Мы должны были заговорить, и мы заговорили... Я снял грим (я не расставался с ним, чтобы не быть узнанным дорогой) и, к моему величайшему удивлению, мои незнакомцы, один за другим, тоже стали снимать грим... И тогда мы, улыбаясь, пожали друг другу руки... Вы, конечно, догадались уже, джентльмены, что это были мои соотечественники, которые, как и я, захотели попытать счастья и попутно овладеть золотым руном... Слишком пространные подробности теперь излишни, скажу коротко: мы ехали за одним и тем же, и решили и работать сообща... Но должен сознаться вам, джентльмены, Россия — не Америка... О, Россия — великая страна, и ее преступники шагнули дальше наших... Это великие преступники!.. Мы пробыли здесь две недели... Мы блуждали по всему городу... мы думали, что удастся накрыть преступников в момент, когда они станут разрушать нефтепровод — самое ценное, что есть в Баку... И ночевали у нефтепровода...

Все было напрасно... Только в самое последнее время мы напали как будто на след... Это были мужчина и женщина... европейцы... несомненно, опытные люди... Было слишком заметно, что они в сношениях с татарами... Мы видели их с прокламациями... видели, когда они шептались с представителями партий, видели, когда они водили целые толпы к армянским домам, видели, как они зажигали факелами вышки... И была близка минута, когда мы хотели уже открыть наши инкогнито и просить помощи, чтоб захватить их... Как вдруг приезжает великий Шерлок. Это, джентльмены, по правде, нас сильно смутило, и мы опе-

шили... Великий, несравненный Шерлок!.. Мы заколебались... И вот этим-то моментом англичанин воспользовался... Мы это видели... Мы даже не поняли, как это случилось... Мы удивлялись невероятной скорости, с какой английский гений вынюхал, выследил и поймал свою жертву... И когда мы были захвачены, мы полагали, что это случайность, что это ошибка, которая могла произойти только в сумятице и которая сейчас выяснится... И были довольны, что та пара тоже захвачена. Пусть не мы победили, но *pererat mundus, vivat justicia!* Преступление будет наказано!.. Но, джентльмены... — Ник Картер опустил голову... — Оказалось, что мы-то и есть преступники... а та пара на свободе...

— Ложь!.. Ложь!.. — вскричал Шерлок в крайнем возбуждении. — Все ложь!.. Докажите, что та пара виновна!.. Довольно слов! Я требую доказательств!.. О, эти американцы хорошо сыгрались, чтобы покрыть меня позором...

XIX

— Господин!.. Господин!..

В своем возбуждении Шерлок не чувствовал, как его настойчиво трогали за плечо.

Он обернулся с горящими глазами. Перед ним в почтительной позе стоял посыльный с письмом.

— Приказано передать!

— Кто?

Шерлок с недоумением посмотрел на конверт, на котором незнакомым почерком было выведено его имя.

— На вокзале, ваша милость... господин один с дамой... Как, значит, изволили садиться, — подозвали и велели передать в полицейское правление... Очень точно вас описали...

Шерлок рванул конверт.

В это время следователь мягко приподнялся.

— Мистер Холмс, я почему-то подозреваю, что это прислали те господа... Так как оно может относиться к делу, я бы попросил вас прочесть письмо вслух.

Шерлок швырнул письмо на стол.

— Если угодно — делайте это сами!

Следователь взял письмо и слегка пробежал начало главами. Потом, нахмурившись, внятно и громко стал читать:

— «Великий английский маг! Вероятно, армянин передал вам мой привет и, вероятно, вы ему не поверили... Теперь за услугу окажу вам настоящую услугу!.. Бросьте розыски, ибо дичь была у вас в руках и больше не попадется... За свободу — благодарю и, когда мы встретимся когда-нибудь, — я с удовольствием пожму вам руку... Тер-Абовиана я подстрекнул убить... Я же был в числе тех, которые натравляли татар и предавали огню накопленные богатства буржуев... Моя мать, которая, между прочим, с таким же правом может называться и вашей матерью, шлет вам также сердечнейший привет... Ваша доверчивость обоих нас спасла. Если бы не вы — нас выследила бы шайка сыщиков, которая шла уже по нашим пятам... Конечно, нам было интересно стать под вашу защиту и натравить вас на наших врагов... Так мы и сделали, а ваш гениальный нюх, который бросил вас на этот след, помог нам... Оба мы жмем вам руки и удостоверяем, что из всех известных нам сыщиков вы самый милый и любезный!..»

Следователь медленно сложил письмо. Все молчали.

И показалось — это могло только показаться — что из запекшихся уст Шерлока чуть слышно вырвались слова:

— Ватсон... Ватсон... Что скажет Конан-Дойль, который сидит в Лондоне и даже не подозревает, что с нами?

**ДЕЛО ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»
И ШЕРЛОКА ХОЛМСА**

Секретная. 40 Р. 100

	Телеграф № 723	Телеграмма.									
	Вв. R 445	<i>Ogonok</i> <i>Galerinaia 40</i> <i>Руб</i>									
Изв. <i>Louthbourne</i> № 7 40											
Принято <i>6/6</i> = 120 Р. № 26, отд. <i>Ж</i> Прислано	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <th style="text-align: center;">Разр.</th> <th style="text-align: center;">Остаток счёта</th> <th style="text-align: center;">Платёж</th> </tr> <tr> <td style="text-align: center;">25</td> <td style="text-align: center;">6/6</td> <td style="text-align: center;">11 43</td> </tr> <tr> <td colspan="3" style="text-align: center;"> - Огребовый отчётчик </td> </tr> </table>	Разр.	Остаток счёта	Платёж	25	6/6	11 43	- Огребовый отчётчик			КАБЕЛЬ
Разр.	Остаток счёта	Платёж									
25	6/6	11 43									
- Огребовый отчётчик											
<i>Ogonok печатает осмеивающие мою деятельность рассказы о моем пребывании в Москве, Одессе, Баку. Кто автор? Немедленно дайте фамилию. Полагаю — соперник Шерлок Холмс</i>											

6-го июня редакцией «Огонька» была получена из Лондона телеграмма, факсимиле которой мы тут же помещаем. Она написана по-русски, но передана буквами латинского алфавита. Вот она:

«Огонек» печатает осмеивающие мою деятельность рассказы о моем пребывании в Москве, Одессе, Баку. Кто автор? Немедленно дайте фамилию. Полагаю — соперник.

Шерлок Холмс.

Как читателям известно, в нашем журнале действительно были помещены три рассказа анонимного автора о деятельности Шерлока Холмса в названных городах, но, печатая их, мы были в полной уверенности, что «всемирно известный» герой рассказов Конан-Дойля — плод чистейшей фантазии, вымышленное лицо, которое понадобилось английскому беллетристу только для того, чтобы можно было, как это сделал когда-то Эдгар Поэ своим «Золотым жуком», показать воочию, насколько дедуктивный метод исследования великолепно применим при сыскной деятельности.

Велико же было удивление редакции «Огонька» при чтении телеграммы, подписанной Шерлоком Холмсом, как лицом живым, облеченным в плоть и кровь.

Невзирая на очевидную мистификацию, редакция ответила письмом по тому адресу (Лондон, Бэкер-Стрит, 221), который приводился во всех повествованиях Конан-Дойля, как генеральная квартира его героя. Ответа редакция, конечно, не ожидала, так как имела основание предполагать, что адрес вымышленен точно так же, как адресат.

Содержание письма было таково:

«Мы изумлены требованием лица, называющего себя Шерлоком Холмсом. Автор рассказов анонимен, да и не в правилах редакции открывать фамилии свои сотрудников. Впрочем, если лицо, подписавшее телеграмму именем Шерлока Холмса, не фикция, ему ничто не стоит при “замечательных способностях” своего прототипа самому найти автора».

Совершенно неожиданно редакцией 11-го июня получена лаконическая телеграмма:

Еду в Петербург обнаружить автора.

Шерлок Холмс.

Что же это? Мистификация или простая шутка?

Странность, конечно, заключается не в тексте ответа, а в самом факте его получения. Следовательно, какое-то ли-

цо, именующее себя Шерлоком Холмсом, действительно живет в указанной Конан-Дойлем квартире.

 Телеграф 		Телеграмма. <i>Ogonok</i>		
Vs Н 348	<i>Galeraya 240</i> <i>Rlyg</i>			
Имя <i>Paul Holmes</i> № <i>742</i>				
Прислано <i>11/12</i> по з. № 90/ Прислано <i>2</i>	Разр. 10-11-12	Служб. связь 11-12-13	Подача 11-12-13	
		Служб. связь КАБЕЛЬ		
<i>Учен. Петербург</i> <i>обнаружит автора</i> <i>Sherlock Holmes</i>				

Во всяком случае, редакция вскоре увидит, с кем она, в действительности, имеет дело. И о дальнейших событиях, конечно, читатели «Огонька» будут осведомлены.

.....

Слухи и встреча

а прошлой неделе начали распространяться слухи о том, что в Петербург приехал оригинал-англичанин, который выдает себя за знаменитого героя рассказов Конан-Дойля — Шерлока Холмса. Говорили о том, что его кто-то уже видел на Морской, у магазина Фиетта, именно в то время, когда он рассматривал в витрине свою собственную фотографию; говорили еще, что его видели (и не один человек, а несколько) в одном из тех наших клубов, которые облюбованы литературной богемой.

Слухи эти доходили, конечно, и до редакции «Огонька», но последняя, признаться, не придавала им никакого значения, так как была уверена, что их распространяют какие-нибудь два-три шутника, прочитавшие наше сообщение и воспользовавшиеся им для того, чтобы поморочить немного публику.

Но 17-го июня редакция прямо была поставлена в тупик. Один из наиболее опытных газетных хроникеров, лицо, пользующееся безусловно доверием, пришел крайне возбужденный и сообщил, что только что встретил на Театральной улице человека, который если и не сам Шерлок Холмс — то во всяком случае его двойник.

— Вы представить себе не можете такого разительного сходства, — рассказывал он. — Словно бы человек прямо сорвался с одного из своих бесчисленных портретов. Это высокий господин, чрезвычайно худой, отчего его рост кажется еще выше, лицо бритое, глаза острые, блестящие, и

нос тонкий, с сильной горбинкой, что придает всему лицу характер чего-то резкого и хищного. К довершению полного сходства у него именно такой подбородок, на который указывает Конан-Дойль, как на внешнее свидетельство замечательной силы воли и настойчивости, — обрубленный и необычайно широкий. Даже его руки, тонкие, но, очевидно, очень сильные и ловкие, отмечены теми же характерными особенностями, про которые мы столько читали. Они сплошь в пятнах, царапинах, ссадинах и ожогах, словно бы они никогда не расставались с химическими кислотами и всякого рода режущими и колющими инструментами. Нет, господа, если это и шутка, то во всяком случае мы имеем дело с таким великолепным актером, который не играет только роль, а воплотился в нее!

— Какой-нибудь маниак, по всей вероятности, — заметил редактор, улыбаясь. — Собственно, вся эта Шерлокиада и должна была породить сумасшедших... И нет ничего удивительного в том, что какой-нибудь свободный от занятий англичанин и запустил свою болезнь до того, что действительно вообразил себя Шерлоком Холмсом и принял его облик; я даже допускаю, что он мог поселиться на указанной Конан-Дойлем квартире и уж, конечно, оскорбления, направленные против Шерлока, такой господин обязательно примет за личные...

— А знаменитая трубка? — спросил один из сотрудников.

Кругом засмеялись.

— Нет... Трубки не было. А это, если хотите, еще больше говорит о том, что это — талантливая бестия... Простой актер, который играл бы Шерлока, для увеличения сходства обязательно взял бы и трубку, но самому Шерлоку — это ведь не нужно, ибо он и так Шерлок... Так он должен же думать!

— А куда он шел, проследили вы? — продолжал свой допрос секретарь редакции.

— Только направление... В момент нашей встречи он медленно шел по Театральной улице, от Екатерининского сквера к Чернышеву мосту... Но я был так поражен, что остановился и так и застыл на месте... И как он скрылся — не

заметил. Быть может, он и не дошел до моста, а незаметно скользнул в подъезд одного из ближайших домов... Но в одном ручаюсь вам, что я видел его собственными глазами.

Таким образом, доходившие до редакции «Огонька» слухи, как они ни казались маловероятными, неожиданно получили какое-то подтверждение.

Визит Шерлока Холмса

18-го июня в шесть часов вечера, т. е. в один из приемных часов, — редактору журнала «Огонек» была подана небольшая визитная карточка. Она была из очень толстой, серой ворсистой бумаги, какая употребляется обыкновенно только любителями. Крупными, косыми буквами оригинального письма на ней было напечатано: «Ш е р л о к Х о л м с», а внизу мелким обыкновенным печатным шрифтом: «Лондон, Бэкер-Стрит, 221».

В кабинете в эту минуту, кроме редактора и его помощника, находились: секретарь, один из корреспондентов и заведующий художественным отделом журнала.

Все, улыбаясь, переглянулись.

— Становится любопытно...

— Как бы то ни было — вежливость прежде всего... Нужно принять гостя...

Редактор попросил присутствовавших не уходить, и глаза всех устремились на дверь.

Она медленно распахнулась, и высокий человек в черном с головы до ног шумно появился и приветливо кивнул всем головой.

— Добрый день, джентльмены!

Снова все переглянулись.

Теперь не могло быть сомнения, что в кабинете редактора стоит или гениальный актер, или тот самый человек, с которого к сборнику рассказов Конан-Дойля был нарисован первый портрет, как портрет героя всех пресловутых

похождений, и потом в тысячах снимков пущен в продажу. Таинственный посетитель, так спокойно и непринужденно оглядывавший всех присутствовавших, мог смело сойти за Шерлока Холмса.

Его приветствие было произнесено по-русски с легким иностранным акцентом.

— Я вижу, джентльмены, — сказал он, глядя на наши недоумевающие лица и чуть заметно усмехаясь, — что вы немного удивлены... Разве вы не получили моей последней телеграммы?

— Она получена.

— В таком случае, мой приезд не должен быть для вас неожиданностью?

— Видите ли, мистер...

Возникло некоторое затруднение, каким именем называть посетителя. Но он сам сейчас же спокойно добавил:

— Шерлок Холмс. Если джентльмены взяли на себя труд пробежать мою карточку, — быть может, они заметили, что меня именно так зовут: Ш е р л о к Х о л м с.

Он повторил последние слова отчетливо и по слогам, как был предполагая, что все затруднение только в том, что боятся, быть может, неправильно произнести их.

— Вы утверждаете, что вас именно так и зовут: Шерлок Холмс?

— То есть как?

Он медленно обвел всех широким, изумленным взглядом.

— То есть как? — повторил он и тут же вдруг засмеялся, обнаружив великолепные белые зубы. В глазах его мелькнуло лукавое выражение, словно бы он неожиданно что-то понял.

— Вероятно, я не ошибусь, если скажу, что джентльмены принадлежат к тем людям, которые, очевидно, предполагают, что я призрак и не существую. До меня доходили уже слухи о том, что многие так думают. Я даже так полагаю, — добавил он задумчиво, — что и рассказы о моих неудачах вы помещали в том предположении, что они относятся к чему-то мифическому... Но... это не так... Вино-

ват, джентльмены, позвольте ли вы мне закурить?

Нашему посетителю предложены были сигары. Он нерешительно взял одну, но тут же закашлялся и положил сигару в пепельницу.

— Не привык... — сказал он, улыбаясь, — но с вашего позволения...

И на сцену появилась знаменитая коротенькая трубочка.

— Итак, джентльмены, — продолжал он, пуская дым, — с этим вопросом нужно тоже покончить. Я — Шерлок Холмс, и для вас не должно быть в этом сомнения точно так же, как и я сам не могу в этом сомневаться. Я знаю, что с легкой руки Конан-Дойля обо мне повсеместно стали писать, но небылицы, и притом ужасно грубые... Мне приписывали раскрытие преступлений, которые никогда не совершались, а если и совершались, — раскрытие их по легкости могло быть делом самого заурядного сыщика... Меня пристегивали к всевозможным романтическим историям, в которых я не принимал никакого участия... Вокруг моего имени создавались легенды... Люди ведь падки на сенсационные вымыслы, и если б я хотел уличать — я должен был бы непрерывно вести процессы с издателями всего мира... Конечно, я махнул рукой... Но, как бы то ни было, джентльмены, это могло продолжаться только до тех пор, пока литература была за меня, т. е. пока не задевали моей чести... Джентльмены! В вашем журнале мне объявили неожиданно войну. Я решительно не знаю, чему я этим обязан... Во всяком случае, объявляю помещенные у вас обо мне рассказы сплошным и злостным вымыслом, созданным с одной целью принизить меня и выставить в смешном свете. На этом основании я требую, чтобы мне тут же объявили фамилию анонимного клеветника, побоявшегося подписаться под рассказами, с тем, чтобы я мог привлечь его к законной ответственности за клевету в печати.

Посетитель великолепно играл роль.

Наступило небольшое молчание.

Шерлок Холмс или, вернее, тот, кто называл себя так, поочередно глядел на всех.

Редактор первый прервал молчание.

— Не разбираясь в том, кто вы, — спокойно заметил он, — мы должны вам сказать, что не можем, к сожалению, исполнить вашей просьбы.

— Почему?

— Во-первых, потому, что, как мы уже писали вам, не в правилах редакции открывать фамилии своих сотрудников, во-вторых, потому, что автор и до сих пор не раскрыл своего псевдонима.

— Так и знал!..

— Что именно?

— Я так и знал, что вы захотите прикрыть вашего сообщника... Но, джентльмены... смею вас уверить, что я этим не удовлетворюсь. Не скрою, что кое-какие шаги я уже сделал.

— Где?

— Здесь, в Петербурге! Я не был настолько наивен, чтобы сразу явиться к вам... Я так и предполагал, что вы не захотите выдать... Меня убедили пойти к вам!..

— Кто же вас в такой вещи убедил?

Шерлок Холмс задумался на секунду и потом решительно сказал:

— Не вижу причин, джентльмены, что-либо скрывать от вас... Я в Петербурге третий день и, конечно, не сидел сложа руки... А чтобы вы не сомневались в том, насколько я серьезно смотрю на исполнение моего требования, я расскажу вам, где и у кого я уже был, чтобы так или иначе добиться в этом деле правды.

И он стал подробно рассказывать.

.....

Шерлок Холмс в главном управлении по делам печати

Рассказ Шерлока Холмса изобилует многими утомительными подробностями, не идущими к делу. Мы приведем его поэтому вкратце.

Прежде всего Шерлок, — будем его так называть, — совершенно опровергает слух о том, что он посетил в Петербурге какой-то литературный клуб. Если не считать маленькой прогулки по Морской с действительной остановкой на минуту у эстампного магазина Фиетта, он в первый день своего приезда почти не выходил из гостиницы, так как был совершенно разбит дорогой.

На другой же день он прямехонько отправился в главное управление по делам печати. Между прочим, в это время, очевидно, и произошла на Театральной улице его встреча с газетным хроникером.

То, что он шел так медленно, объясняется тем, что все старинные и одноцветно-желтые дома этой улицы, упирающейся в такой же старинный и окрашенный в такую же краску Александринский театр, казались ему одним огромным домом, и ему долго пришлось искать нужный подъезд.

Курьер, принимавший от него визитную карточку, не мог скрыть своего удивления.

— Шерлок Холмс? — переспросил он, делая громадные глаза. — Живой Шерлок Холмс?!

Шерлока попросили в кабинет.

Изящный господин, необычайно любезный, приветливо указал англичанину на стул.

— Чем могу служить вам?

— Я явился к вам отчасти с жалобой, отчасти с просьбой, — начал человек, именовавший себя Шерлоком Холмсом. — В журнале «Огонек» вот уже два месяца подряд печатаются рассказы, которые наносят неисправимый ущерб моей репутации... От гения, которым я признан на родине, после жестокой критики «Огонька» не остается ничего. Журнал осмеивает мой дедуктивный метод сыска и показывает, что я могу впадать в самые непростительные, самые грубые ошибки. Сэр! Журнал высмеивает меня, мою школу, всю сыскную добровольческую деятельность... Так дальше продолжаться не может! Я ходатайствую перед вами о наложении административного взыскания на журнал — о закрытии его или, по крайней мере, о крупном оштрафовании.

— Что я слышу? — удивился сановный собеседник. — Вы, англичанин, представитель страны со свободными учреждениями, просите о наложении узды на печать?! Вы забываете, что после манифеста 17-го октября наши функции стали совсем иные. Учреждение, которого я имею честь быть главою, действует на строго законных началах. Когда печать нарушает те или другие прямые указания закона, мы постановляем о привлечении известного органа к судебной ответственности. Конечно, мы имеем право конфисковать произведения печати, нарушающие общепризнанную нравственность или явно преступного, возмутительного характера, которые и у вас, в свободной Англии, подверглись бы судебному преследованию. Но вопрос о правильности конфискации номера газеты, журнала или книги, об уничтожении или обратно-свободном обращении — опять-таки, в конце концов, переходит к суду, который и говорит свое властное слово.

— Позвольте, сэр, — возразил англичанин: — я читаю русские газеты и нередко нахожу известия, что тот или другой орган был оштрафован или даже закрыт... Как же это согласовать с вашими словами?

— Очень просто. В данный момент, до окончательного успокоения страны, в значительной части ее, как в аналогичных случаях и в Западной Европе, действуют чрезвычайные законы. Согласно этим последним, высшая административная власть, действительно, может налагать кары на органы печати без судебного разбирательства, но главное управление по делам печати тут все-таки не при чем. Вы стучитесь не в ту дверь, и я, во всяком случае, помочь вам не могу.

— Добавьте «и не хочу», сэр, — тоном вопроса проговорил Шерлок Холмс.

— Если угодно, — вставая и тем показывая, что аудиенция кончена, продолжал высокопоставленный собеседник: — и не хочу, потому что есть нечто, что выше и сильнее меня — закон.

В градоначальстве

— Тем хуже для редакции! — усмехнулся Шерлок Холмс, — очевидно, в России нужно действовать так, как у нас, в Англии, не принято...

В массивных дверях градоначальства Холмса встретил гигант-швейцар.

— Вам кого-с? — и, услышав ответ, прибавил: — потрудитесь к дежурному офицеру спервоначала.

— Вам бы к начальнику сыскной полиции, — посоветовал дежурный.

Но Шерлок настаивал, что ему нужно видеть непременно самого градоначальника.

Доложили. В приемной было много народа и, пока англичанин ждал своей очереди, на него смотрели и с любопытством, и с подозрением. Впрочем, эту подозрительность

он заметил еще тогда, когда поднимался по широким ступеням лестницы.

— Какой здоровый народ — эти русские околоточные! Они сильнее наших полицейских инспекторов! Здесь умеют выбирать людей! — пробормотал про себя Холмс.

Его пригласили. Навстречу Шерлоку поднялся с кресла высокий, статный генерал.

— Я вас слушаю.

Шерлок Холмс повторил все то, с чем обращался в главное управление по делам печати.

Слушая английского посетителя, генерал хмурился, потом нервно застучал пальцами по столу и перебил:

— Но позвольте! При чем здесь градоначальство?

Холмс этого не ожидал, но его замешательство продолжалось одно мгновение. Он улыбнулся спокойно и почтительно и произнес с непоколебимой уверенностью:

— Ваша власть почти беспредельна, ваше превосходительство!..

— Вы ошибаетесь, — уже выражая нетерпение, отрезал генерал и встал. — Я действую только на основании закона.

— Но ведь вы можете наказать журнал... Ну, денежный штраф... О, я не настаиваю на аресте редактора!..

— Какой вы странный человек! Вы хотите быть защитником закона и просите о беззаконии. Закон о чрезвычайной охране предоставляет, действительно, административной власти право карать за распространение ложных известий, но ложных известий, колеблющих государственное или общественное спокойствие. Однако, если не ошибаюсь, — генерал усмехнулся, — вы, хотя и очень почтенный, но все же частный человек и действуете за свой риск и страх... У вас, сэр, очень оригинальное представление о России и о русской полиции.

У Шерлока Холмса был обескураженный вид. До сих пор он привык встречать у полиции всех стран не только расположение, но и особенное почтение к его подвигам и его жизни.

— Но, ваше превосходительство, фамилия автора...

— А разве вам неизвестно, что фамилию автора редактор обязан открыть только по требованию министра внутренних дел?

Шерлок пожал плечами.

— Что же... прикажете мне обратиться к министру?

— Ну, зачем же к министру!..

Генерал весело улыбнулся и вдруг спросил:

— А что вам сказал редактор? Вы, конечно, уже объяснялись с ним?

Холмс ответил отрицательно.

— Не может быть! Да ведь это проще всего было! Отчего вы не избрали прямой путь? Даю вам добрый совет: поезжайте в редакцию. С этого и нужно было начать.

Тонкая усмешка скользнула по лицу генерала.

— Впрочем, у нас с вами разные точки зрения. Ваша профессия заставляет вас начинать всегда с обходных дорог.

И, когда Шерлок уходил, последние слова, которые еще уловило его ухо за дверью, были:

— Нет, нет... Это же видно, что мирный маниак... Никаких особенных мер не нужно принимать...

В погоне за автором

— Таким образом, джентльмены, — закончил англичанин свой рассказ, — я явился к вам именно по этому совету! Хотя они и считают меня все сумасшедшим...

Некоторое время все молчали.

— Вы напрасно, — сказал редактор, улыбаясь, — поехали бы и к министру. Автор до сих пор не открыл своей фамилии.

— В таком случае, как же прикажете мне поступить?.. Согласитесь, что я не могу этого так оставить!.. Дело идет о моей чести!

— И не оставляйте! Вот вам все три рукописи интересующих вас рассказов... Они присланы нам переписанными на машине... Помимо этого, можете воспользоваться все-

ми документами, которые, как вам известно, сопровождали присылку рукописей: вот телеграмма из Москвы, письмо из Одессы... Последняя рукопись доставлена посылным, он ее оставил у сторожа, не сказав, кем он послан. Не только вы, но и наши читатели заинтригованы и интересуются тем, будет ли автор найден... Предоставляя в ваше распоряжение весь этот материал, мы ставим лишь одно условие, что вы поделитесь с нашими читателями результатами ваших розысков...

Телеграмма													
ОГОНЕК ПЕТЕРБУРГ ГАЛЕРНАЯ													
Въ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	40 =												
Изъ ПБГ МОСКВЫ 1 99530 22 13 2 1 А	Л2												
 Принята <i>15</i> во 190 <i>824</i> <i>158 1/11</i> <i>241</i> <i>Мав</i>	<table border="1"> <tr> <td>Разр.</td> <td>Счетъ словъ</td> <td>По в с</td> </tr> <tr> <td>.....</td> <td>.....</td> <td>.....</td> </tr> <tr> <td>.....</td> <td>.....</td> <td>.....</td> </tr> <tr> <td>.....</td> <td>.....</td> <td>.....</td> </tr> </table>	Разр.	Счетъ словъ	По в с									
Разр.	Счетъ словъ	По в с											
.....													
.....													
.....													
С л у ж е б н ы я о т ж и м к и													
ШЕРЛОК ХОЛМС В МОСКВЕ ПОСЫЛАЮ ЗАКАЗНЫМ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЕГО МОСКОВСКИХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ. СТАВЛЮ УСЛОВИЕМ НАПЕЧАТАТ В БЛИЖАЙШЕМ НУМЕРЕ ОГОНЬКА ;;;													

В то время, как редактор говорил это, Шерлок уже перелистывал листы, всматриваясь и изучая шрифт. Очевидно, план не казался ему неисполнимым. Он смотрел на однообразные синие строчки, мелькавшие перед ним и, очевидно, буквы, выведенные машиной, говорили ему больше, чем могли бы сказать обыкновенному смертному, ибо он вдруг улыбнулся, свернул все три рукописи в трубку и сунул их в карман. Потом внимательно прочитал телеграмму, прочитал открытку и сунул их туда же.

— Благодарю вас, джентльмены! — сказал он, подымаясь.
— Надеюсь, что эти вещицы, — он хлопнул себя по карману, — помогут мне найти то, что мне нужно.

— Как... у вас уже успел созреть план?

— В нашем деле, джентльмены, — скромно ответил Шерлок, — догадка иногда важнее плана... Я мог и теперь уже кое-что вам рассказать, но не нужно слишком рано открывать карты... За оказываемую мне любезность отвечу вам любезностью же... Ждите моего письма из Москвы... Счастливого оставаться!

Сообщаем о результатах поисков Шерлока Холмса в Москве, в свою очередь, сообщенных нам подробно его письмом.

Шерлок Холмс на телеграфной станции в Москве

Как и можно было предположить, первый свой визит в Москве Шерлок Холмс нанес начальнику телеграфа.

Всецело поглощенный своим делом, с способностью не видеть ничего, пока его беспокоила известная мысль, — он обращал мало внимания на гигантский полуазиатский город с его бесчисленными церквами, узкими, грязными переулками наряду с шикарными европейскими улицами, с его знаменитыми хлебосольными трактирами и со всей его пестрой, суетливой и оригинальной жизнью.

Он шел, не останавливаясь, к цели.

Дежурному чиновнику московского телеграфа, глядевшему на него во все глаза, он прямо протянул смятый клочок бумаги.

— Вот телеграмма, полученная журналом «Огонек» 14-го марта сего года; по этой телеграмме я просил бы вас найти оригинал, на котором должны быть обозначены адрес и фамилия отправителя.

Дежурный чиновник пробежал телеграмму глазами.

«Шерлок Холмс в Москве. Посылаю заказным повествование о его московских приключениях. Ставлю условием напечатать в ближайшем номере “Огонька”».

— На каком же основании вы требуете этого?

— На том простом основании, что Шерлок Холмс — я, и речь идет обо мне. Автор рукописи привлекается мной к судебной ответственности по делу о клевете в печати. Но суть в том, что он неизвестен как мне, так и редакции.

— Так... так...

Дежурный чиновник продолжал с опасливым любопытством разглядывать посетителя, которого он, как и все, считал до сих пор совершенно вымышленным лицом, а теперь сумасшедшим.

Чуть заметная усмешка скользнула по его губам.

— В свое время, — сказал он, — на эту телеграмму уже было обращено нами внимание. Содержание ее показалось нам странным и непонятным, да и сам отправитель с его фамилией и адресом тоже возбудили подозрение, и мы ее задержали на время... Но потом все-таки решили послать, полагая, что Петербург, как высшая инстанция, распорядится уже по своему усмотрению... Теперь — очевидно, что она была-таки доставлена. Оригинал ее хранится даже у нас в особом конверте.

Говоря это, дежурный чиновник достал из какого-то ящика небольшой синий конверт, отмеченный особым штемпелем.

— Вот он... но не думаю, мистер... мистер Холмс, чтобы это принесло вам пользу!

— Почему? — Шерлок посмотрел с недоумением и, достав оригинал, прочитал:

«Москва, И. И. Неписайло, Неведомый переулок, дом Незнамова, № 7 2».

— О, черт... Да ведь тут что ни слово — глумление... Ведь это же явно сочинено... Как вы могли принять?

— Удивляюсь вашему вопросу. Не можем же мы о каждом подателе телеграммы наводить адресных и полицей-

ских справок... Приходится ограничиваться теми сведениями, которые нам дают... К тому же должен вам сказать, что Неведомый переулок в Москве существует... А это главное... Что же касается фамилии подателя и домовладельца, то, конечно, согласен с вами... сильно похоже на вымысел... Но опять-таки... Каких фамилий на Руси не бывает!.. Во всяком случае, советую понаведаться в этот переулок...

И, любезно улыбнувшись, добавил:

— Для вас, может быть, совершенно достаточно и такой нити... Помилуйте, вы сами — Шерлок Холмс!..

Шерлок Холмс у Тестова

По выходе из телеграфной конторы Шерлок Холмс решил было тут же отправиться на поиски Неведомого переулка, но подумал и по некоторым соображениям поиски отложил до другого утра.

Таким образом, остаток дня до вечера остался всецело в его распоряжении.

Было около трех часов пополудни, и сказывался голод.

Он вспомнил вдруг своих английских друзей, которые ему не раз говорили:

— Вы, который находите, что половина жизни англичан проходит в еде, посмотрите, как едят русские.

И при этом те из них, которые побывали в Москве, обязательно упоминали про трактир Тестова как место, где удобнее всего наблюдать это диковинное зрелище.

Шерлок как раз в это время проходил мимо Чистых прудов, направляясь к Покровке. Представлялась сразу возможность удовлетворить и голод, и любопытство.

Мы не станем останавливаться на подробностях, которыми изобилует письмо Шерлока; приведем только несколько слов о его впечатлениях, юмористическое описание которых он прислал нам, скопировав для этого, как он сам заявляет, часть письма, посланного одновременно доктору Ватсону.

«...Друг Ватсон, вы, который побывали как в Афганистане, так и на крайнем Севере, выдавший, как едят такие мастера дела, как самоеды и эскимосы, несомненно, испытали бы громадное удовольствие, наблюдая, как насыщаются москвичи. Любимое блюдо — “уха”, и каждый заказывает ее на свой манер. Для этого гость обыкновенно вскакивает в сапогах на сервированный стол и сам ловит руками в аквариуме нужную ему рыбу. Лакеи же стоят около с лоханями и ждут. Русские лакеи, вообще, самые безответные и покорные существа, и поэтому для возбуждения их чувств, как мне объяснили, их принято время от времени смазывать горчицей. Смен бывает до 12-ти, и сидят за столом по 8-10 часов, так как русские любят делать это дело очень аккуратно. Если собираются много человек и пьют “водка” — совершают таинственный обряд, который до сих пор остался мне непонятным. Со стола, сплошь уставленного бутылками и блюдами, стаскивают скатерть, причем строго следят за тем, чтобы все разбилось вдребезги. Вслед за этим бьют зеркала. Обряд стоит громадных денег... Но что ж поделать... Москва — город ханжей и суеверных людей, которые ни за что не хотят изменять своим обычаям и старине. Нередко тут же можно наблюдать, как купают дворовых собак. Не удивляйтесь, Ватсон, что в России это делают в ресторанах... Как мне объяснили, русские собаки очень изнежены и совсем не переносят воды. Поэтому их купают в шампанском, в то время как люди пьют квас. Можете себе, таким образом, представить, восколько обходится москвичу его обед».

Шерлок Холмс в литературном клубе

После Тестова, где на Шерлока смотрели, как на чудо, ибо он съел только несколько сандвичей и выпил стакан кофе, — Шерлок зашел в скоропечатню и заказал карточки: «Генри Вест. Корреспондент “Daily Telegraph”», а в восемь часов вечера он подъезжал к литературному клубу на

Тверской. Карточка корреспондента «Daily Telegraph» и респектабельная фигура Шерлока с его характерным бритым лицом возымели свое действие и, несмотря на то, что гость не мог представить никаких рекомендаций, дежурный старшина разрешил ему вход. Он даже простер свою любезность до того, что познакомил нового сочлена с парой журналистов для того, чтобы он не чувствовал себя одиноким.

И Шерлоку тут же пришлось выслушать несколько комплиментов.

Один из его русских коллег, добродушно пожимая ему руку, сейчас же сказал с улыбкой:

— А не говорили вам, мистер Вест, что вы ужасно напоминаете своего знаменитого земляка?

— Кого? — невинно спросил Шерлок.

— Да неужто вы этого сами не знаете?.. А вашего легендарного, прославленного на весь мир Шерлока Холмса... То есть прямо удивительно!.. О, вы могли бы произвести сенсацию, если б появились в публичном месте.

Шерлок ответил такой же улыбкой, но ничем не выдал себя.

В клубе уже было порядочно народу.

Вышедшее недавно запрещение играть коснулось только гостей, но для действительных членов это право отчасти сохранилось, т. е. играли не в макао, игру, слишком быструю по темпу, а в более медлительное экарте, которое как бы сохраняло призрак какой-то коммерческой игры с козырями.

Уже в небольшой, красной гостиной — преддверии игрового зала — носилось как бы эхо игры... Слышался смешанный гул голосов, среди которого на разные лады выделялись особенно звонкие возгласы банкометов, приглашавших делать игру; слышался стук и звяканье денег... Появлялись и исчезали отдельные фигуры игроков, иногда гурьбой проходило несколько человек, разом говоря, разом жестикулируя, разом стуча сапогами и разом цепляясь один за другого. На всех лицах лежал отпечаток бурной внутренней жизни, напрягавшей все чувства и придававшей лицам живой и страстный характер.

Зал для игры был довольно обширен, и все-таки шесть электрических вентиляторов, добросовестно исполнявших свое дело, не успевали справляться с все более и более спавшимся воздухом.

То и дело слышались крики:

— Пятсот на точку!.. Атанде!.. Двести шваль и шестьсот круг!

— Делайте игру, до заметки!.. — Поехали!

Шерлок бросил на первое попавшееся табло сто рублей и выиграл. А два соседние табло проиграла.

Молодой человек, понтировавший тут же, мельком возбужденно посмотрел на него и прошептал со злостью и отчаянием:

— В шестой раз!

И, резко повернувшись, отошел от стола.

— Состояние проиграл, — сказал Шерлоку старик, стоявший рядом с ним. — А какие срывал куши! Вот что значит, счастье отвернулось!.. — и разговорился на эту тему.

— Я, милостивый государь, старый игрок и видал виды... Говорят, например, выдержка... Нет-с... Самое страшное здесь — полоса... Повороты, броски счастья, которых никогда нельзя предвидеть... Перед вами двое играют за одним столом, за одним уголком стола, один по левой, другой по правой стороне узенькой черты шириною в полсантиметра... И правая сторона этого полусантиметра шесть-семь раз подряд берет, левая те же шесть-семь раз подряд проигрывает. Карты при бесчисленных комбинациях, которые только возможны, укладываются именно так, что на правой стороне семь раз подряд выпадают самые крупные очки, на левой — самые низкие. Вам начинает казаться, что вы имеете дело уже не со счастьем, т. е. не с чем-то отвлеченным и бездушным, а с чем-то живым, волнующимся, как и вы, с чем-то мстительным, ехидным, упорно и жестоко вас преследующим, хохочущим вам в лицо... Такой неудачник уже не играет, а борется, и со страстью, и ненавистью, и исход борьбы для него уже не только дело выигрыша, но и самолюбия... И, если он бледнеет, то не потому, что ему денег жаль, а потому, что ему нельзя тут же закричать, за-

выть от боли, разбить в куски этот несчастный угол стола, где в течение всего вечера может происходить такая нелепая и возмутительная несправедливость, на которую невозможно и некому жаловаться... А потом смотришь: или пуля в лоб, или прыжок с парапета моста, или уж в лучшем случае хорошенькая судебная волокита... Я — старый литератор и старый игрок, и предо мною прошли целые поколения... А сколько собратий моих погибло здесь... один Ты, Господи, веси!

Шерлок слушал и о чем-то думал; вдруг у него блеснули глаза, и он совершенно некстати спросил:

— Вы сказали, сэр, что вы старый русский литератор... По всей вероятности, в этом миреке вам все знакомы?.. Скажите же, сэр, не знали ли вы случайно молодого человека, тоже литератора... довольно горячего... непоседливого... бывшего в Москве, приблизительно, в средних числах марта, а затем уехавшего в Одессу?

— Публицист?

— Н-нет... скорее беллетрист, но с этакой обличительной жилкой, пытливостью... я бы даже сказал... с известной склонностью к детективной деятельности...

— О, — весело вмешался вдруг вслушивавшийся высокий блондин. — Это ужасно похоже на Лосева... Он помешался на Шерлоке и Комп.

— Как вы сказали? — живо переспросил Шерлок.

— Лосев... кто же не знает маленького, юркого, черненького Лосева, по прозвищу «блоха»!.. Его, действительно, в Москве теперь нет... И, действительно, я слышал что-то про его поездку в Одессу... Но это же вечный бродяга!.. Он и здесь, в Москве, жил у черта на куличках, чтоб только иметь возможность делать свои десять-пятнадцать верст ежедневно.

— Где же он жил? — спросил Шерлок, смеясь, и в то же время весь похолодел от ожидания.

— Где жил?..

Блондин задумался.

— О, черт... где же он жил, в самом деле... ведь знал же... Попов! — обратился он вдруг к молодому человеку, который проходил мимо. — Вы не помните, где жил Лосев?

— Отлично помню!

Молодой человек остановился.

— Отлично помню... Неведомый переулок...

— Неведомый?..

Шерлок просиял.

— Действительно, оригинально!

И он расхохотался.

— Пожалуй, оригинальнее, чем фамилия, которую мне довелось сегодня слышать: Неписайло... Слышали вы когда-нибудь, джентльмены, подобную фамилию? — Шерлок, не переставая смеяться, остро посмотрел на своих слушателей, но никто не отозвался.

Через полчаса, серьезный и сосредоточенный, он уже катил к себе в гостиницу, развивая по дороге дальнейший план.

В Неведомом переулке

Шерлок узнал несколько важных вещей: во-первых, что Неведомый переулок действительно существует, во-вторых, что в этом переулке действительно жил какой-то человек, имевший отношение к литературе и увлекавшийся похождениями сыщиков и, в-третьих, что этот человек действительно уехал недавно в Одессу.

Но Шерлоку более, чем кому-либо, было известно, какую фатальную роль играет иногда при сыске простое совпадение. Поэтому он не спешил с заключениями, тем более, что ему так и не удалось разузнать, где и в каком духе Лосев писал, а главное, ни от кого нельзя было добиться ни точного московского, ни одесского его адреса.

Кое-какие сведения Шерлок надеялся получить на старой квартире, но предварительно нужно было ее найти.

На другой день он уже с раннего утра отправился в Неведомый переулок.

Конечно, никакого 72-го номера там не оказалось, как не оказалось и домовладельца Незнамова, но зато Шерлок кое-что узнал от местных лавочников, которых не преминул по привычке обойти.

Упал он, что в 32-м номере жил какой-то молодой человек, очень походивший на портрет, который Шерлок рисовал: маленький, юркий, черненький... Фамилии его никто не знал, но существовала вероятность, что он был по «письменной части», так как его нередко видели в местном трактире, когда он делал какие-то наброски на бумаге.

В 32-м номере Шерлок прямо потребовал домовую книгу.

По ней значилось: Лосев, Константин Ларионович, чертежник, выбыл 23-го марта, неизвестно куда.

Шерлок отправился к хозяйке, у которой Лосев занимал комнату.

Это была маленькая, убогая старушка, вдова какого-то канцелярского служителя.

Увидев высокого незнакомца, одетого так необычно богато для этих мест и с таким серьезным, строгим лицом, она сначала перепугалась, но, узнав, что это ищут только ее прежнего жильца, успокоилась и стала очень словоохотливой.

На вопрос, сдана ли ею освободившаяся комната, — она замахала руками.

— И... и... батюшка... Кто же здесь, в такой глуши, возьмет?... Только один полоумный мой и мог жить.

— Почему вы его называете полоумным?

— Как же, батюшка, не полоумный!.. Какие же другие полоумные бывают?... Днем рыщет, высунув язык, по городу, неведомо зачем, а ночью, где бы спать — стучит себе на чертовой машинке.

— А у него и машинка была? — живо спросил Шерлок.

— Была, была... помучилась с ней, прости Господи... Ночей из за нее, проклятой, не спала... Тук да тук, так дробью и рассыпалась.

— Что же, ваш жилец был переписчик?

— А Бог его знает!.. Не знала я его делов... Только так надо думать, что непутевое делал... Пишет, пишет и вдруг сам и засмеется... В комнате-то никого с ним, — значит, сам с собой.

— Кстати, не покажете ли вы мне его комнату?

— А пожалуйста, батюшка!

Старушка провела Шерлока в маленькую клетушку, где стояли кровать, стол и два стула.

— Вот и все его царство, где он володычествовал, — засмеялась она.

Шерлок внимательно осмотрел комнату. Было грязно и убого.

На комод он увидел пачку каких-то бумаг и стал их перебирать.

Это были все ничего не значащие отрывки, но между ними попались вдруг два полулиста, копия и оригинал какого-то прошения, написанных на машинке.

Шерлок посмотрел, аккуратно сложили их и положил в карман.

— А не сказал вам ваш жилец, — спросил он, — куда пересылать ему письма?

— Какие, батюшка, письма? У него, почитай, и знакомых-то не было... За весь год живого человека в комнате не видала!

Впрочем, Шерлок мог теперь обойтись и без его адреса. Зная имя, фамилию и звание, он легко мог получить нужную справку в адресном столе.

И, поблагодарив старуху, он уехал.

Письмо его в редакцию оканчивалось такими словами:

«...Как видите, я уже на твердом пути, с которого не сойбюсь. И не скажу, чтоб мне это стоило больших трудов... Русские безалаберны и не умеют быть даже порядочными преступниками... Если заметут два следа, — то на третьем смело уже бери их с руками и ногами... Дурно ли это или хорошо — вопрос другой, но умные люди этим пользуются... О дальнейшем вы от меня услышите».

В следующем письме человек, именующий себя Шерлоком Холмсом, описывает похождения, которые на первый взгляд кажутся даже невероятными и фантастическими, если бы нечто подобное мы не находили во многих корреспонденциях с юга.

Одессе Шерлок прежде всего отправился, конечно, в адресный стол, и вот тут-то с ним и приключилась история, которая показала ему воочию, что популярность Шерлока Холмса в России громче, чем в Англии, во всей Европе, что она достигла уже геркулесовых столбов.

Одесситы, разумеется, как и все, хорошо знакомые по снимкам с портретом героя рассказов Конан-Дойля, смотрели во все глаза на лицо, которое воплощало до мельчайших деталей внешность пресловутого мага-сыщика, имя которого стало нарицательным.

Смотрел чиновник, которому он подавал справку, смотрела публика.

Высокий юноша с серыми, бойкими глазами долго смотрел на него в упор и с таким странным выражением, словно не хотел верить чему-то, потом осторожно взглянул на справку, которую Шерлок сделал, и тихо сказал самому себе:

— Ведь не снится же мне это?.. Если я — я, то он — он... В этом не может быть ни малейшего сомнения!

Потом отошел в угол, где стоял подросток лет пятнадцати, тоже с очень взволнованным лицом, и сказал, задыхаясь:

— Он!..

— Ну?..

У мальчика немедленно же все лицо покрылось обильным потом.

— Никакого сомнения... Сейчас отнесешь начальнику... Я напишу донесение!..

И на клочке бумажки он поспешно написал:

«Рост — выше среднего. Лицо бритое, чистое. Нос с горбинкой. Глаза темные, пронзительные, его глаза. Когда говорит — левый угол рта кривится немного в правую сторону. Узнать можно по легкому шраму на безымянном пальце (второй сустав, сторона наружная); нанесен, очевидно, колющим орудием не больше пяти с половиной лет тому назад. Одет: шляпа белого кастора, без ленты. Сюртук черный, брюки полосатые, серые, в крапинках с ворсом; на солнце золотистый отлив. Ботинки узкие; подошв не заметил. Осыпавшаяся земля, по всем признакам, с Молдаванки. Правая штрипка длиннее левой. Не забыть: ищет Лосева (букву “о” произносит, не дотягивая губ на треть окруж-
постп).»

— Теперь беги во все лопатки... Да... не забудь, чтобы все наши были в полном сборе... А я тут живо оборудую...

— Ой-ли, Шурка?

— Да, уж будь покоен... Скажи, чтобы смены не присылали... Это дело я хочу один обделать... Ну, марш... Одна нога здесь, другая там!..

Мальчик стремглав побежал, а старший сейчас же принялся делать около Шерлока круги, кружился, кружился и вдруг — как в воду бросаются — сразу подошел и твердо сказал, прямо глядя Шерлоку в глаза:

— Сэр... Англия... Лондон... Бэкер-стрит, 221.

И, глотнув воздух, остановился. Но Шерлок мигнуть не успел, как юноша снова отрывисто сказал:

— «Тайны Лористонского сада». «Баскервильская собака». «Женщина с револьвером». «Красное по белому». «Чер-

ный Петр».

Необычайное волнение охватило Шерлока.

— Молодой мистер...

Но тот уже не в силах был остановиться и продолжал в самозабвении:

— «Клуб семи повешенных». «Потерянный ключ». «Две пули в одном стволе». «Трое или четверо». «Два браконьера и одна антилопа». «Рука мертвеца или...»

— Довольно, довольно... Имя, молодой мистер?.. Имя человека, которые почтил меня за десять тысяч лье от моей родины?

— Так это правда, — прошептал юноша, делая два шага назад и не отвечая на вопрос. — Так это правда... Передо мною живой, великий, непобедимый Шерлок?

— Да, молодой мистер... Шерлоком зовет меня Европа... Но кто же вы?

— О, что тебе до имени моего... Я — твой ученик, о учитель — подражатель... раб...

И юноша порывисто схватил вдруг Шерлока за руку.

— Пойдемте со мною... Пойдемте... Я покажу вам десяти русских юношей, которые падут перед вами ниц... которые жаждут увидеть вас, чтобы увенчать вашу голову, как до сих пор венчали ее на бюсте. Мне известно, что вы ищите здесь, но это сегодня же будет сделано вашими учениками... Идемте... Я покажу вам, что создано во имя ваше... О, вы будете удовлетворены!

Шерлок одну секунду подумал, потом, не колеблясь, рука об руку вышел с молодым энтузиастом, к которому тут же почувствовал такую живую симпатию.

В школе Шерлоков Холмсов

— Меня зовут — Шура Вдохновенный... «Вдохновенный» — это в отличие от другого Шуры, нашего же члена, которому дали имя «Следопыта». Моя специальность — это общий план обыска, так сказать, его архитектоника... Мелочи же

разрабатывают уже младшие ученики... О, дело у нас поставлено очень широко!.. Вы увидите наши научные программы и все то, что мы уже успели ввести в этой области, имея перед собой один образец, великого, непобедимого Шерлока, творца единственного метода, метода дедукции!

Так говорил Шерлоку его спутник в то время, как они направлялись к Большому Фонтану.

Недалеко от третьей станции трамвая они остановились.

— Вот и школа, учитель! — сказал Шура Вдохновенный, указывая на мелькавший в глубине какого-то сада серый дом.

Дом стоял как раз на берегу моря, и слышно было, как внизу о камни с шумом разбивались волны, захлестывая берег.

Лишь только Шерлок вступил на крыльцо, как настежь распахнулись двери, и молодой человек в белом кителе, окруженный юношами и мальчиками, вышел Шерлоку навстречу.

— Приветствую тебя, учитель!

И все хором запели национальный английский гимн.

Шерлок был глубоко тронут. Слезы, может быть, в первый раз в жизни, настоящие слезы показались у него в глазах, и он почувствовал, что его долг — тут же, на пороге, сказать несколько слов молодому поколению. И он сказал:

— Молодые джентльмены, я никогда не думал, что мои скромные заслуги найдут такую высокую, беспримерную оценку со стороны цвета русской молодежи... Я замечая среди вас студенческие и гимназические мундиры... О, мои милые джентльмены, у меня старая, негодная грудь, но идите сюда все!.. Всех хочу прижать к ней, и если я умру от этого, это будет славная смерть... Лучшей мне не дожидаться... Ура!.. Ваше прекрасное русское ура!..

Дружные и восторженные крики долго не смолкали.

Наконец, когда все успокоились, тот, кого называли начальником школы, молодой человек в кителе, стал давать Шерлоку объяснения.

— Все, учитель, основано на ваших принципах. И первое: кто посвящает себя высокому делу сыска, должен бро-

сечь все, что может мешать этому искусству... Прежде всего — не загромождать головы... Никакого лишнего балласта... Маленькая верхняя мансарда должна быть отведена только для специальных знаний... Программа такова: история, литература, философия, политика — к черту; всякие течения, всякие гуманитарные науки — к черту! Но вы видели нашу геологическую комнату? Там вы найдете наслоения земли, какие только могут найтись в Одессе. И каждый из нас по земле, прилипшей к подошве, должен уметь отличить, откуда человек пришел: с Болгарской улицы, с Госпитальной, с Базарной, с Молдаванки и т.д. Каждый должен знать запахи всех ядов, формы всех орудий, режущих и колющих, все системы револьверов, виды пепла сигар и папирос всех фабрик, приемы борьбы французской, английской (бокса) и японской... Помимо того, каждый должен представить реферат в виде подробного разбора какого-нибудь дела Шерлока Холмса и уметь накладывать и защелкивать кандалы в четырнадцать и три седьмых секунды... Четырнадцать и три седьмых мы назначили потому, что именно столько времени, по вашим наблюдениям, преступник не владеет собой после того, как его неожиданно задерживают... Но, конечно, есть еще и еще... Каждый член общества, вступая, должен тут же дать доказательство того, что он вполне способен к делу. Впрочем, мы сейчас же произведем экзамен младшим ученикам, и вы увидите... Возраст, разумеется, не играет никакой роли, ибо известно же, что Моцарт начал играть на клавесинах четырех лет. Антон-Оттопыренные Уши!... Донесение!

Мальчик лет девяти бойко выступил вперед.

— Вчера вечером папа был усмотрен в запертом кабинете. Стал на дежурство у замочной скважины. Преступник сидел у стола и что-то писал анилиновыми чернилами. Утром произвел расследование. По оттиску на клякс-папире видно, что было писано письмо к бабушке, чтобы она прислала денег. В пепельнице найдены окурки папирос фирмы «Шишман и Дурунча». Преступник скрылся до обеда, неизвестно куда.

— Хорошо... Василий Громогласный!

Вышел плечистый малый с красным угреватым лицом.

— Он из простых, — шепнул Шерлоку молодой человек в кители, — и немножко простоват... Но старается, и жаль исключать... Отвечайте, Громогласный!

Малый начал:

— Как проходили мы, значит, упозжевчера по Малой Арнаутской, то видели, как господин один вышел от парикмахера бритый... Сейчас это значит: почему брит? Зачем такой банный маскарад среди бела дня на глазах у всего честного народа?.. И в рассуждении контроля и прочего осведомления — за ним... Он — в слесарную, а мы, значит, на манер караульного — у двери... Только вышел он с пакетом — сичас это в голову вдарило: не иначе, как динамитчик... Он на Базарную — мы на Базарную, он на Успенскую — мы на Успенскую, он на Почтовую — мы на Почтовую...

И уж рядышком, значит... Под шапку засматриваю... Уж локтем легонько потрагиваю... Куда, мол, господин хороший, так уж стремительно... Потому, которые настоящие господа, с мыслями, как полагается, то торопиться, быдто, и незачем среди бела дня-то... Ну, и...

Малый замялся немного и, почесав затылок, смущенно замолчал.

— Что же вы остановились?

— Да так, господин начальник, что дальше очень уже конфузно вышло...

— Что же такое?

— А так, что они осерчать изволили шибко... «А тебе, — говорит, — такой-сякой, какое дело?» Ну и в карахтер вошли... Прямо скажу, обидели по физиономии личности... Я ему и так, и сяк, а он свое: хряск в одну, хряск в другую... Всю скулу свернули...

Начальник школы Шерлоков нахмурился.

— Василий Громогласный, вы не оправдали моих ожиданий.

И тут же, призвав всех к вниманию, ясно и внятно стал объяснять, как нужно подходить к незнакомым людям, как вызывать их на откровенности, как потом проникать в дом и т.д.

Вероятно, он бы еще долго читал свою лекцию, если бы ему не помешал вдруг вбежавший мальчуган лет четырнадцати. Он вбежал стремглав с радостным криком:

— Нашел, нашел!

— В чем дело? — строго обратился к нему начальник школы.

— Я нашел Лосева.

— Аа... Это по вашему делу! — и он взглянул на Шерлока.

Шерлок жестом подозвал мальчугана и с улыбкой взял его за руку.

— Ну, дорогой мой маленький мистер, рассказывайте, что вы нашли?

В восторге от того, что сам великий учитель говорит с ним, мальчик зарделся весь, как пион.

— Мое дежурство на Садовой, — начал он сбивчиво, торопясь и волнуясь, — и вот я нашел дом... Впрочем, на бумажке все нарисовано... И план квартиры; она имеет два хода... Четыре комнаты, одна темная, без окон... Дворник Анисим... Живет с толстой женщиной, кухаркой Луке-рьей, что из дома напротив... Родимое пятно около уха...

— Великолепно! — сказал Шерлок, пряча бумажку в жилетный карман, и обратился к начальнику школы:

— Объясните, о каком это дежурстве мой молодой друг говорит?

— О, это простая вещь... Дело, видите ли, в том, что каждый член нашего общества имеет в распоряжении улицу... И вот, на случай поисков, как например теперь, каждый ищет в своем районе, который должен быть ему известен... Страшно сокращает время!

— Значит, весь город, таким образом, под вашим надзором?

— О да, весь... И мы надеемся, что когда размножатся такие школы, вся Россия будет под нашим надзором.

— О!..

Шерлок откинулся в изумлении.

— О, джентльмены, вы пошли дальше меня!

И вдруг великая грусть охватила его. Он думал о том, что уже нет больше единственного, никем не заменимого Шерлока Холмса, — есть «Шерлоки Холмсы»... Беспощадное время создало то, о чем он и не мечтал...

Шерлок пробыл в школе еще несколько времени и ушел.

На обратном пути молодой человек в кителе, провожавший Холмса, между прочим, говорил:

— Вы видели, учитель, нашу школу... Но не скрою от вас, что в городе уже существуют школы Пинкертона, Картера и даже Этель Кинг... Но там девочки... Конечно, пустяки, и они совсем не опасны для нас... Их область — адюльтер... Школа Картера тоже пустяки... Это спокойные ремесленники; хотя и задаются такими же широкими задачами, как и мы, но их приемы и наши — день и ночь... Все грубо, к тому же они страшные невежды и узкие националисты... На днях, например, один из них хотел меня уверить, что настоящие калоши американской резиновой мануфактуры и поддельные русской выделки оставляют один и тот же след... И, разумеется, сам же и сел в калошу... Болван не знает даже такой простой вещи, что на русской калоше клеймо тоньше и никогда не дает такого рельефа... Но вот кто опасен — это «Пинкертонщики»... Во-первых, самодушны и, во-вторых, у них всякий сброд... И вражда с ними отчаянная... Тсс... Ради Бога, ни слова...

Поравнялся и прошел мимо рыжий молодой человек с угрюмым лицом, тоже в кителе.

— Это их местный глава! — успел шепнуть Шерлоку его спутник и, когда парень скрылся, добавил: — Уже следят за вами... Уже пронюхали... Сегодня же дам знать, чтобы все были настороже... А вы не беспокойтесь... мы сумеем охранить вас.

Шерлок усмехнулся.

— Я думаю, дорогой мой мистер, что Шерлок еще остался Шерлоком!

И глаза его гордо вспыхнули...

Но на душе пело... Стать главой великой школы, оставить свое имя навеки потомству, видеть плоды многолетней работы, преданных и верных людей, бросивших науку и се-

мы, чтобы защищать его идеи... О, для этого стоило жить...

И мысль о клеветнике, этом низком клеветнике, за которым он гнался, еще сильнее стала жалить его. Какой-то Лосев бросает в него комья грязи... Какое-то ничтожество хочет свергнуть его с пьедестала, на который возвела его сама Россия... О, будь он проклят!.. Сегодня же он должен быть найден!..

И с приливом страшной энергии он внезапно сказал:

— О, ученик мой, моя гордость и радость, моя слава и любовь, ты, — Шерлок чувствовал, что этим «ты», бросаемым на прощание, он не может унизить человека, который шел с ним рядом, — ты, в котором я вижу мое светлое прошлое, подойди ближе — я обниму тебя в последний раз... Шерлок должен остаться один... У Шерлока есть рана, и он один будет лечить ее... Не пробуй проникнуть в его тайну!.. Она отравит тебя... Но передай своим товарищам — что, если Шерлок найдет лекарство и пойдет по верному пути, он им скажет это, где бы он ни был... Прощай!..

И твердыми шагами, весь еще полный неостывших чувств, Шерлок пошел с высоко поднятой головой, обращая на себя внимание всех постовых городских.

На Садовой

Пройдя с версту, он, конечно, немного остыл и превратился уже в спокойного, деловитого и проникающего Шерлока, у которого дело на первом плане.

Со справкой в руке он скоро нашел и дом, и квартиру. На вопрос, дома ли Лосев, прислуга ответила, что их жилец только четыре дня тому назад выехал неизвестно куда.

Шерлок даже выругался по-английски от досады.

— Можно, по крайней мере, видеть хозяина или хозяйку?

— Сейчас справлюсь.

Прислуга ушла, и Шерлок остался ждать.

Немного спустя к Шерлоку вышел старик угрюмого вида.

— Вам Лосева? — спросил он, подозрительно вглядываясь в посетителя. — Уехал Лосев... А вы по какому делу?

— У меня к нему личное дело... Помимо того, поручение еще из Москвы. Быть может, вам известно, куда именно, он уехал?

— Он адреса не оставил!

— А комната его уже сдана?

— Нет.

— Тогда, быть может, вы разрешите мне осмотреть ее?.. Я бы взял ее себе на месяц до его приезда.

— А разве он через месяц приедет?

— Да, — не сморгнув глазом, ответил Шерлок, — через месяц он обязательно должен быть в Одессе!

— Осмотрите, если хотите... Все равно зря стоит.

С бьющимся сердцем Шерлок вступил в комнату. Его пугала мысль, что, если он не найдет здесь следов, то Бог знает, сколько времени придется еще искать их, — да, наконец, тот ли еще это человек, который ему нужен.

Комната была почти такого же типа, как и московская, даже вещи, оставленные жильцом, были такие же: все ничего не стоящие клочки бумаг, частью исписанных рукой, частью — на машине.

Шерлок перебрал все бумаги и рыскал глазами по углам.

— А во сколько комната идет? — спросил он, медленно подходя к окну.

Хозяин назвал цену.

— Так, так, — сказал Шерлок и, наклонившись, поднял с пола какую-то бумажку и небрежно стал мять ее в руках.

— Великолепно... Так я потом зайду!

И он вышел, но, когда очутился на улице, его лицо разом просияло. То, что он поднял с пола, был обрывок конверта со штемпелем, в кругу которого стояло: «27.VI.08», а сбоку: «Нефтянск».

Он сейчас же высчитал, что это письмо было последнее, которое Лосев мог получить в Одессе и, следовательно, этим письмом он и был вызван, а если был вызван, то только в Нефтянск.

И, садясь в поезд, Шерлок дал коротенькую городскую телеграмму:

«Шерлок Холмс идет прямо в цели. Последнее прости, ученики и молодые джентльмены, а вместе с тем, и последний совет: дедукция или ничего! Ни на шаг от дедукции! Ура!»

На этом заканчивалось донесение Шерлока из Одессы.

Первые впечатления Шерлока в Нефтянске

Город Нефтянск погрузился уже в сон, когда Шерлок приехал туда. Вероятно, в этот день температура достигла днем до пятидесяти или шестидесяти градусов, как это часто бывает в Нефтянске, потому что и ночью было невероятно душно и дышалось с трудом.

Многие спали на крышах, и это зрелище фантастических белых фигур, лежавших неподвижно в самых живописных позах, — поразило Шерлока.

Он никогда ничего подобного не видел. Да и весь город, представляющий смесь всевозможных стилей, от мавританского и стиля «модерн» до простых построек татарского типа, — показался ему ночью чрезвычайно оригинальным, каким-то сказочным.

В номере он прежде всего распахнул настежь двери и окна, но густой воздух, пропитанный тяжелым запахом, который говорил о близости промыслов, не двинулся и давил, как прежде. Кровь бросалась в виски, и начинала болеть и кружиться голова.

Шерлок чувствовал, что все равно не заснешь, и, переодевшись в легкую фланель, отправился побродить по городу.

Его удивило, что на улицах не было ни души. Он был один, и в мертвой путающей тишине его шаги отдавались гулко и звонко. Темень стояла страшная.

На углу Морской и Телефонной он остановился вдруг, пораженный. Три фигуры в полуазиатских костюмах бесшумно отделились от какой-то стены и встали перед ним черными призраками.

— Руки вверх!

И прежде, чем Шерлок мог сообразить, в чем дело, две пары рук быстро ощупали его со всех сторон.

— Револьвэр нэт?.. Оружий нэ имэешь?

И один из стражников, — это были они, — легонько толкнув его в спину, сказал спокойно:

— Проходи!

Теперь Шерлок вспомнил, что в Нефтянске, — ему рассказывали, — такие обыски прохожих происходят не только ночью, но и среди бела дня, когда в городе кипит жизнь, как в котле.

И при дальнейших встречах со стражниками он уже сам равнодушно подымал руки вверх и говорил:

— Револьвера нет. Оружия не имею.

Пройдя с такими остановками большие улицы, он, сам не зная, куда идет, вступил в Черный Город и очутился у пристани, где темнели корпуса целой флотилии шхун и, словно гигантские щупальцы, протянутые к небу, вырисовывались мачты.

Здесь ему пришлось случайно быть свидетелем события, которого он сам в то время не понял, но которое взбудоражило на утро весь город.

Среди мрака и тишины какая-то шкуна подплыла к другой и стала с ней бок о бок. Шерлок видел, что на подплывшей шкуне тихо шевелились люди и что-то спешно делали. Но он не обратил на это внимания и на то, что обе шкуны оказались вдруг соединенными каким-то широким рукавом.

А наутро сделалось известным, что у нефтепромышленной компании «М. и С-вья» одна шкуна, стоявшая с полным грузом нефти, оказалась выкачанной до дна. А шкуны, так ловко совершившей кражу, и след простыл.

Заинтересовавшемуся Шерлоку рассказали, что кражи нефти в Нефтянске — обычное явление, и против этого страшного бича почти нет средств. На выкачивание шкуны не

всякий отважится, ибо это сопряжено с риском и опасностью, но мелкие кражи происходят сплошь да рядом. Достаточно пробуровать тонкое отверстие в нефтепроводной трубе и ввести маленькую, едва заметную отводную трубочку, чтобы систематически в течение месяца пользоваться нефтью с чужого промысла.

Шерлок вообще видел, что в этом промышленном и богатейшем городе хищничество хорошо уживается с самым каторжным трудом. Все общества, банки и конторы имеют вооруженную стражу и, тем не менее, за право спокойно производить операции платят громадные деньги шайкам экспроприаторов, которые открыто являются за своим вознаграждением. И так грабят все, начиная с власть имущих, крупных акул, и кончая мелкою рыбешкою, вроде стражника, который, найдя у вас револьвер, спокойно отнимет вместе с тем и кошелек.

Кражи, убийства среди бела дня, организованные вооруженные нападения на целые дома, таинственные исчезновения и похищения мальчиков и девушек, религиозные распри, доходящие до побоищ, — все это наряду с надрывающей силы непрерывной работой в воздухе, насыщенном гарью и нефтью. И похоже, словно одно создает другое.

Таковы были впечатления Шерлока с первых же шагов в Нефтянске.

Шерлок в полицейских участках Нефтянска

Характерные особенности города дали себя знать Шерлоку и во время поисков.

Чтобы узнать адрес Лосева, ему пришлось обойти почти все полицейские участки, так как адресного стола в городе нет. И по дороге он мог наблюдать самые разнообразные и странные сцены.

Так, по одной большой улице, которую он проходил, с гамом пронеслась вдруг целая толпа татар.

Одна кучка бешено гналась за другой... Прогрохотало несколько выстрелов... Кто-то крикнул не своим голосом... И все скрылось в пыли.

Шерлоку объяснили, что это шииты и сунниты, которые теперь до вечера будут ловить друг друга, так как уже с раннего утра разодрались на базаре.

Потом загородила дорогу длинная религиозная процессия. Шли муллы в белых и зеленых чалмах, с развевающимися хоругвями и монотонными завываниями, среди которых можно было разобрать только одно без конца повторяемое слово:

— Гусейн!.. Гусейн!..

Это секта «двенадцати» устраивала шествие в память убитого сына Али-Гусейна, которого шииты особенно почитают. За муллами шла масса татар, из которых многие были полоубнажены и с дикими воплями хлестали себя плетками. Некоторые в религиозном экстазе даже наносили себе глубокие раны кинжалами, и кровь ручьями струилась по обнаженным бронзовыми спинам.

Дикие крики, возбужденные красные лица, устремленные в небо глаза, пена на губах и кровь — все это придавало людям вид каких-то сумасшедших, которые, вырвавшись вдруг на свободу, устроили себе форменный праздник на улице.

Но долго на этих картинах Шерлок не мог останавливаться. Дело, которое стояло у него на первом плане, гнало его вперед.

В первом же участке, где он стал наводить справку о Лосеве, разыгралась любопытная сценка, которая с небольшими вариациями стала повторяться в каждом участке.

Маленький чиновник, к которому он обратился с вопросом, не значится ли у них в числе приезжих Лосев, и которому он, во избежание недоразумений вроде одесских, прямо объявил свое имя, — выпучил на него глаза, ничего не ответил и, очень смущенный, встал с места и поспешно вышел.

Через некоторое время к Шерлоку выскочил в канцелярию какой-то чиновник в мундире, тоже с очень смущенным лицом.

—Письмоводитель мне сообщил. Но он глуховат и, быть может, перепутал... Виноват, с кем имею...

— Мое имя: Шерлок Холмс... Шерлок Холмс, — повторил холодно Шерлок, — это я повторяю на случай, если вы тоже немного глуховаты!

— О, помилуйте!.. Что вы... Такое имя... Пожалуйста: вот стул... Нет, вот кресло... Тут удобнее...

— Благодарю вас... Мне, видите ли, необходима справка...

Но Шерлок приостановился. Полицейский чиновник смотрел на него так странно, так упорно-пытливо, что Шерлок прервал себя и, хмурясь, спросил:

— Что вы смотрите так?

— Господин Холмс...

Полицейский вдруг схватил его за руку.

— Господин Холмс... Зачем это?.. Зачем вы хотите скрываться от нас?... Я знаю: вы скажете, что ищете Лосева... У нас нет Лосева!.. Нет и не было!.. Да и не нужен вам Лосев... Ведь я понимаю!.. А что касается того дела...

— Какого дела? — с недоумением спросил Шерлок, в свою очередь глядя на него во все глаза.

—Господин Холмс... Мы одни, и нас никто не слышит... Так вот, даю вам слово, что к этому ограблению Н-ской конторы мы не причастны.. Это одни сплетни и сплетни... Неужто вы думаете, что мы, как Асланов и К°, войдем в стачку с ворами... Помилуйте, разве такие вещи могут быть предупреждены?.. Шайка татар врывается днем, пользуется тем, что люди растерялись, производит экспроприацию и рассеивается, как дым... Где их искать?.. Разве эти головорезы оставляют следы, если город буквально кишит ими, и каждый похож на другого, как капля на каплю... Тут, что ни день — грабежи... Конечно, не скрою от вас... в большинстве случаев мы и бываем беспомощны... Но ведь тут местные причины!.. А нас винят... Ну... а если про некоторых и говорят, что они не совсем безупречны, — то ведь все — люди, все — человеки... Право же, господин Холмс, нарасно вы стали бы здесь что-нибудь искать... Даже при вашем таланте вы ничего не найдете и, кроме того, вы и себе

повредите, ну, и... нам подложите понапрасну свинью... А между тем...

Помощник пристава заискивающе улыбнулся.

— А между тем, — повторил он, понижая голос и блеснув глазами, — у нас можно прекрасно проводить время... Есть, например, учреждения...

И, наклонившись, он что-то прошептал Шерлоку на ухо, после чего Шерлок молча встал и направился к выходу. Да и незачем ему было, вообще, больше оставаться тут, раз справки о Лосеве он не мог получить. Полицейский так и остался в недоумении, будет ли Шерлок искать экспроприаторов или нет.

Почти такие же сцены разыгрались во втором и третьем участке, где Лосева тоже не оказалось, но где встревожившиеся полицейские сами начинали рассказывать о разных темных делишках, которые происходили в их участках и в которых они, по их словам, ни душой, ни телом не были виноваты.

Было очевидно, что Шерлока, на которого так и смотрели, как на живого героя тысячи обнаруженных громких преступлений, принимали за человека, приехавшего с какой-то специальной миссией по поручению Петербурга.

Наконец, в главном управлении Шерлоку посчастливилось напасть на кое-какие следы.

Угрюмый старик-письмоводитель на вопрос о Лосеве, не глядя на Шерлока, сердито буркнул:

— Вчера арестован!

— О, черт, — вырвалось у Шерлока, — за что?

— За всякие художества... А вы кем же ему приходиться?

Шерлок догадался ответить, что никем Лосеву не приходится, а приехал только повидаться с ним по поручению родных.

— А у вас где арестованные содержатся?

— Какие где... Только Лосева в Нефтянске нет!

Шерлок, как громом, был поражен. Он даже не мог скрыть этого.

— Разве арестованные у вас не остаются?

— Смотря кто!

— А Лосева, например, куда же увезли?

— Об этом нас не извещают!

Старик был малоразговорчив и, очевидно, с большим подозрением относился к расспросам выфранченного бритого господина. Между тем, нужно было во что бы то ни стало узнать адрес старой квартиры, на которой Лосев был-арестован. Старик же мог теперь его и не давать или сделать Шерлоку форменный допрос, который был бы ему неприятен.

Тогда Шерлок прибег к тому способу, который, как ему говорили, открывает в России все двери. Он вынул из кармана золотую монету и, ловко играя ею, как фокусник, мягко сказал:

— Вот на этой бумажке напишите: Лосев, имя, отчество, а под этим... — Шерлок Холмс положил на бумагу золотой, — адрес его квартиры. Если же вы можете сообщить мне еще что-нибудь интересное, то вы будете писать об этом через такой же барьер.

У старика двинулись от усмешки усы, и он дал справку в три строчки.

На квартире арестованного

Лосев жил в Нефтянске в небольшом переулке, узеньком проскоке, который легко мог запрудить один человек, легший поперек, ибо, упершись головой в одну стену, он должен был бы упереться ногами в другую.

На квартире появление Шерлока вызвало небольшой перелолох.

Лосева только вчера арестовали, и хозяева боялись, как бы их самих не заподозрили в соучастии с жильцом, хотя они и не знали, в чем его обвиняют.

Когда Шерлок совершенно успокоил их на этот счет и объяснил, что пришел по личному, частному делу, его повели в комнату, которую Лосев занимал.

— Вот видите, — сказала хозяйка, пожилая женщина с ласковым темным лицом, — тут даже и вещи его остались... Не успел забрать... Не знаете, между прочим, как их можно ему доставить?

Шерлок ее не слушал. Он смотрел, не отрываясь, на маленький столик, который стоял между шкафом и окном.

— Скажите, — спросил он изменившимся голосом, — эта машина на столе — его собственная машина?

— Да, и машина его!

— Он привез ее с собой?

— Да, но тут есть еще вещи...

— Нет, нет, я только про это... Дело в том, что я позволю себе написать тогда несколько слов... Прошу извинения... Я сейчас...

С этими словами Шерлок достал с комода лист бумаги и быстро стал что-то писать. По всей видимости, эта работа была ему хорошо знакома. Он набросал несколько строк, улыбнулся, сложил бумагу и спрятал в карман.

Глаза его сияли. Очевидно, во всем том, что он теперь делал, заключалось для него нечто чрезвычайно важное, разрешившее какие-то тяжелые, мучившие его сомнения.

— Одно ясно, — прошептал он. — Дело стало за пустяком!

— Так вот... — говорила между тем хозяйка, — нужно бы вещи ему отправить, а как отправить и куда — не знаю. Может, знаете, как надо сделать?

Но Шерлок не успел ответить, как вопрос этот тут же получил неожиданное для всех разрешение. За вещали жильца из участка были присланы двое городских.

Один из них, добродушный великорос из отставных унтеров, пояснил:

— Потому все должно по порядку... Куда барин, — туда и багаж!

— А куда же барин поехал? — с улыбкой спросил Шерлок, подходя к нему ближе и начиная небрежно играть монетой.

— Далече, ваша милость!

— А все-таки?

— Отсюда не видать!

Тогда Шерлок к прежней монете прибавил еще одну и подошел еще ближе.

— Ну, а куда же вещи отправят?.. Это, вероятно, известно?

Городовой исподлобья быстро посмотрел.

— Так бы, барин, прямо и спросил! — сказал он, усмехнувшись и, затягивая зубами узел бечевки и в то же время ловко опуская в карман незаметно всунутые ему Шерлоком монеты, неслышно пробормотал:

— В Петербург... Не сумлевайтесь... Сами провожали...

Больше знать пока ничего не нужно было.

Письмо Шерлока закапчивалось так:

«...Итак, джентльмены, мы скоро увидимся. Письмо опередит меня, быть может, на двое или на трое суток. Несколько слов я написал на машине и вкладываю листик с этими словами в письмо. Это обыкновенный листик бумаги, но посмотрите на него, джентльмены, внимательно. Быть может, он наведет вас на какую-нибудь мысль».

Листик, действительно, очень обыкновенный, и слова, которые Шерлок на нем написал, следующие:

«Есть один великий метод для исследования, тот метод, которым руководствуюсь я — Шерлок Холмс, — метод дедукции!..»

.....

Кто автор?

пусть месяц после того, как в редакцию явился маниак-англичанин, не только присвоивший себе имя Шерлока и скопировавший до мелочей его наружность, но и взявший на себя защиту его профессиональной чести, — длинная, торжественная фигура в черном снова появилась перед нами.

— Как видите, джентльмены, — сказал он, поздоровавшись со всеми, — я умею держать слово... Я приехал, как обещал.

И вдруг высокомерная улыбка пробежала по его губам.

— Месяц тому назад, если память вам не изменяет, наши роли были несколько иные... Тогда я допытывался... Теперь, джентльмены, надеюсь удовлетворить ваше любопытство... Но прежде один вопрос... Я прислал несколько строк, написанных на машине; получили ли вы этот клочок бумаги?

— Да, он был в письме!

— Позволю себе еще один вопрос: сделали вы из этого какой-нибудь вывод?

— Какой же вывод, — спросил редактор, слегка отворачиваясь, чтобы скрыть улыбку, — вы писали о дедуктивном методе...

— О, сэр! — Шерлок пристально посмотрел. — Каждый, конечно, может держаться своего мнения... Но... но, кроме слов, скажите... вы ничего в этой бумажке не увидели?

— Нет, ничего!

— Ни-че-го?..

— Решительно ничего!

— О...

Шерлок засмеялся.

— Вот видите, сэр... Вы говорите с улыбкой о дедуктивном методе и в то же время даже не знаете его азбуки... Так вот, говорю вам, что мною был прислан ключ ко всему!.. Но вы его проглядели... Да, да... Ваши улыбки, джентльмены, исчезнут, когда я начну говорить.

Шерлок закурил свою трубку. Пуская дым, он стал рассказывать:

— Джентльмены! Месяц тому назад я ушел от вас, захватив с собой рукописи и документы, которые вам угодно было предоставить в мое распоряжение... Вы улыбнулись, джентльмены, как и теперь, очевидно, недоумевая, на что могут мне понадобиться мертвые, ничего не говорящие бумаги. Я обещал тогда извещать ваших читателей о ходе поисков, и я это сделал... Но нити, джентльмены, нити, которую я один держал, той нити, по которой я шел, я не давал в руки... Это касалось только меня... Теперь же, джентльмены, вы узнаете то, что я от вас скрывал, то, чем я руководствовался в моих поисках... В Москве, как вам известно, я начал с розысков автора по переданной мне телеграмме... О, не думайте, что я надеялся на успех... Я хорошо понимал, что тот, кто мог скрыть себя от редакции, скроется и от телеграфного чиновника... Но, джентльмены, долголетний опыт привел меня к одному убеждению: самые опытные преступники не предусматривают всего... Всегда найдется такая точка, за которую можно ухватиться, ибо, если б такой точки не было, — ни одно преступление никогда не было бы раскрыто...

Номер дома, фамилия в подписи телеграммы — все была ложь... только название переулка «Неведомый» — вы помните — оказалось случайно верным... Преступник мог смело и переулка не называть... Не в этом было дело... Как вам известно, я даже не направился прямо в этот переулок, — я поехал в клуб, где мог собрать сведения о Х. или Z., который имел такие-то и такие-то наклонности, и такие-то и такие-то привычки... И я нашел... Но и это могло быть совпаде-

нием... Лицо могло оказаться не тем... Во всем деле была только о д н а черточка, о д н а, бывшая для меня вне сомнения, и е е -т о я и искал... Как вы помните, джентльмены, в Неведомом переулке я довольно скоро нашел и дом, и комнату — это было нетрудно... труднее было найти следы, которые я считал такими важными... И случайность была такова, что мне посчастливилось их найти... Если не ошибаюсь, джентльмены, я сообщал вам, что я взял с собою в Одессу несколько найденных бумажек. Но... и это еще было не все... Я поехал в Одессу... По Одессе — приключения мои вы знаете — я уже шел, зная имя, и, не скрою от вас, — я не считал там мою работу трудной... Но опять-таки могла обнаружиться одна вещь, которая смела бы всю мою постройку до основания, так, что пришлось бы начинать сызнова... В Одессе я нашел т е ж е следы... Я поехал в Нефтянск... Я поехал по обрывку конверта, но не думайте, джентльмены, что в этом нужно видеть какой-нибудь гениальный ход... Нет, нет... это простой ход ремесленника сыска, на моем месте каждый сделал бы то же самое, и из этого вы можете заключить, что я вовсе не склонен преувеличивать мои заслуги в этом деле... О д н у, о д н у вещь я искал... Джентльмены, не стану вас томить... Я нашел э т у в е щ ь в Нефтянске, я нашел е е в убогой комнате, в углу, между шкафом и окном... Я нашел ее, т у м а ш и н у, джентльмены, н а к о т о р о й п и с а л и с ь р у к о п и с и... Для меня больше не оставалось сомнения... Я сличил листы рукописи с листами, найденными в Москве, в Одессе... Наконец, джентльмены, я сам, сам писал на ней... О, дело не в цветеленты или в особенностях системы... И лент, и систем одинаковых много... Джентльмены, я н а ш е л м а ш и н у, к о т о р а я н е д а в а л а р е л ь е ф о в д в у х б у к в: «м» и «к». Да, да, джентльмены, и такая машина могла быть только одна, и только у автора... Теперь, джентльмены, вы, может быть, поймете, почему я послал вам пару строк, переписанных на этой машине... Я хотел, джентльмены, дать вам ключ, я хотел, чтобы вы воочию видели, как ищет Шерлок Холмс... И в строках, мною написанных, в строках, в которых не получились эти роковые буквы, я сказал мое по-

следнее слово, последнее слово о методе, который я исповедую...

Шерлок перевел дух.

— Теперь же, джентльмены, что касается автора, этого клеветника, который в настоящую минуту...

Маниак запнулся вдруг и не закончил.

Дружный, оглушительный смех раздался в комнате..

— Милостивый государь! — сказал редактор, с трудом сохраняя серьезное выражение в лице. — Ваш метод отыскания мельчайших следов бесподобен, ваши ходы прямо изумительны, ваша находчивость, ваш талант делать остроумнейшие, столь близкие к правде выводы прямо гениальны! Пришлось бы и тут преклониться перед торжеством вашей дедуктивной системы, если бы в данном случае не было одного маленького, но существенного «н о», — настолько, однако, веского, что вы сразу поймете причину оскорбившего вас, по-видимому, взрыва смеха моих товарищей по редакции... В рукописи смутивших вас рассказов, действительно, буквы «м» и «к» неясно оттиснуты, но, тем не менее, интересующая нас рукопись не отпечатана, как вы с торжеством заявляли, на машинке, найденной вами в Нефтянске. Рукопись отпечатана здесь, в Петербурге, в этой же квартире... Да, тут перед вами и сама машина... Взгляните на машинный столик, направо. Проверьте машину: вы увидите, что и она случайно не дает рельефов букв «м» и «к»... Сколько горя, несчастий, разочарований принесла уже эта пресловутая дедуктивная система! Сколько преступлений, в о и м я п р а в о с у д и я, совершено следственной властью, сколько голов пало невинно под рукою палача в Германии, Франции, Англии во славу системы дедукции, так торжественно расхваливаемой прокурорским обвинением. В Германии в случаях сомнения, по крайней мере, милуют на каторгу — ошибка следователя и прокурора иногда еще исправляется, но у нас, при юрисдикции военного суда, где последняя инстанция — веревка палача, сколько невинно пострадавших жертв имеет на своей совести ваша система дедукции?.. Веревка и крест на могиле, если еще поставят этот крест, а через час или два и сознается настоящий пре-

ступник... Но разве это вернет жизнь пострадавшему невинно?!.. Вы искали автора в Москве, в Одессе, в Нефтянске, вы сделали остроумнейшие комбинации, торжественно привезли далее мнимое орудие преступления. Вы еще несколько минут тому назад готовы были поклясться в тождественности автора с выслеженным вами лицом. А между тем, автор здесь же, перед вами. Вы легко его можете угадать среди присутствующих...

Редактор слегка приподнялся.

— Теперь же прошу извинения за всю эту шутку... Но редакция вправе была ответить мистификацией на мистификацию... Шерлокиада, правда, набила уже оскомину и, как вы сами убедились в конце концов, пресловутый метод — та же палка о двух концах... Тот вред, который он принес, неизмеримо глубже интереса, который он мог возбудить... Да... Он развратил все, к чему прикоснулся... Он развратил детей, из области невинных детских грез перенес их мысли и сосредоточил на самом возмутительном и растлевающем детскую душу: на сыске, на подглядывании и выслеживании!... И вместо симпатичных маленьких Робинзонов, — мы имеем маленьких Шерлоков, Пинкертонов, Картеров... Но не только детей: — он развратил юношей, которые основывают общества во имя несуществовавших героев и ради сомнительной славы ищейки бросают науку... И не только детей и юношей: он развратил и взрослых, что опаснее всего, ибо, чтобы взрослый заразился микробом Шерлокиады, прежде всего нужно, чтобы он... как мы это явно видим... с о ш е л с у м а.

ОТ РЕДАКЦИИ

Кончая серию походов Шерлока Холмса, редакция «Огонька» находит необходимым сказать несколько слов тем из читателей, которым намерения ее еще не сделались ясны.

Блестящий повествовательный талант Конан-Дойля, с одной стороны, грубость литературных вкусов и склонность толпы к дешевым эффектам — с другой, создали колоссальный успех рассказам английского автора о никогда не существовавшем сыщике — Шерлоке Холмсе.

Как всегда это бывает, спрос родил предложение. На литературном рынке в обилии появились подделки «под Шерлока Холмса», рассчитанные на самую неприхотливую читательскую массу и несравненно менее остроумные, нежели их первообраз.

Дальше — хуже. Учащееся юношество с жадностью набросилось на модное чтение, и вот нежным душам детей были привиты отвратительные инстинкты сыска. Сыщик стал героем. Мальчики, которые не так давно, сообразно роду господствовавшей тогда литературы, бредили желанием стать рыцарями наподобие Вальтер-Скоттовских, моряками — по примеру действующих лиц Купера или искателями приключений вроде Майн-Ридовских, возмечтали о «лаврах» агентов сыскальной полиции.

Со всех сторон доходят сообщения о том, что, то там, то здесь гимназисты предлагают свои услуги сыскным отделениям, что они стали заниматься сыском над товарищами, преподавательским персоналом, даже родителями...

Таково зло, ясно теперь определившееся и требующее настойчивой борьбы с нам.

Но как можно вести эту борьбу?

Естественно, одними лишь мерами духовного воздействия, способами просветительно-оздоровительного свойства. С печатью, даже с такою гнилою, как вся Шерлоковская «литература», нельзя бороться полицейскими мерами. Более того: всякий административный запрет придаст сыщической литературе оттенок того запретного плода, который становится тем более соблазнительным, чем с большими опасениями приходится добывать его.

Мы убеждены, что единственно верным орудием для борьбы с детективными романами и рассказами является сатира, — высмеивание их, тем более беспощадное, чем тоньше оно делается. Было время, когда интерес к вредным, рас-

палявшим фантазию рассказам о чудовищных приключениях рыцарей был совершенно убит гениальной сатирой, — рыцарским же романом Сервантеса — «Дон-Кихот».

На наших почти глазах романтизму был нанесен смертельный удар поэтом, которого романтики хотели признать «своим», — Генрихом Гейне.

Своей задачей мы поставили, заимствуя внешность Шерлоковской «литературы», показать, что от воли автора зависит, строго следуя знаменитому методу, — заставить героя никогда не ошибаться, или же обратно — делать глупости одна за другой. Как только ореол изобретательности и находчивости будет снят с Холмсов, Пинкертонов и других сыщиков, так тотчас же они будут развенчаны в сознании мало-мальски чутких читателей. А это развенчание представляется существенно необходимым, чтобы с пути болезненного увлечения сыском юношество по-прежнему устремилось в сторону бодрых, положительных идеалов.

Неисправимые любители приключений сыщиков пусть не сетуют на нас за маленькую мистификацию, к которой мы прибегли. В данном случае средства положительно не нуждаются в том, чтобы их оправдывала цель, ибо сами эти средства, как всякий род общественной сатиры, представляются не менее благородными, чем и наша основная цель.

С. М. Проннер

Аноним

ШЕРЛОК ХОЛМС В ПЕНЗЕ

Глава 1

Пассажир с желтым чемоданом

Сибирский экспресс шел полным ходом. Мимо больших окон роскошных вагонов, столь непохожих на вагоны других пассажирских поездов, целыми снопами летели искры от паровоза. Они гасли потом во влажном воздухе апрельской ночи или падали на не просохшую еще после половодья землю.

Поезд мчался, извиваясь, как змея, и мягко шурша, по бесконечным полям черноземной полосы России. Лишь изредка мелькали в стороне от полотна железной дороги убогие деревушки, окутанные ночным мраком.

Навстречу поезду выбегали из будок полусонные сторожа с сигнальными фонарями и, когда экспресс, не обращая, по-видимому, на них никакого внимания, быстро скрывался вдали, шли молча спать на свои неостывшие еще постели.

Экспресс останавливался лишь на больших станциях, делая переходы по сто и по полтора верст, но тем не менее его встречали со страхом почти на всех станциях и полустанках. Начальники станций, получив телеграмму, что «экспресс вышел», сразу подтягивались, поправляли фуражку, застегивали форменное пальто на все пуговицы и задолго до прохода поезда появлялись на перроне. И многие из них считали даже обязанностью своей салютовать ему приложением руки к козырьку фуражки.

— Кто его знает, — говорили они, — может быть, с поездом какая-нибудь железнодорожная шишка едет... Не выйдешь на платформу, а потом и с места за нерадение слетить!..

Был, однако, второй час ночи, и все пассажиры в вагонах уже спали. Их, впрочем, оказалось немного: всего лишь человек пятнадцать. Большинство из них ехали в Восточную Сибирь, за Байкал, и только двое до Иркутска. Оба сели в Москве и совершенно случайно находились в одном

и том же спальном вагоне и занимали каждый отдельное купе.

Один из пассажиров, ехавших до Иркутска, в настоящее время не спал.

Он, полулежа на бархатном диване, просматривал газеты, приобретенные им еще утром на московском вокзале. Газет был целый ворох.

Вдруг он вздрогнул и слегка побледнел.

Его глаза впились в телеграмму «от собственного корреспондента», присланную из Берлина в одну большую петербургскую газету. В телеграмме сообщалось:

«Около недели тому назад какой-то ловкий мошенник, по догадкам — русский, получил в банке Лионского кредита по подложному переводу из Петербурга триста тысяч руб-лей. А накануне у баронессы фон Гамер похищены во время ее отсутствия все ее фамильные бриллианты на полмиллиона марок. Полиция поставлена на ноги и по некоторым признакам приписывает эти проделки одному и тому же лицу.

Баронесса прибегла, между прочим, к услугам знаменитого английского сыщика — Шерлока Холмса».

Пассажир бросил развернутый номер газеты на сиденье противоположного дивана и проворчал себе под нос:

— Ого! Надо, следовательно, быть крайне осторожным!..

Он достал из-под дорожной холщовой подушки, на которой только что лежал, небольшой ручной чемодан желтой кожи и хотел его открыть, как вдруг в эту минуту слышался из коридора стук в дверь его купе.

И кто-то ее отворил.

Глава 2

Таинственный контролер

В купе вошли обер-кондуктор и контролер. Контролер был высокий, худощавый человек в форменной фуражке инженера путей сообщения. Небольшая русая борода и коротко обстриженные усы придавали его лицу неопределенное выражение. Серое штатское пальто было застегнуто наглухо.

— Извините... — сказал обер-кондуктор, прикасаясь рукою к своей фуражке. — Позвольте ваш билет!..

Пассажир с неудовольствием передернул плечами и полез в боковой карман. В это время контролер мельком взглянул на развернутый номер газеты, кожаный чемодан и резиновые калоши с буквой «У».

— Скажите, пожалуйста, — заговорил с досадой в голосе пассажир, подавая билет, — неужели даже пассажиры экспрессов и даже ночью не могут избавиться от беспокойного контроля?..

Ему ответил тотчас же сам контролер:

— Еще раз просим у вас извинения... Мы контролируем билеты лишь перед большими станциями и у тех пассажиров, которые не спят.

— А почему вы узнали, что я не сплю?

— У вас не убавлен огонь и не заперта дверь... Кроме того, вы шуршали газетами...

— Ну, хорошо... Вы сказали — «большая станция»... А какая именно?

— Через четверть часа станция Пенза...

— Благодарю вас!

И, закрывая дверь, пассажир внимательно посмотрел на фигуру и профиль контролера, удалявшегося теперь в глубь коридора. Потом он вынул из желтого чемодана несколько фотографических карточек и прошептал:

— Нет никакого сомнения, это — он! Недаром же я так долго и внимательно изучал фотографические снимки с этих

разрушителей нашего благополучия. Он наклеил бороду, надел форменную фуражку, но не изменил своего характерного профиля. И как быстро появился! Я промешкал, правда, два дня в Варшаве и один день в Москве, но все-таки! Что же, однако, мне предпринять?..

Пассажир сунул карточки опять в чемодан и достал оттуда небольшую записную книжку, всю исписанную одному ему только понятными иероглифами. Перелистывая ее, он скоро отыскал, что ему было надо.

— Пенза... Есть! Конечно, и здесь пособничество организовано... Восемь адресов и около пятнадцати человек, на которых можно положиться... Это хорошо!

Он опустил на сиденье и несколько минут что-то соображал. Его мысли прервал свисток локомотива.

— А теперь, несомненно, бежать. И чем скорее, тем лучше!..

Глава 3

Исчезновение с поезда двух пассажиров

Таинственный контролер, обревизовав билеты, скоро вернулся в купе, которое он занимал. Пассажиры экспресса спали, но проверить билеты было легко, так как на ночь они отбирались у пассажиров железнодорожной бригадой под особые квитанции и находились у обер-кондуктора. Лишь тот пассажир, о котором мы говорили в предыдущей главе, не пожелал передать своего билета.

За полчаса приблизительно до этого молчаливый человек, ехавший до Иркутска в купе 1-го класса, обратился к обер-кондуктору с заявлением:

— Я инженер путей сообщения, прикомандированный к министерству, и желаю проконтролировать пассажиров. Вот моя карточка, а вот инструкция железнодорожного начальства.

На визитной карточке значилось:

«Инженер путей сообщения Григорий Артемьевич Черенков. Прикомандированный к министерству».

А в отдельном письме предписывалось железнодорожным агентам оказывать предъявителю сего документа, инженеру такому-то, всяческое содействие при осмотре и контроле поездов.

— Но пассажиры теперь спят!.. — пробовал возразить было обер-кондуктор.

— Не все, однако... И мы побеспокоим только тех, которые бодрствуют...

Таким образом, неожиданно появившемуся контролеру пришлось побывать лишь в купе единственного не спавшего пассажира. И он, по-видимому, этим вполне удовлетворился.

Вернувшись в купе, инженер запер дверь, плотно закрыл шторкой фонарь и, подняв занавеску у окна, стал смотреть на сельский ландшафт. Поезд как раз проходил в это время мимо какой-то деревни или пригородной слободы. Острый глаз пассажира различал во тьме соломенные крыши на избах и неуклюжие ветряные мельницы, стоявшие поодаль и казавшиеся великанами. Вдруг промелькнули несколько зажженных фонарей около полотна, товарные вагоны и будка стрелочника.

Поезд подходил к станции. Инженер отодвинулся дальше в глубь вагона и еще внимательнее сосредоточил свой взгляд на ярко освещенном перроне. И когда поезд остановился, он увидел пассажира с поднятым воротником пальто и желтым чемоданом в руке, спрыгнувшего с площадки вагона и быстро направившегося к двери вокзального здания. Наблюдавший кивнул головой, как бы подтверждая свои догадки, и с улыбкой произнес:

— Нет, мой милый, от Шерлока Холмса не так-то легко скрыться!..

И, сбросив тотчас же с нижней части лица подвязанные усы и бороду, он надел моментально вместо инженерской фуражки мягкую английскую шляпу и устремился вслед за удалившимся пассажиром. Небольшой саквояж, захваченный им из вагона, составлял весь багаж знамени-

того сыщика.

Минут через 10 экспресс полетел дальше, но два пассажира, ехавшие до Иркутска, исчезли. И в купе инженера, кроме того, к удивлению железнодорожной бригады, осталась и брошенная им форменная фуражка.

Глава 4

Сломавшаяся пролетка

Быстро пройдя через вокзал, где буфетчик в ожидании пассажиров звенел рюмками и разогревал пережаренные антрекоты, Шерлок Холмс вышел на подъезд, обращенный в сторону города. Ни в зале для пассажиров 1-го класса, ни в багажном отделении при беглом взгляде он не заметил ничего особенного. Лишь дама, продававшая газеты возле книжного шкафа, посмотрела на торопливо проходившего мимо нее элегантного господина с некоторым любопытством да два или три носильщика, спавшие в багажной комнате, от стука шагов перевернулись на другой бок.

На подъезде было светло, но вся Ярмарочная площадь тонула во мраке безлунной ночи. Несколько извозчиков дремали тут же на приступке, прислонившись к каменной стене. При виде пассажира очередной из них тотчас же вскочил и заискивающе произнес:

— Куда прикажете, ваше сиятельство?

Вместо ответа Шерлок Холмс окинул взглядом прилегающую к вокзалу местность и сказал:

— Здесь только что прошел человек с желтым чемоданом в руках... Мой товарищ...

— Так точно!.. Он нанял извозчика...

— А куда?

— Сел без ряды и велел ехать в город... Да вон он едет в конце площади на серой лошади...

— В таком случае — за ним следом!

Англичанин вскочил проворно в стоявшую около подъезда пролетку, и они тронулись.

— Поезжай скорее, иначе мы его потеряем из виду! — сказал Шерлок Холмс, когда они миновали какие-то каменные здания.

Извозчик взялся за кнут.

— Ты, конечно, знаешь своего товарища на серой лошади, который отъехал от вокзала перед тобой?

— Знаю... Его зовут Герасимом, и живет он в Инвалидной улице...

— А номер?..

Возница повернул к сыщику свое лицо и засмеялся.

— Это дело господское... Мы же один у другого номеров не смотрим!..

На Лекарской улице кое-где тускло горели фонари, а уличный сторож, усевшись на скамейке около ворот постоялого двора, слабо посвистывал в свою свистульку. Дребезжавший впереди извозчик скрылся за углом.

Шерлок Холмс начал выражать нетерпение.

— У тебя удивительная лошадь! Можно подумать, что она привыкла участвовать лишь в похоронных процессах... Я дам тебе полтинник на чай, если ты нагонишь уехавшего извозчика и поедешь сзади него!

Обещание подействовало. Ленивый извозчик задержал вожжами и усиленно замахал кнутом. Лошадь, по опыту, очевидно, зная, чего от нее требуют, понеслась вскачь. Но тут как раз на повороте с улицы на базарную площадь пролетка, слишком круто повернутая, со всего маху ударилась колесом о тумбу...

Колесо разлетелось вдребезги. И знаменитый сыщик, совершенно не ожидавший такого сюрприза, моментально полетел с своего сиденья в канаву, которая шла вокруг площади.

Глава 5

Во мраке ночи

Шерлок Холмс тотчас же вскочил. Он не ушибся, так как в канаве было много навоза, которым приезжие крестьяне чуть ли не ежедневно удобряли базарную площадь и который лежал здесь иногда по целым месяцам.

Лишь испачканный рукав пальто да немного попорченные брюки наглядно свидетельствовали о первом знакомстве всемирно известного сыщика с уличной чистотой нашего города.

— Черт возьми! — выругался он на родном языке. — Из-за скверных городских порядков, где тумбы ставятся почти на самой дороге, я его потерял... Но будем надеяться, что только на время!

Эта фраза относилась, несомненно, к человеку, окончательно скрывшемуся теперь во мраке ночи вследствие поломки экипажа его преследователя.

Извозчик стоял рядом и чесал в затылке.

— Вишь ты, какая оказия случилась... И угораздило же меня... А все из-за полтинника!.. На чаек бы с вашей милости!

Шерлок Холмс вынул из кармана серебряную монету.

— Вот твой полтинник... Но где тут поблизости извозчики?

— У ресторана «Рассея», ближе нет...

— А где этот ресторан?

— По этой улице в следующем квартале на углу... Вон, где фонарь электрический горит...

— Благодарю!

И извозчик снова нагнулся к колесу. А потерпевшему крушение седоку не оставалось делать ничего более, как, записавши на всякий случай номер извозчика, идти пешком по указанному направлению.

Около ресторана, торгующего до 3 часов ночи, действительно стояло с десяток экипажей. Извозчики толпой ок-

ружили подошедшего сыщика.

— Со мной, пожалуйста! Моментально доставлю!.. На резинах!.. Завсегда со мной ездили!.. — сыпалось, как горох, со всех сторон.

— Вас куда везти надо?

— В ближайшую гостиницу...

— Мигом-с... Рублик положьте! Три четвертака без лишнего!.. Полтинник...

Чтобы избежать лишнего шума, Шерлок Холмс сел без выбора.

— Вас к «Континенталю»?.. Или в «Номера»?.. — спросил, трогаясь, извозчик.

— А которая гостиница лучше?

— «Номера» — лучше-с... Все господа приезжают...

— Ну, хорошо, хорошо!

Шерлок Холмс подумал, что гостиница с рекомендацией, даваемой извозчиками, могла показаться подходящей и для похитителя бриллиантов баронессы фон Гамер.

Предположения, однако, не оправдались.

Несмотря на поздний час ночи, в гостинице было довольно шумно. В коридоре слышались смех и говор.

Сыщик обратился к швейцару.

— Я разыскиваю одного товарища, который минут 10 тому назад должен был приехать с вокзала... Он брюнет, невысокого роста, с небольшими усами и эспаньолкой... И с ручным чемоданом желтой кожи...

Швейцар посмотрел на спрашивающего господина довольно внимательно и, сразу решив, что он не из тех, которые посещают номера, тотчас же ответил:

— Нет, такого не было... Впрочем, если ваш знакомый проехал с вокзала здесь, то об этом лучше всего справиться у стоящих на улице извозчиков.

Шерлок Холмс улыбнулся: «Из этого швейцара вышел бы хороший сыщик... Он — сообразителен. И как мне раньше не пришла в голову подобная мысль!.. Извозчики действительно замечают всех, кто идет мимо».

И он вышел на улицу. У подъезда стояли, ожидая приезженных в гостиницу седоков, два извозчика. Сыщик об-

ратился к одному из них:

— Не проезжал ли здесь извозчик на серой лошади?.. Герасим от вокзала?..

— Герасим?.. Как же, как же, — проехал недавно... С седоком, который хотел было слезть около этой гостиницы, но потом раздумал и велел ехать дальше...

— А куда они поехали?

— Вверх...

— Отлично!

Англичанин снова сел на своего извозчика и сказал:

— Ну что ж, поедem и мы дальше!.. Вверх!..

Они тронулись.

Немного повыше гостиницы происходил уличный скандал. Сторож и городской хотели отправить в часть пьяную женщину. Та ругалась и плакала:

— Не смеете меня брать... Не смеете!.. Я... порядочная!..

— Действительно, порядочная... шлюха!..

— Сами вы...

И непечатная брань повисла в воздухе. На другой стороне улицы от восторга захохотал возвращавшийся домой мастеровой.

— Оставьте ее!.. Она плачет, что мало выпила!.. Эх ты... Мало выпила, должно быть?.. Вот и плачешь!..

Сыщик вспомнил глухие кварталы Лондона, где он спас нередко из простого сострадания от рук полисменов подобных женщин. Но здесь он был в чужой стороне, с порядками которой еще не вполне освоился, и его имя не имело значения. Кроме того, и задерживаться ему было нельзя.

Когда они проехали еще квартала полтора и в ночной темноте стал вырисовываться белый силуэт кафедрального собора, навстречу им совершенно неожиданно попался извозчик на серой лошади. Шерлок Холмс тотчас же крикнул ему:

— Стой!..

И спрыгнул на мостовую. Седока на попавшемся извозчике уже не было.

Расплатившись со старым извозчиком, сыщик пересел на нового.

— Я — агент тайной полиции! — сказал он. — Вези меня к тому дому, где ты высадил пассажира, бежавшего с сибирского экспресса.

Извозчик перепугался и задрожал.

— Я, ей-Богу, барин, не виноват. Разве я мог знать, что он бежал? А куда я вас повезу? Тот барин вылез не около дома, а на площади...

— На площади?..

— Да, около собора...

— И ты этому не удивился?

— Мне что ж, заплатил он хорошо... А мало ли какие причуды у господ бывают, в особенности, когда они навеселе...

— Ты думаешь, что он был навеселе?

— Должно быть... Слез и как будто покачивался... Велел мне ехать, а сам остался на том же месте!..

— Плохо тебе будет, если ты соврал...

— Помилуйте, я тут ни при чем!

— Ну, хорошо... Вези меня на то самое место, где он слез... Там видно будет...

Извозчик повиновался. И скоро они остановились на асфальтовой дорожке, идущей мимо сквера к соборной колокольне.

— Вот здесь.

Шерлок Холмс сошел с пролетки и внимательно посмотрел кругом.

На площади никого не было.

Глава 6

Записная книжка вора

Шерлок Холмс нагнулся и поднял с мостовой какой-то предмет. Это была небольшая записная книжка в кожаном переплете. Сыщик раскрыл ее и убедился при свете кар-

манного электрического фонаря, что она почти вся исписана каракулями и условными знаками.

— Для начала недурно... — пробормотал он. — Стало быть, извозчик говорит правду. И беглец с экспресса, господин Патарский, он же и «Стикс», похититель бриллиантов баронессы и получатель по подложному переводу в «Лионском кредите», был здесь!.. Он путешествует под вымышленной фамилией, которая начинается с буквы «У», но в этом мы разберемся потом... А теперь надо хорошенько осмотреть местность...

Шерлок Холмс прошел вдоль решетки сквера, заглянул за ограду собора, где были сложены дрова и стояли кое-какие постройки, и ничего подозрительного не нашел. Кроме того, было достаточно темно, а пользоваться электрическим фонарем сыщик не считал возможным, боясь привлечь внимание церковного сторожа. Он решил оставить поиски до утра и ехать ночевать в какую-нибудь гостиницу.

Свое решение он подкрепил такими соображениями:

— Если вор настолько осторожен, что предпочел слезть с извозчика посреди площади, то, понятно, он не станет стоять на одном месте или прятаться поблизости. Он теперь уже далеко, и я понапрасну только потеряю время, разыскивая его здесь... С меня пока достаточно, что в моих руках очутилась потерянная им записная книжка... И в ней я постараюсь кое-что прочитать!

Извозчик, у которого оставался ручной саквояж сыщика, ждал седока на прежнем месте.

— Какие гостиницы находятся здесь поблизости? — спросил он, садясь снова на пролетку.

— Гостиница Треймана и гостиница «Метрополь».

— А сдают ли они комнаты по ночам?..

— Да, но только исключительно приезжающим с поезда... Кроме того, гостиница Треймана небольшая, ее предпочитают приезжие помещики, и там редко бывают свободные номера...

— А «Континенталь», о котором я слышал от прежнего извозчика?

— Эта гостиница на базаре... Более людная, и в ней

квартиранты меняются почти каждые сутки...

— Она выходит все-таки на главную улицу?

— На Московскую?.. Да...

— В таком случае, вези меня в «Континенталь»!

— Слушаю-с...

Они поехали назад. Дорогой Шерлок Холмс думал: «Делать нечего... За неимением других знакомств мне придется довольствоваться пока сведениями, получаемыми от извозчиков... Хотя сведения эти, может быть, и не совсем точны...»

Белесоватый рассвет слегка окрасил уже небо, когда они подъехали к гостинице. Из ресторана, находящегося в том же доме, выходили, для большей устойчивости держась друг за друга, последние посетители. Шерлок Холмс слез около подъезда и отпустил извозчика.

— Дайте мне комнату, которая выходила бы окнами на Московскую улицу... — сказал он швейцару, вышедшему к нему навстречу.

Швейцар взглянул на доску с фамилиями квартирантов.

— Есть один номер с двумя окнами за полтора рубля...

— Ну вот и прекрасно!

— Пожалуйста в третий этаж.

Они поднялись по железной лестнице, устланной суконной дорожкой, и прошли длинный коридор. Швейцар открыл дверь и осветил номер.

— Позвольте ваш вид на жительство...

— Сейчас же?..

— Да-с... На этот счет у нас строго...

Сыщик отпер саквояж и достал удостоверение московской полиции.

В нем было сказано, что податель сего, житель города Варшавы Стефан Друсевич, заявил об утрате им подлинного паспорта и что этот лист может служить ему временным видом на жительство. В графе «род занятий» значилось — «комиссионер по продаже граммофонов».

По уходе швейцара новый квартирант запер дверь и, оставив из предосторожности ключ в отверстии замка, за-

нялся осмотром своего помещения.

Все оказалось в порядке. Потом он вынул из кармана найденную им записную книжку и стал ее перелистывать.

На последней странице он увидел дважды написанную фамилию: «Ушаков».

— Ага! Вот, стало быть, как вы теперь называетесь, хитрый Стикс!.. Это открытие нам может, несомненно, пригодиться!..

И Шерлок Холмс, поужинав двумя небольшими ломтиками ростбифа, всегда имевшегося на всякий случай в его багаже, лег спать.

Глава 7

На соборной колокольне

Когда пролетка с Шерлоком Холмсом, дребезжа, отъехала от собора и скрылась во мраке ночи, на дровах, сложенных около соборной колокольни, что-то зашевелилось. Скоро на землю осторожно прыгнул человек с желтым чемоданом.

Это был Стикс.

Он посмотрел с видом торжества вслед уехавшему противнику и тихо сказал:

— Нет, Шерлок Холмс, вас совсем напрасно считают хорошим сыщиком!.. Вы способны ловить, по-видимому, только ротозеев!..

Постоявши с минуту на одном месте, вор начал шарить у себя в карманах, желая найти записную книжку. В ней он хотел прочесть адреса людей, к которым теперь, не боясь уже погони со стороны сыщика, мог ехать переночевать. Но книжки в карманах не оказалось.

— Ах, черт возьми, я, должно быть, выронил ее, когда лежал на дровах...

Он влез снова наверх и принялся шарить вокруг. Дрова были сложены неплотно, и найти здесь что-либо было му-

дрено.

«Это скверно! — подумал Стикс. — Где же мне ночевать, однако? В гостинице невозможно: от Шерлока Холмса там не скроешься...»

Он спрятал чемодан за дрова и пошел знакомиться с местностью.

Обойдя кругом собора, он заметил двух солдат в серых шинелях, направлявшихся к зданию. Они громко разговаривали. «Куда они?..»

Но тут он вспомнил, что, подъезжая к площади, он слышал бой церковных часов, и извозчик объяснил ему тогда, что на соборной колокольне дежурят пожарные. Они поднимают тревогу в случае пожара в городе и кстати уже отбивают в колокол часы.

Следовательно, это была утренняя смена пожарных, посланных заменить своих товарищей. Стикс с разными предосторожностями прокрался за ними следом.

Ему нужно было узнать вход на колокольню.

— Может быть, я найду там вполне безопасный ночлег!

Все это он исполнил как нельзя лучше. И, дождавшись в темном углу, когда сменившиеся пожарные сошли вниз и отправились домой, Стикс сходил за своим чемоданом и, отворив низкую деревянную дверь, стал взбираться на колокольню.

Его сразу обдало затхлым сырым воздухом старых каменных построек.

Узкая каменная лестница шла спиралью между каменных же стен.

Слегка освещая себе путь таким же, как у Шерлока Холмса, карманным фонарем, вор медленно поднимался кверху по каменному коридору. Скоро он достиг первого яруса колокольни.

Здесь была четырехугольная комната с настланным деревянным полом, не представлявшая, в общем, ничего особенного.

Стикс отыскал тогда продолжение лестницы и начал подниматься на следующий ярус. Он увидел новую комнату с окнами на четыре стороны. Как раз над головой по дере-

вянной настилке ходили дежурившие пожарные. В тишине раздавался их разговор и скрипели доски под их шагами.

Там находились колокола.

Подниматься еще выше для Стикса не имело смысла.

Он вернулся немного назад и случайно нашел в одном месте узкий каменный мешок, сделанный в стене и заваленный битым камнем и разным мусором. Очевидно, все это осталось здесь от производившегося несколько лет тому назад капитального ремонта колокольни. В конце коридора, упиравшегося в стену, валялся на боку деревянный ящик.

Ящик настолько большой, что в нем свободно мог поместиться человек.

Вор быстро сообразил, что лучшего места для ночлега ему не найти.

Он забаррикадировал еще более проход всяким мусором и обломками дерева, так что с лестницы ящика совсем не стало видно, и вместе с чемоданом боком пролез в его пустое нутро.

Осмотревшись, вор остался очень доволен. В ящике можно было не только спать, но даже и сидеть.

— Прекрасно, прекрасно!.. — несколько раз повторил он. — И если я поселюсь хотя на время здесь, никакой Шерлок Холмс меня не отыщет...

Глава 8

Знаменитый сыщик получает приглашение посетить Народный театр

Проснувшись на другой день, Шерлок Холмс позвонил коридорного.

— Много у вас квартирантов в гостинице? — спросил он.

— Почти все номера заняты...

— Суточными жильцами?

— Да-с. У нас номера сдаются только посуточно... Если некоторые господа и живут долго, то все равно расчет тот же...

— А кто останавливается здесь? Какая публика?

— Разная-с. Приезжающие в город землевладельцы, торговцы, дамы...

— Ночью и сегодня утром приезжих не было?

— В моем коридоре, кроме вас, никого... С вечернего поезда вчера был и трое...

— Ну, хорошо! Подайте мне сюда стакан кофе и пошлите купить местные газеты...

Коридорный постоял немного.

— Если будете кушать, господин, так пожалуйста в ресторан... У нас ресторан первоклассный, с концертными хорами... Очень любопытно послушать.

— Отлично... Так и сделаю! Идите пока...

После кофе, во время которого он просматривал газеты, интересуясь главным образом местной хроникой и происшествиями, Шерлок Холмс встал и подошел к окну.

На улице кипела обычная жизнь. Сыщик остановил свой взгляд на противоположном двухэтажном доме.

Там находилась какая-то канцелярия.

У третьего от угла окна работала барышня-машинистка, переписывавшая бумаги.

Из гостиницы прекрасно можно было видеть всю комнату...

Шерлок Холмс стал что-то соображать. Вдруг его глаза совершенно случайно опустились на тротуар. И он невольно поднял брови от изумления.

По тротуару с беззаботным видом шел тот самый человек, которого он потерял вчера. Он удалялся, по-видимому, от гостиницы.

«Нагнать и задержать?.. — было первой мыслью сыщика. Но он тотчас же переменял решение. — Это было бы не только бесполезно для дела, но даже вредно... В руках у вора нет сейчас желтого чемодана! Чемодан где-то спрятан или кому-либо передан... А его-то местонахождение мне и нужно открыть во что бы то ни стало!»

Здесь Шерлоку Холмсу пришлось отойти от окна, так как в дверь номера кто-то постучал.

Вошел швейцар.

— Вам записка!

Шерлок Холмс взял с недоумением заклеенную «секретку» без всякого адреса.

— Кто принес?

— Неизвестный господин с минуту тому назад...

— Он спросил меня?

— Никак нет-с... Он спросил, не остановился ли в нашей гостинице ночью, на рассвете кто-либо...

— И вы назвали меня?

— Я указал вашу фамилию на номерной доске... Тогда он подробно описал вашу наружность и просил передать вам записку...

— Хорошо... Можете идти!..

Сыщик быстро оторвал заклеенную полоску и прочитал:

«Кто же из нас более усердный сыщик, г. Холмс? Вы спите, а я вас разыскиваю по гостиницам... Я уже довольно хорошо ознакомился с городом и советую вам завтра посетить спектакль Народного театра... Может быть, и я там буду!..»

Никакой подписи не было. Да этого и не требовалось, так как, открывши найденную записную книжку, Шерлок Холмс убедился, что записка написана рукой Патарского.

И, опустившись в кресло, чтобы обсудить положение дела, сыщик сказал по адресу своего отсутствующего противника:

— Вы надо мной смеетесь, господин Стикс, но я все-таки посмотрю, кто из нас будет смеяться последним!..

Глава 9

Пропажа документов

Прежде всего, Шерлок Холмс решил переменить квартиру.

— Здесь очень удобно для меня в том смысле, что гостиница выходит окнами на главную улицу, и я нахожусь в центре городской жизни, но мой противник отыскал меня слишком быстро и, может быть, станет за мной следить... А это, во всяком случае, не в моих интересах!

Сыщик оделся и, заперев номер, вышел из гостиницы. Он попал на базарную площадь.

Было, очевидно, базарный день.

— Это очень кстати! — сказал про себя Шерлок Холмс. — Мне нужно купить костюм рабочего, так как в моем настоящем платье я не могу действовать вполне свободно.

Он отправился на толкучку.

Выбрав все, что было надо, и давши задаток, сыщик попросил торговца связать вещи в узел и поберечь до вечера, когда обещался взять их окончательно. Потом он спросил, далеко ли отсюда до Народного театра.

— Это на Верхнем гулянье! — сказал старьевщик.

Шерлок Холмс нанял извозчика.

Прежде, чем составить какой-либо план, нужно было ознакомиться с местом, куда приглашал его Стикс. И сообщено с этим поступить.

На сцене театра шла утренняя репетиция. Актеры ревностно готовились к открытию сезона. Сыщик, не обратив на себя ничьего внимания, так как доступ в сад был в это время совершенно свободный, обошел его весь и не нашел для себя ничего интересного.

Театральный сторож мел главную аллею.

— Когда открытие театра? — спросил сыщик.

— Завтра...

— А вход у вас в сад один?..

— Один, коли не считать, что многие через забор лезут...

— Откуда?..

— Со всех сторон...И из гимназии, и из «Пожарки», и из лесу...

— Разве никаких мер против такого вторжения не принимается?

Сторож только махнул рукой, как бы давая понять, что об этом и говорить не стоит.

Шерлок Холмс оставил его в покое.

Ему надо было изучить прилегающую к саду местность. На это он потратил не менее получаса и остался как будто вполне доволен. По крайней мере, он тотчас же стал искать для себя квартиру поблизости к театру.

Это ему удалось. В том же квартале, рядом с лавкой «овощных и бакалейных товаров», сдавалась комната с отдельным ходом прямо на улицу. Хозяйка, женщина восточного типа, спросила Холмса:

— Вы одни?

— Да, я один...

— Комната ходит у нас 15 рублей в месяц...

— С мебелировкой?

— Можно вам поставить стол, два стула, кровать и умывальник.

— Хорошо, я согласен. Получите задаток.

После этого Шерлок Холмс спустился вниз по Садовой улице и дошел до городского сквера. Кое-где на скамейках там сидели гимназисты и читали продававшиеся в газетных киосках в сотнях экземпляров разноцветные тетрадки под заглавием: «Таинственные приключения знаменитого сыщика — Шерлока Холмса».

Шерлок Холмс улыбнулся и даже полюбопытствовал узнать мнение одного из юных читателей:

— Интересно?..

— О, да!..

— Не собираетесь ли вы поступить в школу сыщиков в Лондоне? Готов вам дать рекомендацию...

На шутку сыщика двенадцатилетний мальчуган вски-

нул на него любопытные глаза.

— Впрочем, вам еще рано об этом думать!.. И кроме того, если вы сделаетесь Шерлоком Холмсом, что же останется делать тогда самому Шерлоку Холмсу?

И, вежливо приподняв шляпу, сыщик удалился в боковую аллею.

Не торопясь, он прошел по скверу, внимательно осматривая окружающую его решетку. Она во многих местах была поломана.

«Это мне пригодится!..» — подумал сыщик.

Наконец, он поехал в гостиницу, чтобы взять оттуда свои вещи. Но его ждал новый сюрприз. В двери его номера была воткнута карточка: «Станислав Казимирович Патарский».

А войдя в номер, Шерлок Холмс не нашел записной книжки Стикса, которую он опрометчиво оставил на письменном столе. И сыщик с досадой воскликнул:

— Черт возьми! Он меня, кажется, обокрал!

Глава 10

Укушенный бешеной собакой

Стикс сидел в ресторане «Эрмитаж» за маленьким столиком около окна и завтракал, когда Шерлок Холмс вышел из гостиницы после получения от него записки.

Вор за ним следил.

Воспользовавшись отсутствием сыщика, он незаметно пробрался в верхний коридор здания и имевшейся у него отмычкой без труда открыл номер. Здесь он прежде всего нашел собственную записную книжку. Затем, отперев тем же способом ручную саквояж Холмса, вор довольно подробно и не спеша осмотрел его бумаги. Из них он тотчас же отобрал все, что касалось его дела, в том числе и распоряжение судебной власти о розыске и аресте Станислава Патарского.

— А теперь, пока до свидания, господин Холмс! — проговорил он, вполне довольный своим успехом, покидая номер.

И Стикс оставил в двери визитную карточку, чтобы сыщик не поднимал в гостинице напрасного шума по поводу непонятного исчезновения некоторых документов.

После этого он вернулся в ресторан и занял прежнее место. Ему нужно было тщательно обсудить план дальнейших своих действий по отношению к Шерлоку Холмсу, который пока еще ничего не предпринимал и намерения которого составляли для вора загадку. Скоро он остановился на одной удачной, по его мнению, мысли.

Позвонив лакея, Стикс спросил:

— Скажите, пожалуйста, лиц, укушенных бешеными животными, земство отправляет у вас для прививок и лечения в другой город?

— Да-с. Отправляет в Самару.

— Этим заведует, конечно, уездное земство?

— Уездная земская управа, которая помещается напротив...

— Прекрасно, мне только это и надо было знать.

Стикс расплатился и вышел на улицу.

Приблизительно через полчаса к гостинице «Континенталь» подошел человек, просто, но чисто одетый в русский костюм. Он был похож, скорее всего, на дворника или кучера купеческого дома. Левая рука у него была почему-то забинтована.

Узнав от швейцара, что господин Друсевич еще не вернулся, человек сел около одной из городских лавок против электрического театра Троицкого, откуда был виден подъезд гостиницы, и стал ждать. Сидеть ему пришлось не менее часа.

Стикс (это был он, и читатели, я думаю, об этом уже догадались) от нечего делать наблюдал, как служащие в театре мальчишки занимались на прилегающей к театру площади игрою в «чижика». «Чижик» взлетал высоко и один раз чуть было не причинил Стиксу глазное увечье.

Наконец задребезжала извозчичья пролетка, и переодетый вор увидел подъехавшего к гостинице Шерлока Холмса. Переждав после этого минут пять, Стикс отправился в Уездную управу.

По широкой лестнице он поднялся во второй этаж.

На вопрос сторожа, что ему надо, Стикс объяснил, что его укусила на днях бешеная собака...

— Я должен узнать, какие документы необходимо представить, чтобы меня отправили в Самару на земский счет...

— Прежде всего, нужно свидетельство ветеринара, что собака была действительно бешеная.

— А еще?.. Вы лучше проведите меня к тому лицу, которое этим заведует, а я уж сам с ним объяснюсь...

— Хорошо...Сейчас...

Минуты через три просителя провели в комнату, выходящую окнами на улицу. Во время объяснений он как бы случайно взглянул на третий этаж противоположного дома. Одураченный сыщик стоял у окна своего номера и смотрел сюда.

Стикс улыбнулся.

Глава 11

Под Лебедевым мостом

На другой день Шерлок Холмс не пошел в Народный театр. Он решил выследить своего противника из окна новой квартиры, на которую перебрался утром со всевозможными предосторожностями.

Теперь он был уверен, что вор не знает его адреса.

Опустивши полотняные шторы, сыщик проделал в одном углу занавески небольшое отверстие и занял наблюдательный пост. Было еще светло, и ему прекрасно было видно — идущую в театр публику.

А ночью как раз против окон его квартиры зажигался на улице городской фонарь.

Около восьми часов вечера Шерлок Холмс увидел Стикса. Он шел по направлению к театру в том же самом костюме, в котором был вчера в земской управе. Только рука его на этот раз не имела повязки.

— Ага, — проговорил сыщик, — скоро же вы вылечились, господин Стикс, от укуса бешеной собаки! Вы хотели меня помистифицировать немного, но вам это не удалось... Ни вам, ни мне в Самару ехать не придется... Все кончится гораздо проще и быстрее, чем выдумаете!..

Сыщик переоделся в блузу, купленную им накануне, тщательно загримировался и, подняв одну штору, сел в глубине комнаты, чтобы наблюдать за уходящей из театра ранее окончания спектакля публикой. Он был уверен, что Стикс не останется до конца.

И Шерлок Холмс не ошибся.

В половине одиннадцатого он снова увидел вора, возвращающегося обратно. Не встретив в театре своего противника, Стикс имел почти разочарованный вид.

Выйти на улицу и начать незаметным образом преследование было для сыщика делом одной минуты. Почти одновременно они достигли городского сквера.

Здесь Шерлок Холмс должен был спрятаться за решетку угольного дома, так как Стикс остановился. Потом вор довольно ловко перепрыгнул через решетку на сквер.

То же самое сделал и Шерлок Холмс в другом месте. Несмотря на мрак в аллеях, сыщик старался главным образом не потерять из виду преследуемого.

Однако ночная прогулка по пустынному скверу продолжалась недолго.

Стикс пересек сквер и снова перелез через решетку около собора. Притаившись в кустах, Шерлок Холмс зорко следил, что будет дальше. Стикс постоял с минуту в нерешительности, а затем, обогнув колокольню, скрылся за ее углом.

«Куда он идет?» — подумал Шерлок Холмс.

Когда он опять увидел Стикса, оказалось, что тот направляется вниз по соборной площади. Мимо здания полиции вор спустился на набережную реки.

Сыщик прокрался к высокому берегу как раз в тот момент, когда внизу отчалила лодка с одним человеком.

Шерлок Холмс сказал:

— Он боится, что я выслежу его местопребывание, а потому всячески старается запутать следы... Посмотрим, однако, как далеко он уйдет...

Но Стикс проплыл по течению всего сажен двести и пристал к противоположному берегу под Лебедевым мостом. Темная человеческая фигура вынырнула из-под моста и тотчас же исчезла в одном из переулков Запenzenской слободы.

Сыщик находился в это время на другом берегу.

— Ну, что делать, — пробормотал Шерлок Холмс, — на этом придется пока остановиться. Но все-таки нам не мешает на всякий случай осмотреть его ладью.

Он прошел по мосту и спустился вниз. Но едва лишь он ступил на дно лодки, как почувствовал толчок, и лодка моментально очутилась на середине реки.

Чей-то насмешливый голос раздался вслед:

— Счастливого пути, господин Шерлок Холмс, и самой спокойной ночи!..

Весел на лодке не оказалось...

Меч

ШЕРЛОК ХОЛМС НАИЗНАНКУ

Фелъетон

Глава 1

Пассажир с зеленым чемоданом

Сибирский экспресс мчался во всю прыть по черноземным полям любезного Отечества.

С поразительной быстротой бежали мимо чахлые лесочки, мелькали железнодорожные будки. Под натиском паровоза, как наглядный укор инженерам, дрожали чуть живые мосточки...

На больших станциях поезд встречало железнодорожное начальство всех шерстей и оттенков, приглаженное и застегнутое на все пуговицы и делало поезду «под козырек» в том чаянии, что в нем едет какая-нибудь ревизионная шишка...

Было около двух часов ночи.

Пассажиры все спали, как и полагается благонаравным людям.

Не спал только один, и этот один был, поистине, несчастным человеком.

Несчастье его заключалось в его чрезмерной наивности.

Грабитель по профессии, он вместо того, чтобы записаться в вожди союза «русского народа» и заняться мирным отчуждением в свою пользу союзной кассы, — предпочитал такие рискованные предприятия, как кража бриллиантов у немецкой баронессы фон Гамер.

Мало того: похитив бриллианты, он не направил стопы свои в Киев, под крылышко к г-ну Асланову. А зачем-то тянулся в г. Иркутск, не сообразив того обстоятельства, что Асланова-то там может и не быть.

Он был жестоко наказан за свою опрометчивость.

Пробегая глазами газеты, он вдруг вздрогнул и побледнел, ибо наткнулся на телеграмму следующего содержания (привожу целиком):

«Из Берлина от собственного корреспондента:

Около недели тому назад какой-то ловкий мошенник по догадкам — русский, получил в банке Лионского кредита по подложному переводу из Петербурга триста тысяч рублей. А накануне у баронессы фонГамер похищены во время ее отсутствия все фамильные бриллианты на полмиллиона марок. Полиция поставлена на ноги и по некоторым признакам приписывает эти проделки одному и тому же лицу. Баронесса прибегла, между прочим, к услугам знаменитого английского сыщика — Шерлока Хольмса».

— Несчастный я. Несчастный! — воскликнул молодой человек, бросая номер газеты и хватая себя за голову... — Ну разве я мог знать, что баронесса настолько энергичная дама, что вызвала самого Шерлока Холмса и пустила его по горячим следам: «Шершь!» Нужно быть крайне осторожным!

Осторожность свою молодой человек начал с того, что вынул из ручной подушки такой секретный предмет, как зеленый чемодан, и хотел уж его раскрыть на показ всей пензенской публике, как вдруг...

Вдруг дверь его купе отворилась и... Но тут следует глава вторая.

Глава 2

Шерлок Хольмс в роли контролера

Неизвестно, когда и где научился Шерлок Хольмс русскому языку: беседуя ли с союзниками, известными мастерами по части «русского» языка, сама ли баронесса дала ему несколько уроков, но только русский язык он знал настолько хорошо, что без смущения брал на себя роль контролера и без запинки мог разговаривать с пензенскими извозчиками (в чем читатель убедится ниже). Замечу, кстати, что вообще иностранцы очень легко усваивают русский язык.

Разительный пример такой быстроты приведу из жизни некоего итальянского фокусника Пинетти. Кажется, давно уже умершего и воскресшего для посещения г. Пензы.

Этот знаменитый итальянец, в начале сеанса еле-еле сумевший представиться «пензенским публикам», в конце сеанса обрусел настолько, что стал употреблять такие «российские» словечки, как «хоша» и «таперича».

Но возвращаюсь к рассказу.

В купе вошли обер-кондуктор и контролер.

Кондуктор, как хороший служака, начал разговор с вопроса о билете. Между тем, контролер бросал проницательные взгляды на номер газеты, на зеленый чемодан и на калоши с буквой «У».

Люди «свободных» профессий обыкновенно не метят себе калош, но наш герой, как сказано выше, был человек феноменальной наивности.

Он счел своим долгом принять обиженный вид, и сердито обратился к нарушителям его спокойствия (привожу целиком):

«— Скажите, пожалуйста,— заговорил с досадой в голосе пассажир, подавая билет, — неужели даже пассажиры экспрессов и даже ночью не могут избавиться от беспокойного контроля?..

Ему ответил тотчас же сам контролер.

— Еще раз просим у вас извинения... Мы контролируем билеты лишь перед большими станциями и у тех пассажиров, которые не спят».

Из ответа контролера (он же Шерлок Хольмс) ясно видна недостаточность его русского образования и его отсталости от века.

Современные Шерлоки (не английские и не столь знаменитые, как он) начали бы разговор не с извинений, а с «паспорта» и кончили бы околodком, в коем, как известно каждому полноправному гражданину, совершается беспристрастная сортировка правых от виноватых.

— Вы сказали — «большая станция»... А какая именно? — спросил поистине наивный молодой человек.

Его любопытство было удовлетворено.

— Через четверть часа станция «Пенза»...

— Благодарю вас!..

Посетители ушли не солоно хлебавши, что, впрочем, «контролеру», не имевшему понятия о том, что значит «быстро и натиск» новейших времен, не помешало остаться довольным. (Несчастный! Если бы он только знал, какими «пензенскими колокольнями» грозит ему его излишняя деликатность, то, вероятно, умер бы от разрыва сердца!)

Оставшись наедине с самим собой, молодой человек открыл зеленый чемодан и, вынув оттуда карточки знаменитого сыщика, стал их внимательно рассматривать:

— О, это несомненно он! — вскричал таинственный пассажир. — Этот профиль я изучил очень хорошо!

Молодой человек сунул карточки обратно и вынул из зеленого чемодана книжку (к великому неудовольствию читателя, воображавшего доселе, что в чемодане находятся бриллианты баронессы фон Гамер), испещренную одному ему понятными каракулями.

— Пенза... — прошептал он. — Ну, конечно, у меня есть здесь несколько надежнейших молодцев! Бежать! Бежать как можно скорее!

Глава 3

Здравствуй, Пенза!

или Таинственное исчезновение пассажиров

Шерлок Хольмс, предвидя со стороны пассажира каверзу, сидел у окна и ждал.

Увидя знакомый зеленый чемодан, спрыгнувший с площадки вагона (вместе с его обладателем, конечно), Шерлок Хольмс сказал по-английски: «гм», надел, вместо контролерской фуражки, собственную шляпу и устремился вслед за беглецом...

Минут через 10 поезд тронулся. Но два пассажира ос-

тались в Пензе.

Кондуктор был очень удивлен такой «утечкой». Потом успокоился и пустил затем на их места двух «зайцев»...

Глава 4

Удары судьбы, или Пензенский извозчик

— Извозчик! — закричал Шерлок Хольмс, упорствуя в желании словить коварного похитителя бриллиантов. — Не видал ли ты, братец мой, зеленого чемодана, сейчас только вышел?

— Как же, ваше сиятельство, вон он на серой лошади в конце площади!

(Ярмарочная площадь тонула в глубоком мраке и, если извозчик увидел серую лошадь в конце площади, то только потому, что у него были сверхъестественные глаза.)

— Поезжай за ним!

Поехали.

И непременно бы нагнали коварного похитителя сокровищ, положив тем конец удачно начатому роману, но судьба или, вернее — автор решил иначе.

Извозчицья пролетка наскочила на тумбу, седок полетел в канаву, похититель на серой лошади скрылся и, таким образом, продолжение романа было обеспечено...

Глава 5

Пензенские тайны, или В сумраке ночи

С минуты крушения пролетки, собственно говоря, и начинаются настоящие похождения по Пензе знаменитого сыщика.

Нужно было во что бы то ни стало отыскать исчезнувшую серую лошадь.

Для поимки ее, Шерлок отправился к гостинице «Россия», торгующей, как известно, до 3 часов ночи.

Наняв извозчика, Ш.Х. отправился в гостиницу «Континенталь».

Но так как и там обладателя зеленого чемодана не оказалось, то пришлось снова обратиться за сведениями к извозчикам, которые весьма обстоятельно пояснили ему, что серая лошадь проследовала вверх к собору.

— Поезжай за ней!

Тронулись.

Улицы г. Пензы были пустыньны, а пензяки спали сном полной безмятежности, что, впрочем, случается с ними не только ночью, но также утром, днем и вечером; два городских, находясь при исполнении служебных обязанностей, ругали какую-то женщину «шлюхой».

Хольмс хотел было вступить. Но, вовремя вспомнив судьбу депутата 3 Думы Годнева, вмешавшегося «не в свое дело», благоразумно остановился.

«Это ведь не Англия!» — сказал он сам себе.

«Верно!» — подтвердил здравый смысл.

Когда под взглядом Шерлока стал вырисовываться собор, совершенно неожиданно попался обладатель серой лошади.

— Стой! — закричал знаменитый сыщик. — Я агент сыскальной полиции. Куда ты дел седока? Вези меня туда же!

Извозчик, пред мысленным зраком которого не замедлила вырисоваться обольстительная фигура «Кузькиной матери», — задрожал.

— Ей-Богу, не виноват! И место покажу, где ссадил седока.

— Вези!

Приехали, но вор, конечно, уже успел улизнуть.

Глава 6

Феноменальное ротозейство, или Утерянная книжка

Похититель бриллиантов решительно родился под несчастной звездой, ибо ухитрился потерять записную книжку, в которой были записаны адреса нужных ему людей, и потерять именно на том месте, куда злопыхательный автор через несколько мгновений доставил знаменитого сыщика.

Сыщик поднял книжку и на радостях объявил почтенной публике, что похититель носит кличку: «Стикс».

Удовлетворившись находкой, Шерлок Хольмс решил, что всему конец бывает, что пора подумать и о ночлеге и велел везти себя в гостиницу «Континенталь».

Устроившись в номере, выходящем окнами на Московскую улицу, сыщик вынул найденную им книжку и принялся рассматривать ее весьма тщательно.

На последней странице он усмотрел явственно написанную фамилию «Ушаков».

— Так вот как ты теперь называешься, хитрый Стикс! — радостно воскликнул он.

(Да! да! у знаменитого сыщика хватило присутствия духа назвать хитрым человека, потерявшего книжку при первом перегоне вокзал-сквер, человека, написавшего в секретной книжке неизвестно для чего принятую им фамилию). И, даже не покраснев за себя, очень довольный сыщик скушал два кусочка ростбифа, привезенного из Англии, и лег спать.

Глава 7

Играющая фантазия, или Таинственный квартирант церковной колокольни

Едва пролетка с Шерлоком Хольмсом отъехала от собора,

Стикс вышел из темного угла, в котором он прятался.

— Так-с, — прошептал он. — Теперь, если рассудить правильно, я должен бы без оглядки бежать из этой самой Пензы, и бежать как можно скорее, пока г-н Хольмс предается отдохновению в «Континентале».

— А как же мой роман? — сурово оборвал его летописец сих «достоверных» событий.

— Несчастный я, — заплакал молодой человек, — книжку с адресами потерял, фамилию свою сыщику выдал и уехать даже из Пензы не могу! Что же мне делать?

— Лезь на колокольню, — сурово приказал автор.

Нечего делать, полез! И, о чудо, ему посчастливилось найти на колокольне удобное углубление, заваленное мусором, оставшимся от ремонта.

Несчастный молодой человек, кое-как расчистив мусор, устроил себе постель из пустого ящика, валявшегося не-вдалеке, загородился чем мог от любопытных взоров и решил поселиться на колокольне, вместе со своим зеленым чемоданом.

«А там, Бог милостив. Может быть, автор-то смягчится, — думал он, засыпая на новоселье, — получу разрешение и уеду».

Он заснул, но сон его не был спокоен. Всю ночь ему снилась баронесса фон Гамер, потрясающая дланями и грозно вопрошающая:

— Каин, куда ты дел мои бриллианты?

Аноним

ТАЙНЫ НАШЕГО ГОРОДА

(Роман в современном вкусе)

Тайны нашего города.

(Романъ въ современномъ вкусѣ)

Несколько слов от редакции

Два года тому назад на страницах «Пензенских ведомостей» печатался сенсационный роман под заглавием «Шерлок Холмс в Пензе». Однако по роковому стечению обстоятельств он не был окончен... Говорили тогда, что автор его вместе с рукописью исчез неизвестно куда. Кроме того, как оказывается, многие главы романа были выкинуты, а некоторые переделаны и искажены. Все зачитывались похождениями Стикса и одураченного им сыщика, но никто из читателей, может быть, так и не догадался, что Шерлок Холмс, действовавший столь неудачно в нашем городе, был вовсе не настоящим Шерлоком Холмсом, а его двойником — варшавским сыщиком Вилляром. Истинный и неподдельный Шерлок Холмс явился потом и словил-таки ловкого мошенника...

Имея теперь в своих руках все нити этого таинственного и занимательного приключения и рукописный подлинник произведения, написанного неизвестным автором, редакция «Нашей Пензы» решает напечатать его в фельетонах своей газеты.

Пролог

ПРЕЖДЕ ВСЕГО О ТОМ, КАК МЫ ПОЛУЧИЛИ РУКОПИСЬ

На дворе была безлунная апрельская ночь. Тихо, словно тени, скользили по тротуарам случайные прохожие. Кое-где посвистывали караульщики не столько ради общественной безопасности, сколько ради собственного развлечения.

На соборной колокольне пробило два часа.

В окне одного дома на центральной улице города светился огонь. Склонившись над письменным столом, сидел редактор газеты и писал срочную статью для текущего номера. Никто не мешал и редактор был этим очень доволен.

Вдруг он вздрогнул.

В наружную форточку окна с улицы кто-то постучался. Через несколько секунд стук повторился более настойчиво.

— Кто это?... — с недоумением спросил редактор, отрываясь от работы.

— Редактор принимает?..

— Если деньги взаймы, то с удовольствием и во всякое время!.. Но кто вы, «таинственный незнакомец»?..

Редактор пробовал шутить, так как был уверен, что это тоже шутка какого-нибудь приятеля, поздно возвращающегося из клуба. Но уверенность его тотчас же исчезла. Голос с улицы оказался совершенно незнакомым.

— Мое имя вам все равно неизвестно... А принес я вам, если и не деньги, то во всяком случае нечто такое, что должно и доставить вам некоторое удовольствие...

— Что же именно?..

Редактор отворил форточку и стал вглядываться в тьму ночи. Около окна виднелся силуэт какого-то человека, закутанного плащом, и разглядеть лицо его было невозможно.

— Я принес вам — рукопись!..

— Рукопись?.. В третьем часу ночи?!

Редактор рассмеялся...

— Я любитель всего оригинального и выходящего за рамки скучной обыденщины, но только не в такой степени... Приходите лучше днем в типографию, где я охотно принимаю всех сотрудников...

Незнакомец возразил:

— Вы говорите — днем?.. А если я здесь только проездом?.. Я приехал в ваш город полчаса тому назад и через полчаса с тем же поездом железной дороги уезжаю далее... Потрудитесь получить то, что я вам принес

Оригинальный посетитель сунул в форточку объемистую рукопись. Редактор едва успел принять ее, как силуэт человека отступил от окна и потонул во мраке улицы.

С тротуара незнакомец крикнул:

— Прощайте!.. Желаю полного успеха вашему изданию!..

Озадаченный редактор развернул тетрадь. На первом листке ее было написано крупным почерком:

«Необычайные приключения Стикса и короля сыщиков в здешнем городе».

Редактор с недоумением пожал плечами и тотчас же занялся чтением этого таинственного произведения.

I

Пассажир с желтым чемоданом

Сибирский экспресс шел полным ходом. Мимо больших окон роскошных вагонов, столь непохожих на вагоны других пассажирских поездов, целыми снопами летели искры от паровоза. Они гасли потом во влажном воздухе апрельской ночи или падали на не просохшую еще после половодья землю.

Поезд мчался, извиваясь, как змея, и мягко шурша, по бесконечным полям черноземной полосы России. Лишь

изредка мелькали в стороне от полотна железной дороги убогие деревушки, окутанные ночным мраком. Навстречу поезду выбегали из будок полусонные сторожа с сигнальными фонарями и, когда экспресс, не обращая, по-видимому, на них никакого внимания, быстро скрывался вдаль, шли молча спать на свои неостывшие еще постели.

Экспресс останавливался лишь на больших станциях, делая переходы по сто и по полтораста верст, но тем не менее его встречали со страхом почти на всех станциях и полустанках. Начальники станций, получив телеграмму, что «экспресс вышел», сразу подтягивались, поправляли фуражку, застегивали форменное пальто на все пуговицы и задолго до прохода поезда появлялись на перроне. И многие из них считали даже обязанностью своей салютовать ему приложением руки к козырьку фуражки.

— Кто его знает, — говорили они, — может быть, с поездом какая-нибудь железнодорожная шишка едет... Не выйдешь на платформу, а потом и с места за нерадение слетить!..

Был, однако, второй час ночи, и все пассажиры в вагонах уже спали. Их, впрочем, оказалось немного: всего лишь человек пятнадцать. Большинство из них ехали в Восточную Сибирь, за Байкал, и только двое до Иркутска. Оба сели в Москве и совершенно случайно находились в одном и том же спальном вагоне и занимали каждый отдельное купе.

Один из пассажиров, ехавших до Иркутска, в настоящее время не спал.

Он, полулежа на бархатном диване, просматривал газеты, приобретенные им еще утром на московском вокзале. Газет был целый ворох.

Вдруг он вздрогнул и слегка побледнел.

Его глаза впились в телеграмму «от собственного корреспондента», присланную из Берлина в одну большую петербургскую газету. В телеграмме сообщалось:

«Около недели тому назад какой-то ловкий мошенник, по догадкам — русский, получил в банке Лионского кредита по

подложному переводу из Петербурга триста тысяч руб-лей. А накануне у баронессы фон Гамер похищены во время ее отсутствия все ее фамильные бриллианты на полмиллиона марок. Полиция поставлена на ноги и по некоторым признакам приписывает эти проделки одному и тому же лицу. Баронесса прибегла, между прочим, к услугам знаменитого английского сыщика — Шерлока Холмса».

Пассажир бросил развернутый номер газеты на сиденье противоположного дивана и проворчал себе под нос:

— Ого! Надо, следовательно, быть крайне осторожным!..

Он достал из-под дорожной холщовой подушки, на которой только что лежал, небольшой ручной чемодан желтой кожи и хотел его открыть, как вдруг в эту минуту слышался из коридора стук в дверь его купе.

И кто-то ее отворил.

II

Таинственный контролер

В купе вошли обер-кондуктор и контролер. Контролер был высокий, худощавый человек в форменной фуражке инженера путей сообщения. Небольшая русая борода и коротко обстриженные усы придавали его лицу неопределенное выражение. Серое штатское пальто было застегнуто наглухо.

— Извините... — сказал обер-кондуктор, прикасаясь рукою к своей фуражке. — Позвольте ваш билет!..

Пассажир с неудовольствием передернул плечами и полез в боковой карман. В это время контролер мельком взглянул на развернутый номер газеты, кожаный чемодан и резиновые калоши с буквой «У».

— Скажите, пожалуйста, — заговорил с досадой в голосе пассажир, подавая билет, — неужели даже пассажиры экспрессов и даже ночью не могут избавиться от беспокойного контроля?..

Ему ответил тотчас же сам контролер:

— Еще раз просим у вас извинения... Мы контролируем билеты лишь перед большими станциями и у тех пассажиров, которые не спят.

— А почему вы узнали, что я не сплю?

— У вас не убавлен огонь и не заперта дверь... Кроме того, вы шуршали газетами...

— Ну, хорошо... Вы сказали — «большая станция»... А какая именно?

— Через четверть часа станция Пенза...

— Благодарю вас!

И, закрывая дверь, пассажир внимательно посмотрел на фигуру и профиль контролера, удалявшегося теперь в глубь коридора. Потом он вынул из желтого чемодана несколько фотографических карточек и прошептал:

— Нет никакого сомнения, это — он!.. Недаром же я так долго и внимательно изучал фотографические снимки с этих разрушителей нашего благополучия. Он наклеил бороду, надел форменную фуражку, но не изменил своего характерного профиля. И как быстро появился! Я промешкал, правда, два дня в Варшаве и один день в Москве, но все-таки! Что же, однако, мне предпринять?..

Пассажир сунул карточки опять в чемодан и достал оттуда небольшую записную книжку, всю исписанную одному ему только понятными иероглифами. Перелистывая ее, он скоро отыскал, что ему было надо.

— Пенза... Есть! Конечно, и здесь пособничество организовано... Восемь адресов и около пятнадцати человек, на которых можно положиться... Это — хорошо!..

Он опустил на сиденье и несколько минут что-то соображал. Его мысли прервал свисток локомотива.

— А теперь, несомненно, бежать. И чем скорее, тем лучше!..

III

Исчезновение с поезда двух пассажиров

Таинственный контролер, обревизовав билеты, скоро вернулся в купе, которое он занимал. Пассажиры экспреса спали, но проверить билеты было легко, так как на ночь они отбирались у пассажиров железнодорожной бригадой под особые квитанции и находились у обер-кондуктора. Лишь тот пассажир, о котором мы говорили в предыдущей главе, не пожелал передать своего билета.

Внезапная ревизия поезда, произведенная инженером путей сообщения, удостоверившим свои полномочия, несколько не удивила обер-кондуктора, так как подобный контроль на железных дорогах за последнее время практиковался довольно часто.

Инженер запер дверь купе, плотно закрыл шторкой фонарь и, подняв занавеску у окна, стал смотреть на сельский ландшафт. Поезд как раз проходил в это время мимо какой-то деревни или пригородной слободы. Острый глаз пассажира различал во тьме соломенные крыши на избах и неуклюжие ветряные мельницы, стоявшие поодаль и казавшиеся великанами. Вдруг промелькнули несколько зажженных фонарей около полотна, товарные вагоны и будка стрелочника.

Поезд подходил к станции.

Инженер отодвинулся дальше в глубь вагона и еще внимательнее сосредоточил свой взгляд на ярко освещенном перроне. И когда поезд остановился, он увидел пассажира с поднятым воротником пальто и желтым чемоданом в руке, спрыгнувшего с площадки вагона и быстро направившегося к двери вокзального здания.

Наблюдавший кивнул головой, как бы подтверждая свои догадки, и с улыбкой произнес:

— Нет, мой милый, от Шерлока Холмса не так-то легко скрыться!..

И, сбросив тотчас же с нижней части лица подвязанные усы и бороду, он надел моментально вместо инженерской фуражки мягкую английскую шляпу и устремился вслед за удалившимся пассажиром. Небольшой саквояж, захваченный им из вагона, составлял весь багаж «знаменитого сыщика».

Минут через 10 экспресс полетел дальше, но два пассажира, ехавшие до Иркутска, исчезли. И в купе инженера, кроме того, к удивлению железнодорожной бригады, осталась и брошенная им форменная фуражка.

IV

Шаг назад

Варшавский сыщик Вилляр, за свое поразительное сходство с знаменитым английским сыщиком Шерлок Холмсом прозванный его двойником, сидел у себя в кабинете и меланхолично курил сигару. Он был француз по рождению и лишь в дни, когда у нас свирепствовали всевозможные «экспроприации», перекочевал в Россию. Здесь он быстро освоился с окружающей его обстановкой и на поприще раскрытия разных преступлений приобрел себе широкую известность.

Надо прибавить, что Вилляр был прекрасно образованным человеком и отлично говорил почти на всех европейских языках. Русский же язык любил особенно.

— Ну, что скажешь, Жак?.. — обратился он с вопросом к своему слуге, который как раз в эту минуту вошел в комнату.

— Вам заграничное письмо, мосье, — из Лондона.

— Из Лондона, Жак?.. Это любопытно... Кажется, единственный человек, который мне пишет иногда из Лондона, — это мой лучший друг Шерлок Холмс...

Вилляр нетерпеливо разорвал конверт и прочитал следующее:

«Дорогой коллега!..

Вам уже известно, вероятно, что в Берлине на этих днях совершено почти одновременно два довольно крупных преступления. Из банка “Лионского кредита” получено по подложному переводу триста тысяч рублей, а у баронессы фон - Гамер украдены все ее фамильные бриллианты. Баронесса обратилась за помощью ко мне, но одно неотложное дело, которым я занят в настоящее время, удержит меня в Англии еще недели на две. А потому я решаюсь просить вас, дорогой коллега, временно заменить меня и немедленно начать поиски. По сведениям, собранным берлинской полицией, заподозренный преступник, некий Станислав Патарский, выехал из Берлина на русскую границу. Он ловкий и опытный мошенник и при выслеживании его (если только преступление действительно совершил он) необходима крайняя осторожность.

Ваш искренний друг
Шерлок Холмс.

Р. С. Этим делом стоит заняться, так как баронесса, получив обратно свои драгоценности, обещает внести на благотворительность не менее полтораста тысяч марок».

Вилляр подумал:

— Шерлок Холмс бесребреник... Он берется лишь за раскрытие таких преступлений, которые выходят из ряда обыкновенных, или же приносят конце концов выгоду обездоленным и несчастным,

Вилляр встал с кресла и прошелся несколько раз по комнате.

— А ведь все это очень кстати! — проговорил он. — Я сам был не прочь пуститься на розыски получателя по подложному переводу... В союзе же с Шерлоком Холмсом мне удастся поймать преступника как нельзя лучше!..

Сыщик порылся в письменном столе и достал извещение французского банка, где было сказано, что за поимку

лица, совершившего мошенническую проделку в Берлине, назначается высокая денежная премия.

После этого он стал тщательно обдумывать план предстоящих действий.

V

Сломавшаяся пролетка

Мы оставили своих героев в тот момент, когда они, один вслед за другим, спрыгнули в нашем городе с сибирского экспресса.

Быстро пройдя через вокзал, где буфетчик в ожидании пассажиров звенел рюмками и разогревал пережаренные антрекоты, Шерлок Холмс вышел на подъезд, обращенный в сторону города. Ни в зале для пассажиров 1-го класса, ни в багажном отделении при беглом взгляде он не заметил ничего особенного. Лишь дама, продававшая газеты возле книжного шкафа, посмотрела на торопливо проходившего мимо нее элегантного господина с некоторым любопытством да два или три носильщика, спавшие в багажной комнате, от стука шагов перевернулись на другой бок.

На подъезде было светло, но вся Ярмарочная площадь тонула во мраке безлунной ночи. Несколько извозчиков дремали тут же на приступке, прислонившись к каменной стене. При виде пассажира очередной из них тотчас же вскочил и заискивающе произнес:

— Куда прикажете, ваше сиятельство?

Вместо ответа Шерлок Холмс окинул взглядом прилегающую к вокзалу местность и сказал:

— Здесь только что прошел человек с желтым чемоданом в руках... Мой товарищ...

— Так точно!.. Он нанял извозчика на серой лошади...

— А куда?

— Сел без ряды и велел ехать в город... Да вон он едет в конце площади...

— В таком случае, — за ним следом!

Англичанин вскочил проворно в стоявшую около подъезда пролетку, и они тронулись.

— Поезжай скорей, иначе мы его потеряем из виду! — сказал Шерлок Холмс, когда они миновали какие-то каменные здания.

Извозчик взялся за кнут.

— Ты, конечно, знаешь своего товарища на серой лошади, который отъехал от вокзала перед тобой?

— Знаю... Его зовут Герасимом, и живет он в Инвалидной улице...

— А номер?..

Возница повернул к сыщику свое лицо и засмеялся.

— Это дело господское... Мы же один у другого номеров не смотрим!..

На Лекарской улице кое-где тускло горели фонари, а уличный сторож, усевшись на скамейке около ворот постоялого двора, слабо посвистывал в свою свистульку. Дребезжавший впереди извозчик скрылся за углом.

Шерлок Холмс начал выражать нетерпение.

— У тебя удивительная лошадь! Можно подумать, что она привыкла участвовать лишь в похоронных процессах... Я дам тебе полтинник на чай, если ты нагонишь уехавшего извозчика и поедешь сзади него!

Обещание подействовало. Ленивый извозчик задержал вожжами и усиленно замахал кнутом. Лошадь, по опыту, очевидно, зная, чего от нее требуют, понеслась вскачь. Но тут как раз на повороте с улицы на базарную площадь пролетка, слишком круто повернутая, со всего маху ударилась колесом о тумбу...

Колесо разлетелось вдребезги. И знаменитый сыщик, совершенно не ожидавший такого сюрприза, моментально полетел с своего сиденья в канаву, которая шла вокруг площади.

VI

Во мраке ночи

Шерлок Холмс тотчас же вскочил. Он не ушибся, так как в канаве было много навоза, которым приезжие крестьяне чуть ли не ежедневно удобряли базарную площадь и который лежал здесь иногда по целым месяцам.

Лишь испачканный рукав пальто да немного попорченные брюки наглядно свидетельствовали о первом знакомстве всемирно знаменитого сыщика с уличной чистотой нашего города.

— Черт возьми! — выругался он после этого. — Из-за скверных городских порядков, где тумбы ставятся почти на самой дороге, я его потерял... Но будем надеяться, что только на время!

Эта фраза относилась, несомненно, к человеку, окончательно скрывшемуся теперь во мраке ночи вследствие поломки экипажа его преследователя.

Извозчик стоял рядом и чесал в затылке.

— Вишь ты, какая оказия случилась... И угораздило же меня...А все из-за полтинника!.. На чаек бы с вашей милости!

Шерлок Холмс вынул из кармана серебряную монету.

— Вот твой полтинник... Но где тут поблизости извозчики?

— У ресторана «Рассея», ближе нет...

— А где этот ресторан?

— По этой улице в следующем квартале на углу... Вон, где фонарь электрический горит...

— Благодарю!..

И извозчик снова нагнулся к колесу. А потерпевшему крушение седоку не оставалось делать ничего более, как, записавши на всякий случай номер извозчика, идти пешком по указанному направлению.

Против ресторана действительно стояло с десятков экипажей. Извозчики толпой окружили подошедшего сыщика.

— Со мной, пожалуйста! Моментально доставлю!.. На резинах!.. Завсегда со мной ездили!.. — сыпалось, как горох, со всех сторон.

— Вас куда везти надо?

— В ближайшую гостиницу...

— Мигом-с... Рублик положьте! Три четвертака без лишнего!.. Полтинник...

Чтобы избежать лишнего шума, Шерлок Холмс сел без выбора.

— Вас к «Гранд-Отелю»?.. Или в «Номера»?.. — спросил, трогаясь, извозчик.

— А которая гостиница лучше?

— «Номера» — лучше-с... Все господа приезжают...

— Ну, хорошо, хорошо!

Шерлок Холмс подумал, что гостиница с рекомендацией, даваемой извозчиками, могла показаться подходящей и для похитителя бриллиантов баронессы фон Гамер...

Предположения его, однако, не оправдались.

VII

На Московской улице

Несмотря на поздний час ночи, в гостинице было довольно шумно. В коридоре слышались смех и говор.

Сыщик обратился к швейцару.

— Я разыскиваю одного товарища, который минут 10 тому назад должен был приехать с вокзала... Он брюнет, невысокого роста, с небольшими усами и эспаньолкой... И с ручным чемоданом желтой кожи...

Швейцар посмотрел на спрашивающего господина довольно внимательно и, сразу решив, что он не из тех, которые посещают номера, тотчас же ответил:

— Нет, такого не было... Впрочем, если ваш знакомый проехал с вокзала здесь, то об этом лучше всего справиться

у стоящих на улице извозчиков.

Шерлок Холмс улыбнулся:

«Из этого швейцара вышел бы хороший сыщик... Он — сообразителен. И как мне раньше не пришла в голову подобная мысль!.. Извозчики действительно замечают всех, кто идет мимо».

И он вышел на улицу. У подъезда стояли, ожидая приехавших в гостиницу седоков, три извозчика. Сыщик обратился к одному из них:

— Не проезжал ли здесь извозчик на серой лошади?.. Герасим от вокзала?..

— Герасим?.. Как же, как же, — проехал недавно... С седоком, который хотел было слезть около этой гостиницы, но потом раздумал и велел ехать дальше...

— А куда они поехали?

— Вверх...

— Отлично!

Сыщик снова сел на своего извозчика и сказал:

— Ну что ж, поедem и мы дальше!.. Вверх!..

Они тронулись.

Аноним

БАСКЕРВИЛЬСКАЯ СОБАКА

Последние приключения Шерлока Хольмса
в Свердловске

Шерлок Хольмс оторвал на минуту свои тонкие, худые пальцы от скрипки и чутко прислушался...

— Доктор Ватсон, сейчас случится что-то необычайное.

— Откуда вы знаете, учитель?

— Я определил это индуктивно-дедуктивным методом, так как я слышу чьи-то шаги.

Вошел почтальон и протянул великому сыщику радиогамму.

— Ватсон! Оденьте противогаз и возьмите каминными щипцами эту радиогамму: я уверен, что это опять штучки проклятого профессора Мориарти...

Доктор Ватсон, как автомат, проделал все указания короля дедуктивов и боязливо вскрыл радиогамму; в ней значилось:

«ЛОНДОН, Бекер-стрит, м-ру Шерлоку Хольмсу.

Свердловске на Урале в доме редакции «Уральского рабочего» и издательства появилась собака Баскервилей. Бросается на сотрудников и посетителей. Ее хозяин лорд Баскервиль живет в нашем помещении, скрываясь под именем Коршунова.

Спасите... S.o.s... S.o.s... S.o.s...

по поручению «Уральского Рабочего» — «ВЕСЕЛАЯ КУЗНИЦА».

Великий сыщик нахмурился:

— Дело весьма и весьма опасное, Ватсон. Я советовал бы вам написать завещание и проститься с женой. Этот Баскервиль — воистину коршун! Он дьявольски хитер. Мы сейчас вылетаем в Париж-Берлин-Москву-Свердловск.

ИЗ ДНЕВНИКА ДОКТОРА ВАТСОНА (ЭСКВАЙРА).

14 декабря, Свердловск. Редакцию мы нашли сразу: из двухэтажного дома доносился оглушительный, свирепый лай дикого зверя.

— Здесь! — проникновенно сказал мой великий друг и его глаза засверкали, как у тигра.

Я вынул револьвер и мы осторожно стали подниматься по лестнице...

ОТ РЕДАКЦИИ

На этом записки доктора Ватсона обрываются.

Что случилось с отважными сыщиками — мы не знаем! Может быть, их растерзала собака Баскервиля-Коршунова? Может быть, они уничтожили ее и выгнали ее хозяина из комнаты и он живет в другом месте, — ничего не известно. Может быть, в следующем номере узнаем подробности этого жуткого дела.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДНЕВНИКА ДОКТОРА ВАТСОНА
(ЭСКВАЙРА) О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ ШЕРЛОКА ХОЛЬМСА
В СВЕРДЛОВСКЕ

...Стали осторожно подниматься по лестнице.

Редакция — как вымерла: — все сотрудники разбежались, спасаясь от дикого зверя. В одной из комнат, под столом, мы нашли молодого джентльмена. На наше приглашение указать нам путь в логовище баскервильской собаки, — молодой джентльмен произнес, не выходя из-под стола, заикаясь от страха:

— Т-т-там. Н'аверху... Я — пппотря-сен!

Хольмс, как ищейка, кинулся по указанному следу. Еле поспевая за ним и чуть не ошибаясь дверью, я взбежал наверх и увидел бритого джентльмена.

— Где Шерлок Хольмс? — закричал я, направляя на него револьвер.

— Там, у Коршунова. Пощадите меня. Я не имею с ним ничего общего. Я — у себя дома.

Оставив этого джентльмена, я побежал направо и увидел бледного Холмса выходящего из дверей.

— Вы живы, учитель?

— Как будто жив. Идем, Ватсон — нам здесь нечего делать.

Сидя у камина, Холмс, зябко кутаясь в клетчатый плед, куря трубочку и играя на банджо, рассказал мне конец этой удивительной истории.

— Подбросьте угля в камин, Ватсон. Так. Когда я вошел в квартиру лорда Баскервиль-Коршунова, то лай дикого зверя слышался издали, как отдаленное эхо. Пробежав все комнаты, даже поднявшись на чердак по лестнице через комнату сторожихи, я не нашел собаки нигде! Лорд Баскервиль успел ее опять спрятать, чтобы в нужный момент спу-

стить на своих врагов. На чердаке я нашел какие-то следы, — видимо фосфора, которым этот негодяй мазал зверя для устрашения людей. Однако, исследовав эти следы в своей лаборатории, я убедился, что это не фосфор, а нечто совершенно другое. Видимо, на чердаке баскервильская собака бывала довольно часто. Чердак имеет два входа: — второй — дыра, проломанная Баскервилем в кухонном потолке, неизвестно для каких целей.

Вот и все.

— Позвольте, Хольмс! А собака?

— Я же говорю, что она исчезла при нашем приближении. Собаки нет, — но Баскервиль-Коршунов остался! И пока он там, я не дал бы за жизнь и спокойствие редакции и двух пенсов. Я уверен, Ватсон, что мы еще славно повоюем с вероломным Баскервиль-Коршуновым, — закончил величайший в мире сыщик свой жуткий рассказ.

Я подбросил кило угля в потухающий камин.

КОММЕНТАРИИ

Аноним. Шерлок Холмс в Симбирске

Впервые как отдельное изд.: Шерлок Холмс в Симбирске. Симбирск: Тип. А. И. Колосова, 1908. Книжка была выпущена как рекламная и включала различные объявления.

С. 12. ...*Мариани* — написание унифицировано, в оригинальном тексте встречается и «Мориани». Злодей Мариани (Мориани), инкарнация профессора Мориарти, был героем пьесы Ф. Бонна *Шерлок Холмс*, поставленной в сентябре 1906 г. в петербургском Малом театре Суворина. Вскоре появилась пьеса Ф. А. Бера *Мариани* (Новый театр О. В. Некрасовой-Колчинской). «Предводитель шайки разбойников» Мариани творил здесь чудеса преступной ловкости: в отсутствие Холмса устраивался к нему в дом поваром, похищал жену детектива, затем демонстрировал ей «поддельную голову Шерлока» и убеждал несчастную выйти за него замуж и т. д. В сезон 1906-1907 гг. в столице и провинции шла также пьеса Н. А. Смурова *Месть Мариани*; в конце ее Мариани оказывается заперт Холмсом в собственном тайнике внутри больших старинных часов и стреляется.

С. 14. ...*бундистского направления* — БУНД (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) — еврейская социалистическая партия, действовавшая в Восточной Европе до Второй мировой войны.

С. 14. ...«Анонимного Бельгийского Общества»... *трамвая* — С конца XIX в. разного рода бельгийские «анонимные» (т. е. открытые акционерные) общества занимались в России электрификацией городов и путей сообщения. Необходимость строительства трамвая много обсуждалась в Симбирске в 1900-х-начале 1910-х гг., был разработан проект, но первый трамвай появился в Симбирске (Ульяновске) лишь в 1954 г.

С. 19. ...*в николаевке* — т. е. в форменной студенческой шинели.

С. 20. ...*мистер Рафльс* — Намек на взломщика-джентльмена Раффлса, героя рассказов Э. У. Хорнунга (1866-1921), переведившихся и в России. Хорнунг был женат на сестре А. Конан Дойля Констанс, и в Раффле и его друге Банни усматривали пародию на Шерлока Холмса и д-ра Уотсона.

Г. Озеров. Шерлок Хольмс в Твери

Впервые в авторском сб.: Озеров Гр. Брызги пера. Тверь: тип. «Тверская газета», [1911] (Дешевая юмористическая библиотека. Вып. первый).

С. 33. *Гоголев I* — И. С. Гоголев первый (? – ?), тверской адвокат, журналист, общественный деятель. Присяжный поверенный Тверского окружного суда (1900 – ок. 1915). В 1906-1907 гг. издавал газ. *Тверское слово*. В период написания фельетона был гласным Тверской городской думы.

С. 35. ...*А. П. Гучков... союза 17 октября* — А. П. Гучков (1862-1936) — российский политик и государственный деятель, председатель III Государственной думы (1910-11), председатель Центрального военно-промышленного комитета (1915-17), военный министр Временного правительства. Возглавлял «Союз 17 октября», праволиберальную партию промышленников, крупных землевладельцев и чиновников («октябристы»), названную так по манифесту Николая II от 17 (30) октября 1905 г.

Аноним. Шерлок Холмс в Петербурге

Впервые: *Всем*. 1907. № 9, 29 ноября.

С. 38. ...*Гарри Таксон* — также Тексон, Тэксон, помощник Шерлока Холмса в переводных «выпусках», на которые и ориентировался автор данного пастаиша. Не исключено, что в этом произведении использованы мотивы, сюжет и даже фрагменты текста какого-либо немецкого «выпуска», посвященного Шерлоку Холмсу, поскольку именно они публиковались ранее в переводе в журнале *Всем*.

С. 41. ...*Лансере, Бенуа, Сомова* — Е. Е. Лансере (1875-1946), А. Н. Бенуа (1870-1960), К. А. Сомов (1869-1939) — художники группы «Мир искусства», виднейшие представители русского художественного модернизма.

Аноним. Шерлок Холмс в Москве

Впервые: *Огонек*. 1908. № 12. 23 марта (5 апреля).

С. 120. ...*Кнейпа* — С. Кнейп (также Кнейпп, Кнайп, 1821-1897) — немецкий католический священник, создатель методики и автор книг о водолечении и здоровом образе жизни.

Аноним. Шерлок Холмс в Одессе

Впервые: *Огонек*. 1908. № 16. 20 апреля (3 мая).

Аноним. Шерлок Холмс в Баку

Впервые: *Огонек*. 1908. № 20. 18 (31) мая.

С. 170. ...*дашнакцутюны* — т. е. члены существующей по сей день армянской социалистической и националистической партии Дашнакцутюн, возникшей в 1890 г.

С. 198. ...*Нат Пинкертон... Боб Руланд* — перечислены различные сыщики, герои грошовых «выпусков».

С. 200. ... *pereat mundus, vivat justitia* — искаженная версия латинского изречения «Fiat justitia, et pereat mundus» («Да погибнет мир, но восторжествует правосудие»).

Дело журнала «Огонек» и Шерлока Холмса

Впервые: *Огонек*. 1908. №№ 24-30, 15 (28) июня – 27 июля (9 августа).

С. 244. ...*Асланов и К°* — Имеется в виду глава сыскной части киевской полиции С. Ф. Асланов (ок. 1872 – ?). В 1908 г. киевские газеты широко обвиняли его в злоупотреблениях и взяточничестве; в 1909 г. Асланов был приговорен Киевской судебной палатой к трем годам и трем месяцам заключения.

Аноним. Шерлок Холмс в Пензе

Впервые: *Пензенские ведомости*. 1908. №№ 90, 96, 99, 104, 112 (27 апреля – 28 мая).

Меч. Шерлок Холмс наизнанку

Впервые: *Пензенские ведомости*. 1908.

С. 283. ...*Киев... Асланову* — см. выше прим. к с. 244.

С. 285. ...*Пинетти* — Дж. Дж. Пинетти (1750-1799/1800), прославившийся в Европе как «кавалер Пинетти», самый знаменитый иллюзионист своего времени.

С. 288. ...*Годнева* — И. В. Годнев (1854-1919) — врач, помещик, статский советник, депутат Государственной думы III и IV созывов, член «Союза 17 октября». Был государственным контролером в составе Временного правительства.

Аноним. Тайны нашего города

Впервые: *Наша Пенза*. 1910. №№ 29-32, 34, 40, 42-45 (25 июля – 9 ноября). Нами исправлен сбой в нумерации главок.

Аноним. Баскервильская собака

Впервые: *Веселая кузница*. 1928. №№ 32-33.

Оглавление

По городам и весям: Уроки географии Шерлока Холмса

Аноним. Шерлок Холмс в Симбирске	8
Г. Озеров. Шерлок Хольмс в Твери	31
Аноним. Шерлок Холмс в Петербурге: (Из записок всемирного полицейского сыщика)	36
Аноним. Шерлок Холмс в Москве	101
Аноним. Шерлок Холмс в Одессе	134
Аноним. Шерлок Холмс в Баку	168
Дело журнала «Огонек» и Шерлока Холмса	202
Аноним. Шерлок Холмс в Пензе	256
Меч. Шерлок Холмс наизнанку: Фельетон	282
Аноним. Тайны нашего города: (Роман в современном вкусе)	291
Аноним. Баскервильская собака: Последние приключения Шерлока Хольмса в Свердловске	306
Комментарии	311

Настоящая публикация преследует исключительно культурно—образовательные цели и не предназначена для какого—либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.